

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады*



США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2022

№ 6 (630)

Июнь

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

Журнал издаётся под руководством

Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия); Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); К.И. Косачёв (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия); Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва, Россия); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО, Москва, Россия); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); М.А. Портной (ИСКРАН, Москва, Россия); С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия); В.Б. Супян (ИСКРАН, Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия); Том Грэм (Ассоциация Киссинджера, Нью-Йорк, США); Пан Давэй (Шанхайская академия общественных наук, Шанхай, КНР); Нобуо Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония) Анжела Стент (Джорджтаунский университет, Вашингтон, США); Кадзухико Того (Университет Киото Сангё, Киото, Япония).

Номер готовили:

В.С. Аничкина; В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов.

Москва

© Российская академия наук, 2022

© Институт США и Канады РАН, 2022

© Редколлегия журнала «США & Канада»
(составитель), 2022

*Russian Academy of Sciences
Institute for the U.S. and Canadian Studies*

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2022

No. 6 (630)

June

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); M. Portnoi (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shakleina (MGIMO, Moscow, Russia); Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., New York, USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2022

© Institute for the U.S. and Canadian
Studies (ISKRAN), 2022

© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2022

Содержание

2022, № 6 (630)

Пороховский А.А. Национальная инфраструктура как фактор экономического развития США.....	5
Солдатенкова О.И. Роль Канады в формировании гендерной повестки торговых соглашений.....	21
Давыдов А.А. Основы стратегического планирования внешней политики США.....	33

Наука и технологии

Травкина Н.М. Цифровизация общества: альтернативные проекты Будущего.....	50
--	-----------

Вопросы управления

Сауткина В.А. Система здравоохранения в США: в поисках новой модели управления.....	71
--	-----------

Размышляя над прочитанным

Сургулазде В.Ш. В эпицентре разведывательных сетей США.....	88
--	-----------

Культура

Переверзева М.В. Жанр портрета в творчестве фотохудожников США.....	108
Информация для авторов	127

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Любое использование публикаций журнала в коммерческих целях, включая перепечатку или перевод на иностранные языки, без письменного согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал при цитировании или частичном использовании текста публикаций обязательна.

Contents

2022, No. 6 (630)

Porokhovskiy A.A. National Infrastructure as a Factor of U.S. Economic Development.....	5
Soldatenkova O.I. Canada's Role in Shaping the Gender Agenda of Trade Agreements.....	21
Davydov A.A. The Foundations of Foreign Policy Strategic Planning of the United States.....	33

Science and Technology

Travkina N.M. Digitalization of Society: Alternative Projections of the Future.....	50
--	-----------

Management

Sautkina V.A. The U.S. Healthcare System: In Search of a New Management Model.....	71
---	-----------

Reader's Deliberations

Surguladze V.Sh. At the Epicenter of U.S. Intelligence Networks.....	88
---	-----------

Culture

Pereverzeva M.V. Portrait Genre in the Work of the US Photo Artists.....	108
---	------------

JEL O33, O38, O43, O51, P17.

УДК 330.341.42

DOI: 10.31857/S2686673022060013

EDN: GRGZRZ

Национальная инфраструктура как фактор экономического развития США

А.А. Пороховский

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок, д. 2/3

МГУ имени М.В. Ломоносова, Экономический факультет

Российская Федерация, 119991 Москва, Ленинские горы, д.1 стр.46

Researcher ID: 1133-2013

Scopus Author ID: 57210344212

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5520-0550>

e-mail: anapor@econ.msu.ru

Резюме. Экономическое развитие США в современных условиях встречает немало вызовов, среди которых наибольшее значение приобретает состояние инфраструктуры экономики и страны в целом. Инфраструктура предопределяет устойчивость экономического роста, сбалансированность развития штатов и территорий, укрепляет единство экономического пространства страны и основы её конкурентоспособности на мировой арене. В статье показывается, как в наступившем веке изменяются параметры и содержание инфраструктуры, дополняемой информационно-коммуникационной составляющей и растущими требованиями охраны окружающей среды. Всё это ставит в повестку дня решение как практических, так и теоретических вопросов. С одной стороны, требуются громадные инвестиции на обновление и развитие инфраструктуры, а с другой – поиск и обоснование оптимальности новой инфраструктуры и методов её измерения.

Ключевые слова: национальная инфраструктура, единое национальное экономическое пространство, экономическое развитие, экономический рост, цифровизация, частно-государственное партнерство, США.

Для цитирования: Пороховский А.А. Национальная инфраструктура как фактор экономического развития США. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2022; 52(6):5-20. DOI: 10.31857/S2686673022060013 EDN: GRGZRZ

National Infrastructure as a Factor of U.S. Economic Development

Anatoly A. Porokhovsky

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN)

2/3 Khlebnyy per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics

1, build. 46, Leninsky Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

Researcher ID: 1133-2013

Scopus Author ID: 57210344212

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5520-0550>

e-mail: anapor@econ.msu.ru

Abstract. The economic development of the United States in modern conditions meets many challenges, among which the state of the infrastructure of the economy and the country as a whole is of the greatest importance. Infrastructure determines the sustainability of economic growth, the balanced development of states and territories, strengthens the unity of the country's economic space and the foundations of its competitiveness on the world stage. The article shows how the parameters and content of the infrastructure are changing in the coming century, supplemented by the information and communication component and the growing requirements of environmental protection. All this puts on the agenda the solution of both practical and theoretical issues. On the one hand, huge investments are required for the renewal and development of infrastructure, and on the other - the search and justification of the optimality of the new infrastructure and methods of its measurement.

Keywords: national infrastructure, unified national economic space, economic development, economic growth, digitalization, public-private partnership, USA

For citation: Porokhovskiy A.A. National Infrastructure as a Factor of U.S. Economic Development. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022. 52(6): 5-20.

DOI: 10.31857/S2686673022060013 EDN: GRGZRZ

ВВЕДЕНИЕ

Не один десяток лет, особенно после «нового курса» Ф.Д. Рузвельта, при котором развернулся широкий фронт общественных работ по развитию дорог, аэропортов и морских портов, других транспортных и энергетических объектов, американцы гордятся своей транспортной системой, обеспечивающей доступность фактически любой точки страны. Заточенные на автомобильный транспорт федеральные, штатные и местные дороги дали громадный толчок для предпринимательства, создания приемлемых условий для жизни на всей территории страны, расширяя при этом внутренний рынок как важнейший фактор экономического роста. Дорожная сеть берёт на себя 70% всех грузов, доставляемых бизнесу, государственным органам и гражданам

Однако износ дорожной инфраструктуры стал напоминать о себе особенно остро в наступившем столетии. Не случайно поэтому уже в 2008 г. на эту проблему внимание нации было обращено в Экономическом докладе президента США [4]. Эти вопросы поднимались и на страницах журнала «США & Канада» [Пороховский А.А. 2008]. Между тем до сих пор вопросы инфраструктуры не сняты с американской повестки дня. Более того 28 февраля 2022 г. случилось очередное обрушение крупного моста, теперь в г. Питсбурге. Место происшествия вынужден был посетить президент Дж. Байден, публично признавший ответственность федерального правительства за безопасность дорожной инфраструктуры и неотложность финансирования необходимых работ, что также было отмечено затем в его экономическом докладе [5]. Администрация Дж. Байдена амбициозно провозгласила «меры по реконструкции страны» [5: 287-394].

15 ноября 2021 г. Дж. Байден подписал ранее принятый Конгрессом закон «Об инфраструктуре» (*The Bipartisan Infrastructure Law*), а затем создал в своей администрации специальную Службу по инфраструктуре (*Infrastructure Implementation Task Force*) во главе со старшим советником-координатором М. Лэндрю (*Mitch Landrieu*) для контроля реализации данного закона. За счёт намеченных инвестиций в 1,2 трлн долл. на десять лет предполагается ежегодно открывать 1,5 млн новых рабочих мест. На модернизацию существующей сети скоростных дорог и строительство новых, включая мосты и другие сооружения, размер инвестиций на первые пять лет превышает 350 млрд долл. Для понимания масштаба проблем только в этой сфере достаточно отметить, что 45 тыс. мостов нуждаются в ремонте и обновлении, а каждая пятая миля дорожной сети не отвечает требованиям безопасной эксплуатации.

Действительно, национальная инфраструктура не сводится к надёжной широкомасштабной транспортной сети [Duranton J. et al. 2020]. Функционирование экономики и общества опирается также на мобильный рынок труда, бесперебойное энергетическое снабжение, устойчивые финансы, эффективное коммунальное хозяйство, информационно-коммуникационную цифровую сферу, устойчивую охрану окружающей среды, гармонию человека и природы. Динамизм и сложность современного развития таковы, что даже статистические методы не всегда успевают зафиксировать новые явления и процессы и оценить их важность и роль, чтобы затем все это стало предметом научных обобщений и исследований [Bova F. et al. 2022]. Но уже сейчас можно выделить ряд тенденций, которые предопределяют развитие американской национальной инфраструктуры. Остановимся в нашей статье на предварительном анализе некоторых из этих процессов.

АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В рыночной системе, являющейся основой смешанной американской экономики, любой процесс, требующий инвестиций, сразу вызывает традиционные вопросы – сколько стоит и какова эффективность. Применительно к общенациональной инфраструктуре определить и измерить эффективность можно по нескольким параметрам, которые в свою очередь подразделяются, с одной стороны, на федеральные, штатные и районные, а с другой – на физические (материальные), социальные и экологические. Учитывая заточенность администрации Дж. Байдена на экологические проблемы и мировой «зеленый транзит» [Голуб Ю.Г., Шенин С.Ю. 2022], легко представить, что этот параметр находится не на последнем месте в федеральных ведомствах при выделении инвестиций на инфраструктуру.

Тематика инфраструктуры по разным причинам и поводам не сходит с экранов телевизоров, газетных полос, социальных сетей. Вместе с тем вопросы инфраструктуры находятся среди центральных исследовательских проблем научного сообщества. Так, известная во всём мире научная площадка Национальное бюро экономических исследований (*National Bureau of Economic Research*) с главным офисом в г. Кэмбридже, здание которого находится между Гарвардским университетом и Массачусетским технологическим институтом, организовало и провело 15-16 ноября 2019 г. конференцию на тему «Экономический анализ и инфраструктурные инвестиции». Её материалы изданы в одноименной монографии издательством Чикагского университета в ноябре 2021 г. [Economic Analysis. 2021]. Участники конференции в своих главах рассмотрели всю совокупность проблем инвестирования в американскую инфраструктуру, проводя также международные сопоставления в этой сфере. Авторы монографии стремились донести до общественности результаты своих научных поисков также и в других своих публикациях.

Во введении редакторы публикации поднимают фундаментальный вопрос об экономической роли государства в обществе, подчёркивая при этом, что инфраструктура страны относится в значительной степени к общественному сектору, а значит именно государство должно держать в центре своего внимания строительство, финансирование и оперативное наблюдение за состоянием и функционированием объектов инфраструктуры. От государственных институтов также зависит участие частного капитала в инвестициях и создание условий для оптимальной реализации инфраструктурных инвестиционных программ. При этом основным заказчиком в этой сфере выступает федеральное правительство, которое должно строить свою работу на базе проектного управления с учётом значительных внешних эффектов, присущих инфраструктуре как в США, так и в других странах. Нельзя не учитывать пагубное влияние эпидемии ковид-19 на физическую и на цифровую инфраструктуру в последние годы. [Economic Analysis, 2021: 1-38]. В этой связи исследователям в России следовало бы обратить внимание на научные работы учёных Института США и Канады РАН по проблемам федеральной контрактной системы и государственного хозяйствования, проводившихся под руководством известного российского американиста В.А. Федоровича [Федорович В.А. 2010], в которых рассмотрен за длительный период опыт организации федеральных контрактов, их проектное финансирование и конкурентный отбор компаний-исполнителей. Фундаментальный анализ позволил учёным показать всю палитру проблем, сопровождающих процесс использования средств федерального бюджета на государственные и общественные цели. Под влиянием цифровизации механизм выполнения заказов претерпел определённые изменения, многие процедуры перешли в онлайн, но по-прежнему с немалым напряжением приходится согласовывать интересы биз-

неса, государства и общества, интересы штатов и графств, жителей конкретных территорий. Это вызвано тем, что физическая инфраструктура плотно связана с социальной структурой американского общества, оказывает непосредственное влияние на качество жизни людей.

Специалисты Бюро экономического анализа (*Bureau of Economic Analysis*) подчёркивают, что инфраструктура вносит свой вклад не только в экономический рост США, но и каждого штата, поэтому её эффективность или сбои ощущает прямо или косвенно каждый человек. Они предлагают для статистического учёта и экономического анализа квалифицировать инфраструктуру как сферу, состоящую из (1) компаний, генерирующих и поставляющих электроэнергию; (2) компаний, производящих иные виды энергии, включая газ, другие минеральные энергоресурсы, а также их доставку потребителям; (3) коммуникационной структуры – телефон, интернет, почта, масмедиа и др.; (4) скоростных дорог федерального значения; (5) водного транспорта; (6) здравоохранения; (7) образования и отдыха; (8) наземного транспорта, включая железнодорожный; (9) воздушного транспорта; (10) наземного нерельсового транспорта. [Bennett J. et al. 2020: 16]. Надо также иметь в виду, что каждый элемент инфраструктуры описывается соответствующими отраслями экономики, имеющими свой квалификационный номер в североамериканской статистической системе (*North American Industry Classification System, NAICS*). Скажем, для поддержания национальной инфраструктуры большое значение имеет собственность федерального правительства, включая офисы правительственных органов по всей территории страны. За 20 лет, с 1997 по 2017 г., расходы на оборудование таких офисов разнообразным цифровым оборудованием выросли в 5 раз. Однако темпы затрат на цифровизацию инфраструктуры в целом не ведут к таким же темпам роста производительности труда и ВВП.

Выше уже отмечалось, что с точки зрения социальной значимости и использования современных технологий национальная инфраструктура условно подразделяется на базовую, социальную и цифровую. Следует заметить, что цифровизация и информационная отрасль в статистике США начали отражаться с 2000 г., хотя активное внедрение интернета зафиксировано в стране с начала 1990-х годов. При этом в последующие годы явно обнаружилась тенденция растущих темпов инвестиций в повсеместное внедрение цифровых технологий и цифровую отрасль как таковую. Однако эти инвестиции не привели к росту темпов производительности труда и ВВП страны. Как видно из табл.1, за 20-летний период среднегодовые темпы роста капитала в базовой инфраструктуре остались неизменными, а капитал цифровой инфраструктуры демонстрирует растущие ежегодные темпы роста, достигнув в 2007–2017 гг. 4,5%. Но темпы роста производительности упали почти втрое, такое же снижение мы видим по параметру душевого роста реального валового внутреннего продукта.

Таблица 1

Среднегодовая динамика основного капитала по типам инфраструктуры, %

Тип инфраструктуры	1997–2007 гг.	2007– 2017 гг.
Инфраструктура в целом	1,2	1,0
Базовая	0,6	0,6
Социальная	2,2	1,2
Цифровая	3,7	4,5
<i>Для сравнения:</i>		
Многофакторная производительность частного бизнеса	1,5	0,4
Реальный ВВП на душу населения	2,1	0,7

Bureau of Labor Statistics, Multifactor Productivity Trends, 2018, March 20, 2019

Приведённые данные подтверждают тот факт, что растущие инвестиции в инфраструктуру обеспечивают слабый экономический рост, но пока не дают ощутимого изменения благосостояния населения. Профессор Калифорнийского университета в Сан-Диего В. Рэми провёл эконометрический анализ с использованием различных моделей и пришёл к выводу, что не выявляется прямо пропорциональная зависимость между ростом государственных инвестиций в инфраструктуру и ростом других макроэкономических показателей, в том числе уровнем занятости. [Ramey, V. 2020: 40-41]. Понятно, что значение инфраструктуры в экономике и обществе значительно шире, чем влияние на душевой ВВП и занятость, но эти индикаторы наиболее социально значимы.

Темпы развития цифровой инфраструктуры не снижаются независимо от экономической конъюнктуры и влияния пандемии коронавируса. С одной стороны, специалисты предупреждают о теневых сторонах цифровизации и даже об отрицательных её последствиях в ряде случаев, особенно в связи с бурным распространением искусственного интеллекта. [Acemoglu D. 2021]. С другой стороны, современный уровень доступности почти всей информации в режиме реального времени в любой точке национальной территории неожиданно поставил вопросы об обеспечении точным временем бизнеса, граждан и государственные структуры на базе новых технологий (атомные часы в ключевых точках страны, оптико-волоконные кабели, подключение спутниковых систем) и о традиционном пути передачи сигналов времени по радио и другие общедоступные средства коммуникации через определённые интервалы. Этот процесс находится под контролем Министерства внутренней безопасности США и Национального института стандартов и технологии (*National Institute of Standards and Technology*) [6]. Как видно, инфраструктура приобретает новые очертания, которые федеральное правительство стремится держать в рамках национальных интересов.

Таблица 2

Сравнение ВВП штатов США с ВВП отдельных стран и территорий мира, 2019 г., млрд долл.

Штаты США	ВВП	Страны или территории мира	ВВП
Калифорния	3139,5	Индия	2935,6
Техас	1888,8	Бразилия	1847,0
Нью-Йорк	1734,2	Канада	1730,9
Флорида	1094,0	Индонезия	1111,7
Иллинойс	897,6	Нидерланды	902,4
Пенсильвания	813,8	Саудовская Аравия	779,3
Огайо	698,8	Турция	743,7
Нью-Джерси	645,4	Швейцария	715,4
Джорджия	616,5	Тайвань	586,1
Вашингтон	600,1	Польша	565,9
Массачусетс	595,8	Таиланд	529,2
Северная Каролина	587,9	Швеция	528,9
Вирджиния	554,5	Бельгия	517,6
Мичиган	541,6	Иран	458,5
Мэриленд	428,4	Австрия	447,7
Колорадо	590,5	ОАЭ	405,8
Миннесота	381,2	Израиль	387,7
Теннесси	380,3	Ирландия	384,9
Индиана	377,3	Гонконг	373,0
Аризона	366,4	Малайзия	365,3
Висконсин	347,3	Дания	347,2
Миссури	332,4	Колумбия	327,9
Коннектикут	286,0	Чили	294,2
Луизиана	264,0	Финляндия	269,7
Орегон	251,7	Вьетнам	261,6
Южная Каролина	246,4	Чехия	247,0
Алабама	231,0	Португалия	236,4

Кентукки	214,7	Греция	214,0
Оклахома	206,2	Новая Зеландия	204,7
Айова	194,9	Гана	191,8
Юта	188,6	Алжир	172,8
Невада	177,7	Венгрия	170,4
Канзас	173,3	Казахстан	170,3
Округ Колумбия	146,2	Украина	150,4
Арканзас	133,2	Кувейт	137,6
Небраска	127,1	Марокко	119,0
Миссисипи	118,9	Ангола	107,3
Нью-Мехико	104,1	Эстония	107,9
Гавайи	97,2	Кения	98,6
Нью-Хэмпшир	88,6	Доминиканская республика	89,5
Айдахо	81,0	Гватемала	81,3
Западная Вирджиния	78,3	Оман	76,6
Делавэр	75,5	Венесуэла	70,1
Мэн	67,5	Панама	68,5
Род-Айленд	63,6	Танзания	62,2
Северная Дакота	57,1	Ливан	58,6
Аляска	55,5	Словения	54,2
Южная Дакота	53,4	Литва	53,6
Монтана	52,2	Сербия	51,5
Вайоминг	39,7	Парагвай	40,7
Вермонт	34,8	Латвия	35,0

[1].

Один из оплотов американского консерватизма и либерализма Американский институт предпринимательства (*American Enterprise Institute*) решил напомнить и американцам, и всему миру о том, что не только сама страна с валовым внутренним продуктом в 21,5 трлн долл. продолжает оставаться лидером мирового развития, но и каждый её штат, даже самый небольшой, имеет свой внутренний валовый продукт, который больше ВВП какой-либо страны мира (см. табл.2). Опубликована при этом административная карта США, на которой

наряду с названием каждого штата, включая округ Колумбию, указана страна с примерно таким же объёмом валового продукта. Получается, что на территории Соединённых Штатов условно размещаются 51 страна и территория [1]. Этим демонстрируется не только величие и превосходство США над другими странами мира, но и эффективность их структуры экономики и национальной инфраструктуры вообще, способствующих экономическому развитию и в трудные годы эпидемии коронавируса, и быстрому выходу из экономического кризиса с февраля по апрель 2020 года.

Среди исследовательских работ Федеральной резервной системы (*Federal Reserve System*)/ Центрального банка США выделяются регулярные аналитические обзоры экономики американских штатов в рамках финансовых округов, поочередно издаваемые банками 12 федеральных округов. 12 января 2022 г. вышло такое очередное издание [2], в котором кратко, но ёмко описано состояние экономики штатов и округов, показана их роль и место в текущем развитии страны и потенциал для ответа на возникающие вызовы социального, технологического или природного характера. Подобные публикации напоминают читателям о том, что финансовая система страны при всех современных нововведениях цифрового характера опирается на реальную экономику, её многофункциональную инфраструктуру.

Здесь уместно еще раз обратить внимание на федеральную контрактную систему. Цифровизация позволила создать федеральную базу данных потенциальных заказов правительства и потенциальных исполнителей-компаний. Известное во всем мире американское агентство Блумберг (*Bloomberg*) через свою специальную службу «Блумберг гавернмент» (*Bloomberg Government*) выпустило уже 10-й ежегодный доклад о лидерах бизнеса, работающих по заказам федерального правительства [3]. В 2020 фин. г. объём заказов достиг 682 млрд долл., что на 14% превышает такие же затраты в 2019 г. Причём 200 крупнейших корпораций имеют долю в 65% всей суммы выполняемых контрактов. Из-за эпидемии коронавируса финансовые расходы на медицинские цели выросли на 50%, или на 22 млрд долл.; на военные корабли, подводные лодки, самолеты и другие подобные изделия – на 41%; на научные исследования и разработки – на 26%, или 14 млрд; на информационные технологии – на 10%, или на 7 млрд долл. [3:1-4]. В докладе подробно рассматривается, как функционирует контрактная система в современных условиях, как влияют компании-гиганты на экономику штатов своего нахождения, даётся подробная характеристика компаний-лидеров, большинство которых остаётся в списке основных контрагентов федерального правительства не один десяток лет. Становится очевидным, что федеральная система заказов и закупок оказывает самое непосредственное влияние на национальную инфраструктуру, которая в немалой степени служит национальной безопасности.

ГОСУДАРСТВО: НАДЕЖДА ИЛИ ОБУЗА?

В американском обществе сохраняется стойкое подозрение в неэффективности государственных институтов и предпочтение частного бизнеса. На бытовом уровне и в научной литературе продолжают дискуссии об экономической роли государства, о возможности и степени его вмешательства в рыночный механизм, о защите конкуренции антимонопольными органами федерального правительства. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) регулярно публикует многостраничные доклады с оценкой деятельности правительств стран – членов ОЭСР [9]. Среди параметров измерения результатов работы правительств – роль в организации борьбы с эпидемией коронавируса ковид-19, государственные финансы, закупки товаров и услуг, управление и финансирование инфраструктуры, цифровое правительство, доверие к государственным институтам. Надо отметить, что по сравнению с другими странами доверие американцев к своему федеральному правительству колеблется вокруг среднего уровня [9: 205-216].

Полную картину состояния и динамики экономики США можно получить также из других периодических изданий ОЭСР [10]; [11]. При этом специалисты ОЭСР подготовили специальный доклад для рабочей группы по инфраструктуре, созданной странами, входящими в Группу двадцати (G20), где обратили внимание на взаимосвязь национальных инфраструктур с мировой системой обеспечения цепочек стоимости и соответствующих международных расчётов и платежей с учётом повсеместной цифровизации [10]. Как известно, группа крупнейших экономик мира сформировалась осенью 2008 г. для выработки согласованных мер для преодоления тяжёлых последствий мирового экономического кризиса 2007-2009 годов. Нахлынувшая на весь мир в 2019 г. эпидемия COVID-19 изменила задачи Группы двадцати, вынудила каждое государство самостоятельно решать возникшие проблемы. При этом обнаружили не только недостатки национального здравоохранения, но и способность правительства комплексно рассматривать и решать социальные и экономические задачи. Населению всех без исключения стран стало очевидно, что только государство имеет ресурсы, чтобы справиться с невиданными ранее вызовами, а бизнес выбирает своё участие в общенациональных программах действий. Всем вдруг стало ясно, что девиз *«чем меньше государства, тем лучше»* потерял свою универсальность и остался лишь на страницах соответствующих учебников. Так сформировалась *надежда на государство*.

Вместе с тем критический разбор текущей экономической политики администрации Дж. Байдена продолжает расширяться. Сторонник Демократической партии Нобелевский лауреат по экономике проф. П. Кругман в своей колонке в

«Нью-Йорк таймс», которую ведёт с 2000 г., указывает, что динамика экономических событий не похожа на период *рейганомики*, что сегодня происходит увеличение занятости при одновременной высокой инфляции. Однако причина инфляции в значительной мере зависит от действий правительства, которое прямо влияет на её факторы [8]. Другой аналитик обращает внимание на противоречивость политики антимонопольных властей, которые усилили давление на большой бизнес и одновременно создают новые барьеры для слияний и поглощений разных компаний. Тем самым тормозится создание новых рабочих мест и общий экономический рост [7]. В результате государственные фонды поддержки различных рынков не всегда достигают намеченных целей, снижая свой инвестиционный потенциал [Swanson E. 2022]. При этом высокими темпами растёт влияние неосязаемых активов и человеческого капитала на развитие компаний и их производительности в современных условиях [Crouzet N. et al. 2022].

В последние годы индекс мирового развития становится всё более непредсказуемым [Ahir H. et al. 2022], а развитие американской и мировой экономики всё более приобретает волнообразный характер [Hirano T. et al. 2022], когда будущий экономический рост невозможно прогнозировать на базе прежних методов и текущих тенденций из-за множества новых обстоятельств [Jones S. 2021]. Одним из таких существенных обстоятельств оказалась эпидемия и вызванная ею удалённая или дистанционная работа. С одной стороны, ускорилося развитие самозанятости, которая значительно расширила масштабы так называемой *гигэномики* (*gig economy*), когда занятость не зависит от компаний или государства, а люди сами берут на себя всю ответственность за характер и результаты своей работы. В этом случае для человека могут быть только те гарантии, которые существуют в стране со стороны государства для любого гражданина [Colaiacovo I. et al. 2022]. С другой стороны, удалённая работа повлияла на рынок жилья и спрос на офисы и другие помещения бизнеса. Оказалось, что многие офисные работники вполне предпочитают работать дома и на это согласны их компании. Отсюда изменился спрос на жилье соответствующего размера и проекта, а также на окружающую дома и офисы инфраструктуру. Упал спрос на аренду больших офисов. Всё это сказалось на динамике и структуре жилищного строительства, которое традиционно выступает определённым барометром состояния национальной экономики [Waller C. 2022]. Образ двухэтажной Америки и городских небоскребов не уходит в историю, но значительно модифицируется под натиском информационных технологий.

Любая инфраструктура в конечном счёте опирается на материальную основу, которую создаёт обрабатывающая промышленность. Более того, она в разной степени обеспечивает все отрасли экономики и общества, в том числе и материальную составляющую цифровизации. Не случайно поэтому специалисты призывают модернизировать обрабатывающую промышленность, от которой зави-

сит модернизация и всей американской экономики. Дело в том, что с количественной точки зрения на ней занято 10% всех работников страны, её вклад в ВВП США превышает 11%, она располагает 20% всего основного капитала, 55% всех патентов, 70% расходов на НИОКР, обеспечивает 35% роста производительности и 60% экспорта товаров. Даже этих общих данных достаточно для понимания, каково качественное значение отраслей обрабатывающей промышленности для национальной экономики, обеспечения её устойчивости и национальной безопасности [13].

Во взаимодействии бизнеса и государства в течение более чем 30 лет для развития национальной инфраструктуры всё активнее используется государственно-частное партнерство (ГЧП) (*public-private partnerships (PPPs)*). По сравнению с Европейским Союзом в США эта форма только начинает распространяться [Engel E. et al. 2020]. Государству становится выгодно инвестировать свой капитал таким способом, поскольку уменьшаются издержки по сопровождению проектов и контрактов, растёт прозрачность их исполнения, сокращаются бюрократические барьеры. При этом ГЧП реализуются в таких сферах, где население может воочию убедиться в эффективном государственном хозяйствовании, а бизнес получает устойчивые длительные заказы. Более всего ГЧП привлекает транспортная инфраструктура, которой в регулярном режиме пользуется большинство населения.

Безусловно, с точки зрения налогоплательщика государство нависает над каждым как обуза. С точки зрения бизнеса государство порой ограничивает свободу выбора как гарант “правил игры” в экономике. Но во всех случаях государство оказывается необходимым, чтобы была надёжная защита прав гражданина, прав собственности, целостности своей страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Многогранность и многофункциональность национальной инфраструктуры постоянно привлекают к себе внимание как политиков, так и академических исследователей. К ней не безразличны деловые и простые люди потому, что от её состояния напрямую зависит как ежедневная жизнь, так и судьба. Инфраструктура обеспечивает устойчивость и конкурентоспособность национального бизнеса и национальной экономики в целом. В XXI веке все администрации США в разной степени уделяли внимание состоянию инфраструктуры. Однако только в прошлом году был принят специальный закон об инфраструктуре, предписывающий комплекс мер и масштабное финансирование на годы вперед.

По многим параметрам американский опыт создания, поддержания, обслуживания и развития инфраструктуры может быть использован другими стра-

нами точно так же, как США учли опыт КНР по созданию национальной системы скоростных железных дорог независимо от ландшафта местности и сейсмичности территории.

Россия с самой большой в мире территорией нуждается в дальнейшем развитии своей инфраструктуры. Разнообразные климатические и природные зоны, неравномерное размещение промышленности, сельского хозяйства и населения ставят дополнительные вызовы и барьеры на формировании единого экономического пространства, которые можно преодолеть, используя богатые ресурсы страны, современные технологии, вовлекая в созидательный процесс деловое сообщество, организующее начало государства, энергию и высокую квалификацию своих граждан.

США, как и прежде, стремятся использовать бурное и неустойчивое развитие событий в мире в своих национальных интересах, которые в соответствии с их официальными документами распространяются далеко за пределы их территории. Однако лидерство Соединённых Штатов в современном мире оказалось не безграничным. Поддерживаемая официальной доктриной конкуренция внутри страны выходит из-под контроля в мировом хозяйстве и выводит в число могущественных конкурентов другие страны, рассчитывающие на новые, адекватные современным проблемам общемировые «правила игры».

ИСТОЧНИКИ

1. American Enterprise Institute. 2020. – Diem C. Putting America's enormous \$21.5 T economy into perspective by comparing U.S. state GDPs to entire countries (February 5) Available at: https://www.aei.org/carpe-diem/putting-americas-huge-21-5t-economy-into-perspective-by-comparing-us-state-gdps-to-entire-countries/?te=1&nl=dealbook&emc=edit_dk_20220305 (accessed 05.03.2022).
2. Beige Book. Federal Reserve System publication January 12, 2022, 32 p. Available at: <https://www.federalreserve.gov/monetarypolicy/beigebook202201.htm> (accessed 22.03.22).
3. BGOV200 Federal Industry Leaders 2020, 2020, Bloomberg Government, 219 p. Available at: <https://about.bgov.com/reports/bgov-200-federal-industry-leaders-2020> (accessed 20.03.22).
4. Economic Report of the President (Together with the Annual Report of the Council of Economic Advisers). 2008. U.S. Government Printing Office, February – 355 p.
5. Economic Report of the President (Together with the Annual Report of the Council of Economic Advisers). 2021. U.S. Government Printing Office, January – 528 p.
6. National Institute of Standards and Technology (NIST). 2021. – NIST recommends steps to boost resilience of US Timekeeping, November 29. Available at: <https://www.nist.gov/news-events/news/2021/11/nist-recommends-steps-boost-resilience-us-timekeeping> (accessed 30.11.2021).

7. New York Times Deal Book (January 2022) – Merced M.J. What could go wrong? Available at: https://static.nytimes.com/email-content/DK_sample.htm (accessed 08.01.2022).
8. Krugman P. The Secret Triumph of Economic Policy. New York Times. January 13, 2022.). Available at: https://www.nytimes.com/2022/01/13/opinion/pandemic-economic-recovery.html?campaign_id=39&emc=edit_ty_20220114&inst (accessed 14.01.2022).
9. OECD (2021). Government at Glance 2021. OECD Publishing, Paris, 281 p. Available at: <https://doi.org/10.1787/1c258f55-en> (accessed 08.01.2022).
10. OECD (2021). Main Economic Indicators, Volume 2021, Issue 8. OECD Publishing, Paris, 256 p. Available at: <https://doi.org/10.1787/940b8ce5-en> (accessed 18.01.2022).
11. OECD (2021). OECD Economic Outlook, Volume 2021, Issue 2. Preliminary version, No. 110, OECD Publishing, Paris – 225 p. Available at: <https://doi.org/10.1787/66c5ec2c-en> (accessed 14.02.2022).
12. OECD (2021). Bridging digital divides in G20 countries. (OECD Report for the G20 infrastructure Working Group). OECD Publishing, Paris, 34 p. Available at: <http://www.oecd.org/termsandconditions> (accessed 24.03.2022).
13. World Economic Forum. 2022. – Want to drive inclusive economic growth? Start with manufacturing. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2022/01/inclusive-economic-growth-manufacturing> (accessed 14.01.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голуб Ю.Г., Шенин С.Ю. 2022. Администрация Байдена и проблемы «зелёного транзита». *Мировая экономика и международные отношения*, т.66, №2. С. 5-14. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66=2-5-14
- Пороховский А.А. 2008. Американская экономика: вызовы управлению. *США & Канада: экономика, политика, культура*, №8, С. 3-22.
- Федорович В.А., Патрон А.П., Заварухин В.П. 2010. США: Федеральная контрактная система: механизм регулирования государственного хозяйствования. М.: Наука. 1054 с.

REFERENCES

- Acemoglu, D. 2021. Harms of AI. NBER Working Paper 29247, September, 57 pp. Available at: <http://www.nber.org/papers/w29247> (accessed 24.12.2021).
- Ahir, H., Bloom, N., Furceri, D., 2022, The World Uncertainty Index. NBER Working Paper 29763, February, 115 pp. Available at: <http://www.nber.org/papers/w29763> (accessed 27.02.2022).

Bova, F., Goldfarb, A., Melko, R.G. 2022. Quantum Economic Advantage. NBER Working Paper 29724, February, 28 p. Available at: <http://www.nber.org/papers/w29724> (accessed 24.02.2022).

Bennett, J., Kornfeld, R., Sichel, D., Wasshausen, D., 2020. Measuring Infrastructure in BEA'S National Economic Accounts. NBER Working Paper 27446, July, 76 p. Available at: <http://www.nber.org/papers/w27446> (accessed 21.02.2022).

Colaiacono, I., Dalton, M.G., Kerr, S.P., Kerr, W.R., 2022, The Transformation of the Self Employment. NBER Working Paper 29725, February, 52 p. Available at: <http://www.nber.org/papers/w29725> (accessed 24.02.2022).

Crouzet, N., Eberly, J.C. 2021. Intangibles, Markups, and the Measurement of Productivity Growth. NBER Working Paper 29109, July, 83 p. Available at: <http://www.nber.org/papers/w29109> (accessed 20.11.2021).

Duranton, G., Nagpal, G., Turner M. 2020. Transportation Infrastructure in the US. NBER Working Paper 27254, June, 48 p. Available at: <http://www.nber.org/papers/w27254> (accessed 21.03.2022).

Economic Analysis and Infrastructure Investment, Ed. By E. Glaeser, J. Poterba, 2021, University of Chicago Press, 480 p.

Engel, E., Fischer, R.D., Galetovic, A. 2020. When and How to use Public-Private Partnerships in Infrastructure: Lessons from the International Experience. NBER Working Paper 26766, June, 37 p. Available at: <http://www.nber.org/papers/w26766> (accessed 21.01.2022).

Fedorovich, V.A., Patron, A.P., Zavarukhin, V.P. 2010. SShA: Federal'naia kontraktnaia sistema: mekhanizm regulirovaniia gosudarstvennogo khoziaistvovaniia (USA: Federal Contract System: Mechanism of Regulation Governmental Enterprise) (In Russ.). Moscow, Nauka, 1055 p.

Golub, Yu. G., Shenin, S.Yu. 2022. Administratsiia Baidena i problemy «zelenogo tranzita» (Biden's Administration and "Green Transition" Problems). (In Russ.). *World Economy and International Relations*, vol. 66, no. 2, p. 5-14. DOI: 10.20542/0131-2227-2022-66=2-5-14

Hirano, T., Stiglitz, J. E. 2022, The Wobbly Economy: Global Dynamics with Phase and State Transitions. NBER Working Paper 29806, February, 71 pp. Available at: <http://www.nber.org/papers/w29806> (accessed 26.02.2022).

Jones, C. 2021. The Past and Future of Economic Growth: A Semi-Endogenous Perspective. NBER Working Paper 29126, August, 47 pp. Available at: <http://www.nber.org/papers/w29126> (accessed 12.10.2021).

Porokhovsky A.A. 2008. Amerikanskaia ekonomika: vyzovy upravleniiu (American Economy: Challenges to Governance) (In Russ.). *USA & Canada: economics, politics, culture*, №8, p. 3-22.

Ramey, V.A. 2020. The Macroeconomic Consequences of Infrastructure Investment. NBER Working Paper 27625, July, 65. Available at: <http://www.nber.org/papers/w27625> (accessed 21.01.2022).

Swanson, E.T. 2022. The Federal Funds Market, Pre- and Post-2008. NBER Working Paper 29762, February, 22 p. Available at: <http://www.nber.org/papers/w29762> (accessed 27.02.2022).

Waller, C.J. 2022. The Red Hot Housing Market: the Role of Policy and Implications for Housing Affordability, Federal Reserve Board, March 22, 12 p. Available at: <https://www.federalreserve.gov/newsevents/speech/waller20220324a.htm> (accessed 24.03.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПОРОХОВСКИЙ Анатолий Александрович, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН), Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный переулок, 2/3;

заведующий кафедрой политической экономии экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46.

Anatoly A. POROKHOVSKY, Doc. Sci. (Economics), Professor, Honored scientist of the Russian Federation, Chief Research Fellow of the USA and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3 Khleby per., Moscow, 121069, Russian Federation;

Chair Department of Political Economy Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University: 1, build 46, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 8.04.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 14.04.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 15.04.2022.

JEL F13

УДК 339.542.2

DOI: 10.31857/S2686673022060025

EDN: GRLHST

Роль Канады в формировании гендерной повестки торговых соглашений

О.И. Солдатенкова

*Институт США и Канады Российской академии наук.
Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный переулок 2/3.*

Researcher ID: I-6594-2018

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3225-3080>

e-mail: oisoldatenkova@hotmail.com

Резюме: Признание того, что торговая политика не является гендерно-нейтральной, а может по-разному оказывать влияние на мужчин и женщин, вызвало интерес к гендерным аспектам торговых соглашений на всех этапах переговорного процесса. В статье обобщены основные подходы, используемые странами мира по включению гендерного равенства в торговые соглашения. Особое внимание уделено опыту Канады, сделан вывод о её лидирующей роли в формировании гендерной повестки торговой политики и механизмов реализации на национальном и международном уровнях.

Ключевые слова: Канада, торговые соглашения, гендер, гендерный анализ

Для цитирования: Солдатенкова О.И. Роль Канады в формировании гендерной повестки торговых соглашений. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2022; 52(6): 21-32. DOI: 10.31857/S2686673022060025 EDN: GRLHST

Canada's Role in Shaping the Gender Agenda of Trade Agreements

Olga I. Soldatenkova

*Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences
2/3 Khlebnyi Pereulok, 121069 Moscow, Russian Federation.*

Researcher ID: I-6594-2018

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3225-3080>

e-mail: oisoldatenkova@hotmail.com

Abstract: The recognition that trade policy is not gender-neutral and can have a different impact on men and women has caused an increase in attention to the gender aspects of trade agreements at all stages of the negotiation process. The article summarizes the main approaches used by the countries to include gender equality issues in trade agreements. Particular attention is paid to Canada's experience in this area. The conclusion is made about Canada's leading role in shaping the gender agenda of trade policy and mechanisms for its implementation both at the national and international levels.

Keywords: Canada, trade agreements, gender, gender-based analysis.

For citation: Soldatenkova O.I. Canada's role in shaping the gender agenda of trade agreements. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52(6): 21-32. DOI: 10.31857/S2686673022060025 EDN: GRLHST

ВВЕДЕНИЕ

Будущее международного экономического порядка и многосторонней торговли зависит от распределения выгоды от нее в равной степени для всех. Путь же к достижению гендерного равенства в этой сфере труден и требует сложных подходов, учитывающих различные реалии, с которыми сталкиваются женщины в разных частях мира. Как отмечает Н.А. Шведова, вопросы ликвидации дискриминации по признаку пола и прав женщин постоянно находятся в повестке дня международных организаций – Организации Объединённых Наций, Совета Европы и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Многосторонние международные договоры, резолюции, рекомендации и другие программные документы, разработанные этими структурами, содержат комплекс мер для национальных правительств по улучшению положения женщин и достижению гендерного равенства [Шведова Н.А. 2020: 45].

Одним из элементов гендерной повестки международных отношений является включение гендерной проблематики в торговую политику, инструменты и механизмы ее реализации. Следует отметить, что в течение долгого времени торговля и торговая политика, наряду с другими макроэкономическими стратегиями, понимались как гендерно нейтральные. Существовало общее мнение, что меры торговой политики предоставляют одинаковые возможности для мужчин и женщин.

В последнее десятилетие появились исследования международных организаций, подтверждающие тезис о том, что торговая политика и ее инструменты все-таки по-разному оказывают влияние на женщин и мужчин [4, 15, 17, 18]. Соответственно существует объективная необходимость учитывать гендерный фактор при формировании и реализации торговой политики.

Несмотря на кажущуюся новизну, дискуссия по вопросу влияния торговли и ее инструментов на экономические возможности женщин не нова. Первое положение, касающееся гендерной проблематики в торговых соглашениях, появилось в Римском договоре 1957 года об учреждении Европейского экономического сообщества. В статье 119 договора указано, что каждое государство-член сообщества должно обеспечить на первом этапе и впоследствии поддерживать применение принципа, согласно которому мужчины и женщины получают равную оплату за равный труд [16].

Почти 25 лет спустя, Договор 1983 года об учреждении Экономического сообщества центральноафриканских государств (*The Economic Community of Central African States*) стал первым соглашением, подписанным развивающимися странами и включающим положение о гендерной проблематике. Девять лет спустя первые положения, касающиеся общего принципа равенства между женщинами и мужчинами, включены в Маастрихтский договор о Европейском Союзе 1992 года. В том же году Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА – *North American Free Trade Agreement, NAFTA*) внесло в Соглашение о сотрудничестве

в области труда несколько положений, более подробно касающихся гендерных трудовых принципов, а именно ликвидации дискриминации в сфере занятости по признаку пола и равной оплаты труда для женщин и мужчин [10].

Связь между торговой политикой и гендером требует дальнейших исследований, поскольку применение гендерного анализа на всех уровнях разработки и реализации мер торговой политики остается пока весьма ограниченным [3]. Наиболее активным сторонником введения гендерной проблематики в торговые соглашения является Канада, изучение опыта которой и выступает целью данного исследования.

ВКЛЮЧЕНИЕ ГЕНДЕРНОГО АСПЕКТА В ТОРГОВЫЕ СОГЛАШЕНИЯ

Необходимость включать гендерный аспект в торговые соглашения является достаточно дискуссионным вопросом, но все-таки очевидно, что инклюзивность экономики способствует дальнейшему экономическому развитию за счет более активного участия женщин [Солдатенкова О.И. 2021:67]. Во Всемирной торговой организации, которая выступает основным форумом обсуждения правил многосторонней торговой системы, активно занимаются участием женщин в мировой торговле. В 2017 г. 118 членов ВТО и стран-наблюдателей на 11-й Министерской конференции ВТО поддержали Декларацию о торговле и расширении экономических прав и возможностей женщин (*Joint Declaration on Trade and Women's Economic Empowerment*), которая направлена на устранение барьеров для женщин в торговле. Страны договорились сотрудничать в том, чтобы политика в области торговли и развития учитывала гендерные аспекты, проводила анализ торговой политики и обменивалась данными и статистикой [7]. В сентябре 2020 г. создана неформальная рабочая группа по торговле и гендерным вопросам [6], была принята Совместная декларация министров по обеспечению гендерного равенства и расширению экономических прав и возможностей женщин в сфере торговли на 12-й Министерской конференции ВТО [8]. Декларация подтвердила мандат организации на работу в данной области в рамках ВТО и определила ее дальнейшие шаги.

Кроме обсуждения гендерного аспекта в рамках многосторонних торговых соглашений, все большее число стран включает различные положения, в которых прямо упоминается гендерная проблематика, в региональные торговые соглашения (см. табл.1).

По данным ВТО, из 556 региональных торговых соглашений (РТС), действовавших на ноябрь 2018 г., только 13,5% содержали хотя бы одно положение, в котором прямо упоминается пол или женщины. Если же учитывать положения, косвенно касающиеся гендерных вопросов, в частности, права человека, социальные аспекты устойчивого развития и уязвимые группы, то число соглашений составило 243 [10].

Таблица 1

Упоминание о гендерном равенстве и/или женщинах в соглашениях о свободной торговле

Тип соглашения	Соглашения о свободной торговле
Двусторонние торговые соглашения	Аргентина – Чили, Канада – Чили, Канада – Колумбия, Канада – Коста-Рика, Канада – Гондурас, Канада – Израиль, Канада – Иордания, Канада – Панама, Канада – Перу, Чили – Уругвай, Чили – Вьетнам, Китай – Перу
Региональные торговые соглашения и соглашения об ассоциации	Соглашение США, Мексики и Канады (<i>USMCA</i>); Соглашение о Транстихоокеанском партнерстве; Соглашения об ассоциации между ЕС и Алжиром, Боснией и Герцеговиной, Албанией, Египтом, Грузией, Израилем, Иорданией и Ливаном; Соглашение о торговле, развитии и сотрудничестве между ЕС и Южной Африкой; Соглашение о свободной торговле США – Бахрейн; Соглашение о свободной торговле ЕС – Корея; ЕС – страны Африки, Карибского бассейна и Тихого Океана (<i>Cotonou Agreement</i>)

Составлено по: Larouche-Maltais A., MacLaren B. 2019. *Making Gender-Responsive Free Trade Agreements*. Ottawa: The Conference Board of Canada

На протяжении многих лет РТС часто называли своего рода лабораториями, в которых некоторые страны опробовали новые виды концепций для решения возникающих проблем и вопросов, связанных с торговлей. В последнее десятилетие положения, в которых прямо упоминается гендерная проблематика, включаются во все большее число РТС. Количество подробных установок, включенных в РТС, также увеличивается. Наиболее подробно гендерная проблематика освещается в главе по торговле и гендерным вопросам. Однако только четыре РТС, содержащие подобные положения, вступили в силу.

Большинство из них не соответствуют какому-то унифицированному шаблону даже в РТС, согласованных одной и той же страной. Это свидетельствует о том, что мнения о решении включить положения, касающиеся гендерной проблематики в РТС, значительно различаются, они неоднородны с точки зрения структуры, местоположения в тексте соглашения, формулировок и сферы охвата. Наиболее распространены установки, связанные с сотрудничеством по гендерным вопросам. Остальные виды положений охватывают различные вопросы, начиная от принципов и международных соглашений и заканчивая внутренней политикой, корпоративной социальной ответственностью, прозрачностью и институциональными механизмами.

Неоднородность большинства положений просматривается в их структуре и расположении в тексте торгового соглашения. Схема включения гендерных установок варьируется от их формулировки в преамбуле соглашения до специальной статьи и главы, посвященной гендеру. Некоторые концепции содержатся также в приложениях и сопутствующих документах (см. табл. 2).

Таблица 2

Основные структуры положений по гендерной проблематике в РТС

Структура гендерных положений	Количество соглашений
1. Основной текст РТС	69
преамбула	7
неспецифическая статья/статьи о гендере	60
специальная статья по гендеру	10
специальная глава по гендеру	6
приложения	16
2. Дополнительные документы РТС	11
совместные заявления	1
протоколы	1
соглашение по трудовому сотрудничеству	9
3. Соглашения/решения после ратификации РТС	12
декларации	3
решения/резолуции/директивы	6
соглашения	3

Составлено по: Monteiro J.-A. 2018. Gender Related Provisions in Regional Trade Agreements. Staff Working Paper ERS-2018-15-18. Economic Research and Statistics Division, World Trade Organization.

В нескольких соглашениях первое упоминание о гендере или женщинах содержится в преамбуле. Там дается представление о намерениях сторон, а также о целях, которые привели к подписанию соглашения. Вопросы, затронутые в преамбуле, различаются в РТС, начиная от гендерного равенства в международной торговле и заканчивая ссылками на международные документы.

В то время как немногие РТС включают конкретную статью или главу, в других распространено включение неспецифической статьи, касающейся широкого круга вопросов, в которой упоминается гендерная проблематика в качестве конкретного случая, например, сотрудничества, в главах по труду, устойчивому развитию или сотрудничеству.

Наиболее подробными и всеобъемлющими являются положения, которые содержатся в специфической главе по гендерной проблематике и охватывают различные вопросы, включая внутреннюю гендерную политику, международные соглашения, сотрудничество и институциональные механизмы. В очень ограниченном числе РТС (*The Common Market for Eastern and Southern Africa*

(COMESA) and East African Community (EAC)) введена специальная глава "Женщины и развитие", а непосредственно глава по торговле и гендерным аспектам включена в РТС Канада - Чили, Канада - Израиль, Чили - Аргентина и Чили - Уругвай. Европейский союз, Новая Зеландия и Тихоокеанский альянс, в настоящее время ведут переговоры о возможности включать главы о торговле и гендерной проблематике в свои РТС.

ОСОБЕННОСТИ КАНАДСКОГО ПОДХОДА К ГЕНДЕРНОМУ АСПЕКТУ

Знаменательным для гендерной проблематики в торговле стал 2019 год, когда вступили в силу три двусторонних соглашения о свободной торговле, содержащие специальные главы, посвященные торговле и гендерным вопросам. Два из этих трех соглашений это обновленные соглашения о свободной торговле между Канадой и Чили, Канадой и Израилем. Гендерное равенство и предотвращение дискриминации по половому признаку один из приоритетов Канады в ходе торговых переговоров, а гендерные положения рассматриваются не как самоцель, а как стратегический подход к достижению гендерного равенства.

Очевидно, столь активная позиция Канады определяется тем, что, как отмечает Е.В. Израелян, женское движение Канады является важной политической силой, которая оказывает серьезное влияние на государственную политику и массовое сознание. Обязательным условием политического процесса в Канаде стала гендерная экспертиза основных законодательных актов [Израелян Е.В. 2021:122, 126].

Подход Канады к включению гендерных положений в торговые соглашения существенно отличается от наиболее распространенного подхода, когда гендерные положения торгового соглашения охватывают только общие направления, включая декларацию необходимости достижения гендерного равенства, ликвидацию дискриминации на рабочем месте, равную оплату за равный труд, и другие аналогичные принципы. Такие положения часто направлены на решение широкого круга вопросов, носят довольно общий характер и не содержат твердых обязательств.

В настоящее время правительство Канады применяет двусторонний подход к внедрению гендерного аспекта в торговые соглашения:

- включение специфической главы, посвященной торговле и гендеру;

- включение гендерных положений во все торговые соглашения.

Специфические главы по торговле и гендеру в обновленных соглашениях о свободной торговле Канада - Чили и Канада - Израиль, помимо традиционных деклараций в поддержку равенства и недискриминации между женщинами и мужчинами, содержат статьи по организации сотрудничества, конкретные обязательства по созданию комитета по торговле и гендерным вопросам и, в одном случае, параграф об урегулировании споров. В целом, главы по гендерным вопросам в торговле соглашения между Канадой и Чили (глава *N bis*) [1] и согла-

шения о свободной торговле между Канадой и Израилем (13 глава) [2] весьма схожи. Они включают несколько общих положений, которые конкретизируются в следующих пунктах:

общие положения. Среди прочего, в подпунктах признается важность применения гендерного подхода к вопросам торговли, напоминает о необходимости достижения Цели устойчивого развития ООН «Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек» (ЦУР-5) и признается, что расширение участия женщин на рынке труда и их экономическая независимость способствуют устойчивому и инклюзивному экономическому росту;

международные соглашения. Стороны подтверждают свою приверженность эффективному осуществлению Декларации о торговле и расширении экономических прав и возможностей женщин и других соглашений, касающихся гендерного равенства, участниками которых они являются;

деятельность по сотрудничеству. Стороны признают пользу обмена опытом в разработке, осуществлении, мониторинге и укреплении политики и программ, направленных на поощрение участия женщин в национальной и международной экономике. Стороны поощряют участие своих соответствующих государственных учреждений, предприятий, профсоюзов, образовательных и исследовательских организаций, других неправительственных организаций и их представителей в мероприятиях по сотрудничеству. Определены несколько возможных областей сотрудничества, в частности, поощрение развития потенциала и повышения квалификации женщин на работе и в бизнесе; расширение доступа женщин к финансовым услугам; содействие представительству женщин в процессе принятия решений и на руководящих должностях в государственном и частном секторах, включая корпоративные советы; расширение доступа женщин к науке, технике и инновациям, а также их участия и лидерства в них; проведение гендерного анализа; обмен методами и процедурами сбора данных с разбивкой по признаку пола и анализа гендерной статистики, связанной с торговлей;

комитет по торговле и гендерным вопросам. Создается комитет, состоящий из представителей каждой стороны, который будет созываться по решению сторон и должен, среди прочего, организовывать мероприятия по сотрудничеству, давать рекомендации Комиссии по свободной торговле по вопросам, касающимся гендерной проблематики, и выполнять ряд других функций;

разрешение и урегулирование споров. В этом пункте соглашения значительно отличаются. В соглашении Канада – Израиль разрешается обращение сторон к механизму урегулирования споров, созданному в соответствии с соглашением. Соглашение Канада-Чили призывает стороны прилагать усилия для решения любых вопросов путем диалога и консультаций, и прямо запрещает сторонам пользоваться процедурами урегулирования споров в рамках соглашения.

В качестве второго направления включения гендерной проблематики в торговые соглашения правительство Канады рассматривается введение в торговые соглашения отдельных элементов, учитывающих гендерные аспекты. Эти элементы могут включать:

- поощрение равенства в сфере занятости и устранения дискриминации по признаку пола на рабочем месте, устранение гендерного разрыва в оплате труда и препятствий для полноценного участия женщин в трудовом процессе;

- положения о трансграничной торговле услугами, запрещающие дискриминацию по признаку пола, связанную с требованиями и процедурами лицензирования и профессиональной квалификации;

- предложения, связанные с инвестициями, которые учитывали бы гендерные аспекты. В частности, стороны соглашения могут включить требование о назначении женщин на должности высшего руководства или совета директоров предприятия;

- включение формулировок, направленных на продвижение гендерного равенства, в преамбулу соглашения;

- другие положения [14].

Одним из ключевых моментов реализации обоих подходов и инструментов реализации является использование Канадой гендерного анализа. В отличие от многих стран, уже в 1995 г. правительство Канады взяло на себя обязательство использовать гендерный анализ плюс (ГА+) (*Gender-based Analysis Plus*) для продвижения гендерного равенства в Канаде в рамках ратификации Пекинской Декларации ООН 1995 г. Гендерный анализ – это инструмент, используемый для анализа того, как определенная политика правительства может повлиять на мужчин и женщин. «Плюс» в названии означает, что анализ охватывает не только различия между полами, но и расу, этническую принадлежность, религию, возраст, умственные и физические недостатки людей, а также то, как взаимодействие между этими факторами влияет на восприятие гражданами государственной политики и инициатив в различных сферах деятельности правительства Канады [5].

Как и любое нововведение, применение гендерного анализа в практической деятельности правительства Канады столкнулось с рядом сложностей. В 2015 г. Управление генерального аудитора Канады в качестве препятствий внедрения гендерного анализа в разработку политических, законодательных и программных инициатив указало на отсутствие требования к обязательному использованию ГА+. Как следствие, Управление рекомендовало использовать гендерный анализ обязательно [12]. Внутренний опрос департаментов правительства Канады в 2019 г. показал, что менее половины департаментов имеют план по реализации гендерного анализа, при этом большинство департаментов заявили, что им не хватает внутренних механизмов для его применения [19]. В январе 2021 г. Премьер-министр Джастин Трюдо сделал обязательным использование гендерного анализа + плюс в практике принятия решений пра-

вительства, указав о необходимости рассматривать государственную политику через межсекторальную призму с целью устранения системного гендерного неравенства [11].

Пример эффективного применения гендерного анализа правительством Канады - его использование в переговорном процессе по соглашению о свободной торговле между Канадой и МЕРКОСУР (*Southern Common Market*). В марте 2018 г. Канада начала переговоры по соглашению о свободной торговле с четырьмя полноправными членами торгового блока МЕРКОСУР - Аргентиной, Бразилией, Парагваем и Уругваем. Во время запуска переговорного процесса правительство Канады объявило о своем намерении провести гендерный анализ для информирования о ходе переговоров. В соответствии с этим обязательством, Министерство международных дел Канады при поддержке других правительственных ведомств, впервые провело всесторонний количественный и качественный гендерный анализ по главам для текущих переговоров по соглашению о свободной торговле [13]. Применение гендерного анализа позволило информировать заинтересованные стороны о состоянии текущих переговоров с МЕРКОСУР, а также определить возможности для Канады внедрять новые, учитывающие гендерные аспекты и инклюзивные торговые положения, соответствующие потенциальным ответным мерам внутренней политики в случае, когда потенциальный эффект от включения положений по гендерному равенству не может быть достигнут посредством торгового соглашения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение многих лет участники торговых переговоров вели себя так, как будто торговля была гендерно нейтральной, а торговые соглашения не влияли ни на что, кроме самой торговли. В настоящее время пришло понимание того, что торговля влияет не только на экономику, но и на развитие, окружающую среду, условия труда и права человека людей во всем мире. Очевидно, что многое еще предстоит сделать для создания правовых и социальных условий в целях обеспечения гендерного равенства в каждой стране и во всем мире. Все больше и больше стран присоединяются к продвижению гендерного равенства в процессе переговоров и разработки новых торговых соглашений. Лидирующую роль в этом процессе играет Канада, где используются разнообразные подходы к введению гендерных положений в торговые соглашения. На наш взгляд, включение в соглашения отдельной главы по гендерному аспекту торговли должно сочетаться с применением гендерного анализа на всех этапах переговорного процесса и разработки новых торговых соглашений. Успешность и эффективность этого подхода и демонстрирует правительство Канады, а опыт его применения заслуживает дальнейшего пристального изучения.

ИСТОЧНИКИ

1. Trade and Gender. Canada-Chili Free Trade Agreement. Appendix II – Chapter N *bis*. Available at: https://www.international.gc.ca/trade-commerce/trade-agreements-accords-commerciaux/agr-acc/chile-chili/fta-ale/2017_Amend_Modif-App2-Chap-N.aspx (accessed 14.03.2022).
2. Trade and Gender. Canada-Israel Free Trade Agreement. Chapter Thirteen. Available at: <https://www.international.gc.ca/trade-commerce/trade-agreements-accords-commerciaux/agr-acc/israel/fta-ale/text-texte/13.aspx?lang=eng> (accessed 14.03.2022).
3. Fontana M. 2016. Gender Equality in Trade Agreements, Directorate General for Internal Policies, European Parliament. Available at: <http://www.europarl.europa.eu/supporting-analyses> (accessed 16.01.2022).
4. Gender Equality. The United Nations Conference on Trade and Development. Available at: <https://unctad.org/topic/gender-equality> (accessed 24.01.2022).
5. Gender-based Analysis Plus (GBA+), Women and Gender equality Canada, Government of Canada. Available at: <https://women-gender-equality.canada.ca/en/gender-based-analysis-plus/what-gender-based-analysis-plus.html> (accessed 19.03.2022).
6. Informal Working Group on Trade and Gender, World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/womenandtrade_e/iwg_trade_gender_e.htm (accessed 10.03.2022).
7. Joint Declaration on Trade and Women's Economic Empowerment on the Occasion of the WTO Ministerial Conference in Buenos Aires in December 2017. Available at: https://www.wto.org/english/thewto_e/minist_e/mc11_e/genderdeclarationmc11_e.pdf (accessed 22.02.2022).
8. Joint Ministerial Declaration on the Advancement of Gender Equality and Women's Economic Empowerment within Trade. 12th WTO Ministerial Conference. Geneva, 30 November – 3 December 2021. Available at: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/MIN21/4.pdf&Open=True> (accessed 17.03.2022).
9. Larouche-Maltais A., MacLaren B. 2019. *Making Gender-Responsive Free Trade Agreements*. Ottawa: The Conference Board of Canada
10. Monteiro J.-A. 2018. *Gender Related Provisions in Regional Trade Agreements*. Staff Working Paper ERSD-2018-15-18. Economic Research and Statistics Division, World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd201815_e.pdf (accessed 20.01.2022).
11. Prime Minister of Canada Justin Trudeau. Minister for Women and Gender Equality and Rural Economic Development Supplementary Mandate Letter. January 15, 2021. Available at: <https://pm.gc.ca/en/mandate-letters/2021/01/15/archived-minister-women-and-gender-equality-and-rural-economic> (accessed 21.03.2022).

12. Report 1 – Implementing Gender-Based Analysis. 2015 Fall Reports of the Auditor General of Canada. Available at: https://www.oag-bvg.gc.ca/internet/english/parl_oag_201602_01_e_41058.html#p61 (accessed 21.03.2022).

13. Summary of Initial GBA+ for Canada-Mercosur FTA Negotiations. Government of Canada. Available at: https://www.international.gc.ca/trade-commerce/gender_equality-egalite_genres/gba_plus_summary-acs_plus_resume.aspx?lang=eng (accessed 22.03.2022).

14. Trade and gender in free trade agreements: The Canadian approach. Government of Canada. Available at: https://www.international.gc.ca/trade-commerce/gender_equality-egalite_genres/trade_gender_fta-ale-commerce_genre.aspx?lang=eng (accessed 01.03.2022).

15. Trade and Gender. The World Bank. Available at: <https://www.worldbank.org/en/topic/trade/brief/trade-and-gender> (accessed 24.01.2022).

16. Treaty of Rome (EEC). European Parliament. Available at: <https://www.europarl.europa.eu/about-parliament/en/in-the-past/the-parliament-and-the-treaties/treaty-of-rome> (accessed 24.02.2022).

17. Women and Trade. International Trade Centre. Available at: <https://www.intracen.org/itc/women-and-trade/> (accessed 23.01.2022)

18. Women and Trade. World Trade Organization. Available at: https://www.wto.org/english/tratop_e/womenandtrade_e/womenandtrade_e.htm (accessed 25.01.2022).

19. Wright T. Internal docs show many federal departments not meeting gender analysis targets. *Toronto Star*, February 2, 2019. Available at: <https://www.thestar.com/news/canada/2019/02/02/internal-docs-show-many-federal-departments-not-meeting-gender-analysis-targets.html> (accessed 19.03.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Израелян Е.В. 2021. Женское движение в Канаде: прошлое и настоящее. *Женщина в российском обществе*. № 2. С. 121–128. DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.9

Солдатенкова О.И. 2021. Гендерный фактор в торговых соглашениях. *Российский внешнеэкономический вестник*. №10. С.66-76. DOI: 10.24412/2072-8042-2021-10-66-76

Шведова Н. 2020. Гендерное равенство в приоритетах ООН. *Международные процессы*. Том 18, № 2 (61). С.31-47. DOI: 10.17994/IT.2020.18.2.61.3

REFERENCES

Israeli, E.V. 2021. Zhenskoe dvizhenie v Kanade: proshloe i nastoiashchee [Women's Movement in Canada: the Past and the Present] (In Russ). *Woman in Russian Society*. No.2. P.121-128. DOI: 10.21064/WinRS.2021.2.9

Shvedova, N. 2020. Genderное равенство v prioritetakh OON [Gender Equality in the UN Priorities] (In Russ). *International Trends*. Volume 18. No. 2 (61). P.31-47. DOI 10.17994/IT.2020.18.2.61.3

Soldatenkova, O.I. 2021. Gendernyi factor v torgovykh soglasheniakh [Gender in Trade Agreements] (In Russ). *Russian Foreign Economic Bulletin*. No.10. P.66-76. DOI: 10.24412/2072-8042-2021-10-66-76

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СОЛДАТЕНКОВА Ольга Ивановна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069
Москва, Хлебный переулок 2/3.

Olga I. SOLDATENKOVA, Doc. Sci. (Economics), Principal Researcher at the Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3 Khlebnyi Pereulok, Moscow,
Russia 121069

Статья поступила в редакцию / Received 26.03.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 6.04.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 7.04.2022.

JEL: D72

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673022060037

EDN: GRLLJQ

Основы стратегического планирования внешней политики США

А.А. Давыдов

Центр североамериканских исследований ИМЭМО имени Е.М. Примакова РАН.

Российская Федерация, 1177997 Москва, ул. Профсоюзная, 23

Researcher ID: 835634

Scopus Author ID: 57203163679

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8899-8746>

e-mail: adavydov@imemo.ru

Резюме: В статье рассматривается опыт развития и работы системы стратегического планирования внешней политики Соединённых Штатов. На основе анализа действующей нормативно-правовой базы, а также документов партийно-политического, стратегического, концептуального и программного характера автором выработана модель механизма выработки стратегических планов проведения внешней политики американским государством. Автор приходит к выводу, что эволюция механизма происходила по мере качественного усложнения хозяйственных и военно-политических международных взаимосвязей связей, повышавших риски принятия некачественных политических решений. Модель может служить инструментом прогнозирования степени преемственности американских внешнеполитических подходов, а также оценки эффективности их практической реализации.

Ключевые слова: стратегическое планирование, стратегическое целеполагание, внешняя политика США, политическая система, внешнеполитический механизм

Для цитирования: Давыдов А.А. Основы стратегического планирования внешней политики США. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2022; 52(6):33-49.

DOI: 10.31857/S2686673022060037 EDN: GRLLJQ

Благодарности: Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

The Foundations of Foreign Policy Strategic Planning of the United States

Alexey A. Davydov

Center for North American Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO RAN).

23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 1177997, Russian Federation.

Researcher ID: 835634

Scopus Author ID: 57203163679

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8899-8746>

e-mail: adavydov@imemo.ru

Abstract: The article examines the experience of the United States in developing their foreign policy strategic planning system. Based on the analysis of acting public laws, norms and regulatory framework, as well as on documents of partisan, strategic, conceptual and policy nature, the author has developed a model of how the American state machine develops its strategic logic in foreign policy. The author comes to the conclusion that the evolution of this mechanism was mainly fueled by a serious complication of economic and military aspects of international relations. The article describes influential interest groups, competence of the executive bureaucracy, social development trends and presence of political will as main driving forces of the goal-setting process. The gradual escalation of United States competition with great powers on global scale and the emergence of new economic and technological challenges increased the risks of making poor-quality political decisions with unfavorable long-term consequences. The author demonstrates a step-by-step functioning of the strategic planning mechanism of the U.S. diplomatic and foreign aid policies: from Democratic and Republican party platforms to joint quadrennial plans of the U.S. State Department and the Agency of International Development. The model may be useful in determining a degree of continuity of the U.S. foreign policy approaches, as well as evaluating the effectiveness of their practical implementation.

Keywords: strategic planning, strategic goal setting, US foreign policy, political system, foreign policy mechanism

For citation: Davydov A.A. The Foundations of Foreign Policy Strategic Planning of the United States. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52(6):33-49. DOI: 10.31857/S2686673022060037 EDN: GRLLJQ

Acknowledgement: The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

ВВЕДЕНИЕ

Современное мировое развитие принципиально иначе ставит вопрос об ориентации участников международного общения. Глубокая степень переплетения глобальных и даже межличностных взаимосвязей повышает динамику международной жизни, что, в свою очередь, повышает издержки осмысленного когнитивного восприятия окружающей действительности и, соответственно, цену принятия политических решений [Дынкин А.А., Телегина Е.А., 2021].

Один из наиболее знаковых и примечательных примеров адаптации к окружающим реалиям является опыт Соединённых Штатов. Он интересен прежде всего по двум причинам. Во-первых, совокупный вес США в ключевых мирохозяйственных и военно-политических связях настолько значителен, что его можно оценивать как структурообразующий для целого ряда пространств международного общения. Понимание механизмов формирования американской логики поведения по отношению к мировым тенденциям в существенной степени может давать представление об их дальнейшем развитии [Войтоловский Ф.Г.,

2021]. Во-вторых, с конца войны американское государство поэтапно развивало механизмы не просто принятия решений, а встраивания их в русло своего стратегического планирования. Выстроенная система обеспечивает заметную преемственность внешнего курса страны, несмотря на относительно частую сменяемость реализующих его лиц [1].

В 2022 году предстоит первое обновление четырёхлетних стратегических планов ведомств исполнительной власти Соединённых Штатов после кризиса преемственности при президентстве Д. Трампа [Журавлева В.Ю., 2021]. Одним из наиболее образцовых его проявлений стал выход США из Совместного всеобъемлющего плана действий, что подтолкнуло центробежные силы среди участников американско-центричной инфраструктуры межгосударственных взаимосвязей [Давыдов А.А., Кислицын С.В., 2018]. Более того, для наиболее оперативного преодоления последствий кризиса пришедшая на его смену команда демократа Дж. Байдена была вынуждена в оперативном режиме опубликовать первый в своём роде документ взамен Стратегии национальной безопасности – Промежуточное стратегическое руководство по национальной безопасности [22].

Адекватное реагирование на ускорение динамики тенденций мирового развития в условиях глубокой взаимосвязанности участников международного общения предъявляет всё более высокие требования к качеству принимаемых государствами решений. В этой связи опыт развития и работы американской системы стратегического планирования позволит более обоснованно понимать функциональную значимость элементов её механизма, а также вырабатывать оценки эффективности реализации тех или иных национальных интересов во внешней политике.

ОБРАЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ СТРАТПЛАНИРОВАНИЯ

Внешнеполитический механизм США изначально не имел ясно выраженной системы стратегического планирования, что не говорило об его отсутствии. Совокупность национальных интересов, состоявшая из экономического благополучия, сохранения независимости и безопасных для того условий, лежала в основе отношений США с другими странами на протяжении всей их истории.

Процесс формулирования и достижения Вашингтоном своих интересов длительный период времени происходил в общих рамках системы разделения властей Конституции 1787 г. При этом, одним из ключевых свойств этого процесса продолжает являться высокая степень преемственности долгосрочных внешнеполитических приоритетов США даже в условиях частой по историческим меркам смены правительств.

Эта особенность находит подробное описание в отечественной и зарубежной литературе и зачастую обозначается частью феномена «*Большой стратегии*»

(*Grand Strategy*) [Кислицын С.В., 2020]. Хотя сам термин пришёл из области военной политики, он вполне подходит для обозначения неписанного механизма выработки политическим истеблишментом США единообразного понимания наиболее жизненно важных национальных интересов и ключевых целей на пути их удовлетворения.

Существование «Большой стратегии» невозможно без наличия у неё двух взаимосвязанных элементов. Первым является её субъект – американский политический истеблишмент. Главное его свойство – воспроизводство внутренней политической культуры, связей в профессиональном сообществе и опыта построения политических стратегий, почерпнутого из наличия прямого доступа к государственной власти [Лан В., 1937]; [Кременюк В.А., Трофименко Г.А., 1984]; [Войтоловский Ф.Г., 2006]; [Patrick P., 2018].

Вторым элементом является наличие у истеблишмента видения наиболее предпочтительной для него картины мира, стремления её воплотить в жизнь. Чем более внутренне непротиворечивыми и адаптируемыми под внешние условия являются мировоззренческие принципы и чем более неконъюнктурной является их поддержка элитой, тем жизнеспособнее оказывается его «Большая стратегия».

На сегодняшний день её стержнем выступает межпартийный консенсус по преобладанию над конкурентами. Однако его первоначальный путь начинался с принципов невмешательства в дела других стран и изоляционизма [Kupchan Ch., 2020]. Это обуславливалось преобладанием в американском истеблишменте устремлений ограниченно вовлекаться в дела международной жизни, которые напрямую не затрагивали бы их интересы. Императив основывался на идее обеспечения собственного выживания посредством контроля над сопредельным пространством, пройдя поочередно от Мэйфлауэрского соглашения, идеи Светлого града на холме, до Доктрины Монро, континентальной и заморской экспансии, достигая пика в виде теории демократического мира и миропорядка, основанного на правилах.

Вовлечение США в обе мировые войны и в дела послевоенного мироустройства переломили традиционные подходы истеблишмента не вмешиваться в зарубежные противоречия [9]. Последующему возобладанию альтернативной изоляционизму политической традиции лидерства [Журавлева В.Ю., 2014]; [Шаклеина Т.А., 2015] послужили два серьёзных катализатора, которые подстегнули либеральных интернационалистов более активно вовлекаться в международную жизнь. Во-первых, в послевоенную эпоху Соединённые Штаты обладали наиболее сильным военным и финансовым потенциалом среди капиталистических стран, который они наискорейшим образом использовали для укрепления своего геополитического влияния посредством создания Организации Северо-

атлантического договора, оказания помощи Европе, глобальной сети военных баз и союзов.

Во-вторых, в середине века Вашингтон видел для себя угрозу уже иного порядка в лице Советского Союза. С образования Компартии США и до первого испытания советской атомной бомбы, создания таких международных объединений, как Всемирный совет мира, Совет экономической взаимопомощи, Организации Варшавского договора, Соединённые Штаты столкнулись с проблемами вмешательства во внутренние дела, вероятностью применения против них атомного оружия, созданием международных структур альтернативного проекта глобализации, которые ещё подкреплялись религиозно-идеологическим вызовом собственной модели общественного развития, а также серией международных конфликтов в Тихоокеанской Азии и Индокитае [Browder R., 1953]; [Zumoff J., 2003]; [Липкин М.А., 2019].

Восприятие политики СССР как экзистенциальной угрозы потребовало упорядочивания системы стратегического планирования внешней политики США. Первым шагом в этом направлении было создание при администрации Гарри Трумэна в 1947 г. Совета национальной безопасности, межведомственного аппарата консультации президента по ключевым вопросам международных отношений. За 75 лет своего существования Совет пережил внутреннюю реструктуризацию, значительно расширился, но сохранил свою ключевую функцию – выработку внешнеполитической стратегии исполнительной власти [Павлов В.В., 2016].

Включение в Совет представителей ключевых ведомств в то же время не гарантировало синхронизацию их различных подходов на международную проблематику. Отсутствие у органов власти предрасположенности иметь единообразное видение наглядно проявилось в период кризисов Вьетнамской войны и поставками вооружений в Иран в обход санкций (дело «Иран – контраст»), которые послужили поводом реформирования системы стратегического планирования. После расследования их причин президентской комиссией Дж. Тауэра и комиссиями Конгресса в 1986 г. был принят закон Голдуотера – Николса, упорядочивавший разработку центрального в области национальной безопасности доклада – *Стратегия национальной безопасности* [23].

Внедрение данного новшества в механизм стратегического планирования Соединённых Штатов до сих пор оказывает положительное воздействие для внешней политики государства в целом. Во-первых, процесс разработки такого документа способствует достижению большей степени межведомственного консенсуса, подчиняя единой логике целеполагания, и служит основой для разделения обязанностей. На основе положений СНБ дальше выстраиваются стратегические документы более низкого ведомственного и проблемного уровня. Во-вторых, открытая публикация такого документа посылала сигнал не только всей

бюрократии исполнительной власти, но также Конгрессу, определявшего бюджет ведомств, и зарубежным странам.

ОСНОВЫ МЕХАНИЗМА

Стратегическое планирование в Соединённых Штатах – это непрерывный динамический многосоставной процесс. Его протекание не заложено в едином федеральном законе, описывающем все детали его функционирования. Напротив, логика выработки и реализации стратегии исполнительной власти поступательно развивалась по мере её столкновения с вызовами своему развитию [Войтоловский Ф.Г., Кувалин Д.Б., Ленчук Е.Б., 2020], образовав подразделённый на три иерархических уровня механизм.

Первым уровнем является *политический*. Ключевым фактором, влияющим на выбор государством целей и задач обеспечения национальной безопасности является политическая воля победившей в ходе избирательного процесса одной из групп политического истеблишмента США. Эта воля основывается на идеологических убеждениях, прикладных интересах, субъективном понимании этой группой окружающих процессов. Спектр политических взглядов и предпочтений победившей команды, её подходы публикуются в предвыборных программах кандидатов и их партий, озвучиваются в ходе дебатов и встреч с избирателями.

В обосновании выбора правящей группой конкретных целей и задач обеспечения национальной безопасности лежат четыре обстоятельства: предпочтения правящей группы, интересы государства (госинститутов по управлению страной), тенденции общественного развития, крупнейшие группы интересов. Эти обстоятельства равновелики в своём влиянии на процесс определения вектора стратегического планирования, но длительные перекосы в сторону одного из них способны приводить к дисбалансам, нарушающим принцип преемственности в работе государства и непрерывного цикла стратегического планирования.

Первым обстоятельством являются *потребности правящей группы*. На выбор целей и задач оказывают воздействие субъективные императивы находящейся во власти группы. Её неотъемлемым стремлением является сохранение своего присутствия во власти, прежде всего, посредством переизбрания в ближайших избирательных циклах. Прибывая во власти, группа стремится провести такие преобразования, которые удовлетворили бы интересы опорных для неё сегментов общества и государства. На решения властной группы влияют её собственные убеждения (моральные, религиозные или идеологические), экспансивные или изоляционистские, глобалистские или протекционистские, идеализированные или реалистские установки, а также прошлый профессиональный опыт определяют картину мира и инструменты взаимодействия с ним.

Ко второму обстоятельству относится *компетентность системы органов исполнительной власти*. На выбор целей и задач оказывают воздействие оценки возможностей государственных институтов для обеспечения развития системообразующих элементов государства и по нивелированию внешних вызовов посредством их нейтрализации.

Базовый критерий оценки – степень превосходства (лидерства) в ключевых системообразующих сферах общественного и международного взаимодействия. Несмотря на значительное акцентирование идейно-символических аспектов лидерства, их фактическое значение для стратегического планирования невелико. Политическое лидерство определяется не через политико-дипломатические возможности, меры и институты, не через «статусные» показатели, а через реальные факторы: военно-оборонительный, финансово-экономический, научно-технологический потенциалы.

Для оценки степени превосходства США в ключевых областях жизнедеятельности и международного общения на уровне Совета национальной безопасности, профильных ведомств, государственных экспертно-аналитических служб и институтов проводится всесторонний анализ актуальных тенденций в мировой экономике и безопасности, на региональном и страновом уровне, вычленяются среди них наиболее угрожающие американской безопасности или перспективе утраты превосходства.

Третьим обстоятельством являются *тенденции общественного развития*. На выбор целей и задач оказывают воздействие предпочтения наиболее значимых социально-политических групп общества, объединённых социально-экономическими или/и социально-психологическими особенностями. Значимость имеют как существующие на постоянной основе (религиозные убеждения, занятость в конкретной экономической отрасли, городской или сельский образ жизни, свойства этнического или семейного характера), так и конъюнктурные особенности (реакция на такие чрезвычайные обстоятельства, как теракт, война, экономический кризис, эпидемия, природные или техногенные катастрофы), актуальные на протяжении от одного до трёх президентских избирательных циклов.

Для оценки данного обстоятельства ещё на этапе избирательной кампании штабы кандидатов проводят социологические опросы, анализ экономической статистики, определяют через государственные или партийные институты характер запросов от общества к власти в административно-географическом, демографическом и иных разрезах. Такой анализ призван разработать подход к взаимодействию власти и общества для получения наибольшей поддержки в краткосрочной (на ближайших выборах) и долгосрочной перспективе (для сохранения перманентного пребывания в государственных институтах).

Наконец, четвёртым обстоятельством являются *интересы наиболее влиятельных элитных групп*. Отношения государства с лидерами экономических

отраслей, политических и интеллектуальных кругов, военно-промышленного комплекса и силовых ведомств в значительной степени определяют развитие национального потенциала страны.

Совокупность этих отношений кристаллизуют у кандидатов в органы федеральной власти определённые взгляды и подходы, на основании которых по итогу выборов в документах формулируются *национальные интересы* – базовый элемент механизма стратегического планирования, представляющий концептуально-теоретический подход выстраивания второго и третьего уровней иерархии.

Вторым уровнем является *стратегический*. Важно понимать, что, несмотря на то что в процесс разработки Стратегии национальной безопасности вовлечены все профильные в этой области ведомства, определяющим фактором является не поиск компромисса, а проведение политической линии победившей в ходе выборов силы с учётом всех мнений задействованных органов исполнительной власти. Чёткое формулирование этого уровня обязательно по федеральному законодательству [7]. Логика выстраиваемой иерархии исходит из существующих интересов, целей и задач, а не из реагирования на вызовы и угрозы. Последние рассматриваются в качестве препятствий на пути достижения целей, а не самостоятельных направлений деятельности, они могут определять тактику, но не стратегию.

Отправной точкой внешнеполитического планирования США служит Стратегия национальной безопасности, выработка которой регулируется законом «О национальной безопасности» 1947 г. с поправками закона Голдуотера – Николса 1986 г. [15]; [16]. Стратегия не является строгим юридическим документом, она фиксирует общую логику администрации, из которой формулируются политические приоритеты. Но закон обязывает формулировать в ней такие понятия, как национальные интересы, цели, задачи, а также предлагаемые формы использования имеющегося национального потенциала для их реализации. В её логике понятия «национальные интересы» – элемент иерархии стратегии, формулирующий приоритеты политики США, имеющий постоянный бессрочный характер реализации, «цели» – желаемое состояние дел в той или иной области социально-экономического развития, национальной безопасности и внешней среды на среднесрочную перспективу от четырёх до восьми лет, а «задачи» – это конкретные шаги государства, реализация которых в срок до одного президентского срока будет способствовать достижению поставленных целей.

Третьим уровнем иерархии механизма стратегического планирования является *ведомственный*. На этом уровне выработка целеполагания органами исполнительной власти происходит не дальше среднесрочной перспективы и выражается в двух типах стратегических документов.

К первому из них относятся *концептуально-стратегические документы*, общая структура которых не подчиняется строгим правилам. Они раскрывают

логику администрации и профильных органов на определённую область национальной безопасности. Издание каждого из таких документов регламентируется отдельными нормативными положениями Кодекса США и носит адресный характер, поэтому их подготовкой занимаются не все органы исполнительной власти, а преимущественно оборонные и силовые ведомства. В общей сложности подобного рода отраслевых документов за начало XX века можно насчитать чуть больше сотни [11]. Эти документы больше служат обоснованию выбранных целей и задач, являются политическими, а не формально-бюрократическими элементами системы стратегического планирования.

Ко второму же типу относятся *контрольно-исполнительные документы*, обеспечивающие работу бюрократического механизма стратегического планирования. Они подчинены единой логике планирования и отчётности, введённой законом «О работе правительства и её результатах» 1993 г. и поправками в него от 2010 г. [13]; [14]. Все федеральные органы исполнительной власти обязаны разрабатывать стратегические планы на четырёхлетний период с описанием конкретных планов работы по реализации целей и задач администрации, и не все ведомства напрямую ссылаются в своей работе на Стратегию национальной безопасности [12]; [21]. От них требуется высокая степень детализации для формирования отчётности об эффективности выполнения поставленных целей и задач. Закон обязывает федеральное правительство и почти все федеральные ведомства чётко формулировать приоритетные цели и планы их достижения [5]; [6], а в последующем отправлять их директору Административно-бюджетного управления администрации президента США [17]. Уже в этих рамках все ведомства в согласовании с профильными комитетами Конгресса формируют четырёхлетние планы, под которые выделяется финансирование и по которым потом оценивается эффективность их работы.

Таким образом, единая централизованная логика стратегического планирования в Соединённых Штатах выстроена в рамках триединого механизма, включающего поэтапную имплементацию политической линии победившей на президентских выборах команды через стратегические, а затем бюрократические механизмы государственной власти.

ПРАКТИКА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Работу механизма стратегического планирования и проявления в нём разницы подходов различных демократических и республиканских администраций можно наглядно проследить на примере политико-дипломатических ведомств. В структуре федеральных органов исполнительной власти они представлены Государственным департаментом и Агентством США по международному развитию (АМР) [2]. Она

разделена на несколько уровней и происходит с единой для всех федеральных ведомств периодичностью, согласно общей нормативно-правовой базе.

Наивысший уровень стратегического планирования происходит на ведомственном уровне при разработке Совместного стратегического плана (ССП; *Joint Strategic Plan*). Он вырабатывается раз в четыре года и должен вступать в силу не позднее одного года после начала работы каждой новой президентской администрации и является открытым документом. Цели и задачи ССП определяются в полном соответствии с установками более высокого уровня – Стратегией национальной безопасности, политическими заявлениями президента [10].

В президентство Б.Обамы по мере секьюритизации политико-дипломатических инструментов решения задач обеспечения национальной безопасности Госдепартамент и АМР издавали четырёхлетние обзоры дипломатии и развития (*Quadrennial Diplomacy and Development Review*) [20]. Они по статусу относились к документам концептуально-стратегического характера уровнем ниже СНБ, но выше ССП, объясняющие логику политико-дипломатической работы невоенных ведомств по аналогии с четырёхлетними оборонными обзорами Министерства обороны (*Quadrennial Defense Review*). Тем не менее, со сменой администрации в Белом доме традиция издавать такие доклады так и осталась в пределах традиционных военно-политических рамок, и новых обзоров дипломатии и развития не выходило.

Параллельно с изданием ССП подразделениями обоих ведомств готовятся совместные региональные стратегии (СРС; *Joint Regional Strategy*) и стратегии функциональных бюро (СФБ; *Functional Bureau Strategy*), а в сотрудничестве с другими ведомствами – комплексные страновые стратегии (КСС; *Integrated Country Strategy*).

Работа подразделений подчинена иерархии приоритетов. Высшей из них целью является долгосрочное видение работы подразделения, достижение которого не обязательно укладывается в четырёхлетний срок. Задачи – это конкретное измеряемое состояние дел в предметной области работы подразделений, способствующее достижению целей. Задачи дробятся на подзадачи, которые подчинены определённому краткосрочному графику их решения (12–24 месяца) и информация о которых является чувствительной, но не секретной. Подзадачи являются отправной точкой для формулирования ежедневных детализированных комплексов мероприятий для их достижения и реализации стратегии, конкретных программ и проектов [3].

Разработка последних происходит по следующим этапам: сопряжение их с приоритетами СРС, СФБ, КСС и Целями устойчивого развития (*Sustainable Development Goals*); проведение ситуационного анализа предметной области реализации программы (страна, регион, сфера международных отношений) с учётом политико-правовых, культурных, экономических, экологических, инфра-

структурных и прочих вводных; определение целей и задач, отражающих чёткое понимание проблем; описание логики того, как конкретные измеряемые мероприятия программы/проекта способствуют достижению целей и задач, какие ведомства отвечают за их реализацию, какие ожидаются масштабы работы и её результаты; выработка графика или дорожной карты работ [14].

В 2022 г. ведомствам США предстоит издание контрольно-исполнительных документов уже при администрации Джозефа Байдена. Они позволят оценить в какой степени действующая команда Белого дома сохранит преемственность во внешнеполитических подходах относительно предшественника – республиканца Д. Трампа и своих однопартийцев при Б. Обаме. Однако даже из материалов, уже изданных в две предшествующие четырёхлетки, можно проследить как определённую долю преемственности между республиканцами и демократами, так и приверженности более традиционным для их партий подходам.

За последние две президентские администрации прослеживается динамика изменения иерархии рисков и угроз. Напрямую ССП на периоды 2014–2017 гг. и 2018–2022 гг. от них не отталкивается, но приоритетность сформулированных стратегических целей и задач позволяет вывести эту иерархию. При Б. Обаме она строилась в большей степени вокруг интернационалистских инклюзивных подходов: расширение американского экономического влияния с обеспечением устойчивого развития в мире, воздействие на глобальные вызовы, экология, продвижение демократии и защита прав человека, а также обновление подходов ведения дипломатии. При Д. Трампе они стали фокусироваться на реализации прежде всего американских интересов: вопросы обеспечения национальной безопасности, стимулирование американского экономического роста, продвижение лидерства через сбалансированное вовлечение, а также обновление подходов ведения дипломатии.

При сравнении ССП администраций Б. Обамы и Д. Трампа в отстаивании интересов через невоенные инструменты наблюдается тенденция к переориентации с глобально ориентированных на национальные подходы реагирования, которые делятся на две большие предметные области [18]; [19]. Первая из них сосредотачивалась на вопросах экономического роста и внешней экспансии Соединённых Штатов. Причём сопоставление демократического и республиканского ССП демонстрирует переход к более американоцентричным методам реализации экономических интересов. США переориентировались от идеи повышения социально-экономического благосостояния во всём мире к повышению конкурентоспособности прежде всего своей страны, росту в ней числа рабочих мест посредством реализации таких мер, как достижение благоприятных условий для американского бизнеса в мире на многосторонней и двусторонней основах, борьба с мерами протекционизма и недобросовестной конкуренции, налаживание адекватной коммуникации между правительством и деловыми

кругами, облегчение высококвалифицированной иммиграции, поддержка американского производителя посредством оказания зарубежной помощи третьим странам, а также повышения их управленческой компетентности.

Второй предметной областью являлась национальная безопасность и противодействие вызовам её состояния. В этой части наблюдается отход от, скорее, позитивистских подходов по борьбе с условиями возникновения внешних угроз (например, посредством улучшения социально-экономических условий жизни общества для нивелирования генезиса терроризма и радикализма) к более предметным и традиционным мерам политико-дипломатического воздействия. К таковым, в частности, относятся ведение переговоров для разрешения конфликтов, внедрения нормативных механизмов ведения международного диалога, поиск и укрепление консолидации со странами с общими политическими подходами, оказание зарубежной помощи для удовлетворения базовых потребностей населения, а также развития практик решения национальных внешнеполитических задач США посредством потенциала третьих стран.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие системы стратегического планирования внешней политики Соединённых Штатов в значительной степени обуславливалось возрастанием их вовлечения в ведение международных дел с окончанием Второй мировой войны и с укреплением их системной значимости в структуре глобальных хозяйственных и военно-политических взаимосвязей. Причём, по мере усложнения процессов ведения международных отношений всё больше упорядочивался механизм планирования с самого верхнего уровня – принятия решений – до низового – непосредственных исполнителей выработанной стратегической линии американского государства.

Представленная модель механизма выработки стратегического целеполагания на политическом, стратегическом и ведомственном уровнях может служить исходной точкой для последующей выработки оценок эффективности осуществления того или иного внешнеполитического курса Соединённых Штатов относительно их внутренней логики функционирования. Модель ещё до вступления президентской администрации в свои полномочия позволяет более предметно формулировать вероятность преемственности курса по ключевым международно-политическим вопросам и оценку последствий отхода от прежних линий поведения.

ИСТОЧНИКИ

1. Владимир Путин: президенты США меняются, политика остаётся прежней. *Первый канал*, 09.06.2017. Available at: <https://www.1tv.ru/projects/putin/o->

filme/vladimir-putin-prezidenty-ssha-menyayutsya-politika-ostaetsya-prezhney (accessed 22.03.2022).

2. 18 FAM 301.2 DEPARTMENT OF STATE STRATEGIC PLANNING. Available at: <https://fam.state.gov/FAM/18FAM/18FAM030102.html> (accessed 20.03.2022).

3. 18 FAM 301.2 DEPARTMENT OF STATE STRATEGIC PLANNING. Available at: <https://fam.state.gov/FAM/18FAM/18FAM030102.html> (accessed 20.03.2022).

4. 18 FAM 301.4 DEPARTMENT OF STATE PROGRAM AND PROJECT DESIGN, MONITORING, AND EVALUATION. Available at: https://fam.state.gov/fam/18fam/18fam030104.html#M301_4 (accessed 20.03.2022).

5. 31 United States Code Chapter 11 – The Budget and Fiscal, Budget, and Program Information §1115-1120. Available at: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title31/subtitle2/chapter11&edition=prelim> (accessed 20.03.2022)

6. 5 United States Code §306: Agency strategic plans. Available at: [https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=\(title:5%20section:306%20edition:prelim\)](https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=(title:5%20section:306%20edition:prelim)) (accessed 20.03.2022).

7. 50 United States Code §3043. Annual national security strategy report (b). Available at: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title50-section3043&num=0&edition=prelim> (accessed 20.03.2022).

8. 50 United States Code §3043. Annual national security strategy report (c). Available at: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title50-section3043&num=0&edition=prelim> (accessed 20.03.2022).

9. American Isolationism in the 1930s. *U.S. Department of State Office of the Historian, Foreign Service Institute*. Available at: <https://history.state.gov/milestones/1937-1945/american-isolationism> (accessed 23.03.2022).

10. Circular No. A-11. Preparation, Submission, and Execution of the Budget. Executive Office of the President Office of Management and Budget. The White House, 06.08.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/06/a11.pdf> (accessed 20.03.2022).

11. National Strategy Documents. *Homeland Security Digital Library*, 09.07.2021. Available at: <https://www.hsdl.org/?collection&id=4#Agriculture/Food> (accessed 20.03.2022).

12. Performance Framework. *Performance.gov*, 2019. Available at: https://trumpadministration.archives.performance.gov/about/objectives_about.html (accessed 20.03.2022);

13. Public Law № 103-65 «Government Performance and Results Act». Washington, D.C.: U.S. Congress, 1993

14. Public Law № 111-352 «GPRA Modernization Act». Washington, D.C.: U.S. Congress, 04.01.2011.

15. Public Law № 80-253 «National Security Act». Washington, D.C.: U.S. Congress, 18.09.1947;
16. Public Law № 99-433 «Goldwater-Nichols Department of Defense Reorganization Act». Washington, D.C.: U.S. Congress, 04.10.1986.
17. Section 230 "Agency Strategic Planning". Circular No. A-11 "Preparation, submission, and execution of the budget". Washington D.C.: Office of Management and Budget, Executive Office of the President, 28.04.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2018/06/a11.pdf> (accessed 20.03.2022).
18. State-USAID Joint Strategic Plan FY 2014-2017. Washington, D.C.: the U.S. Department of State, 2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/223997.pdf> (accessed 24.03.2022).
19. State-USAID Joint Strategic Plan FY 2018-2022. Washington, D.C.: the U.S. Department of State, 2014. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2018/12/Joint-Strategic-Plan-FY-2018-2022.pdf> (accessed 24.03.2022).
20. The Quadrennial Diplomacy and Development Review. *The U.S. Department of State*. Available at: <https://2009-2017.state.gov/s/dmr/qddr/index.htm> (accessed 24.03.2022).
21. U.S. Federal Government Agencies: Strategic Plans 2018-2022. *Cornell University*. Available at: <https://researchservices.cornell.edu/resources/us-federal-government-agencies-strategic-plans-2018-2022> (accessed 20.03.2022).
22. McInnis K. The Interim National Security Strategic Guidance. Congressional Research Service, 03/29/2021. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11798> (accessed 03/22/2022).
23. Snider D. The National Security Strategy: Documenting Strategic Vision. Center for Strategic and International Studies, 15.03.1995. – 20 p. Available at: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2012/05/Snider.pdf> (accessed 20.03.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Войтоловский Ф.Г. "Производство" интеллектуального пространства мировой политики. *Международные процессы*. 2006. Т. 4. № 2 (11). С. 100-111.
- Войтоловский Ф.Г. Стратегия США в меняющемся миропорядке: вызовы для России. *Вестник Российской академии наук*. 2021. Т. 91. № 7. С. 616-626. DOI: 10.31857/S0869587321070148
- Войтоловский Ф.Г., Кувалин Д.Б., Ленчук Е.Б. Стратегическое планирование в государственном управлении: опыт, возможности и перспективы. *Проблемы прогнозирования*. 2020. № 6 (183). С. 46-55. DOI: 10.47711/0868-6351-183-46-55

Давыдов А.А., Кислицын С.В. О новом санкционном режиме США против Ирана. *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 2. С. 28-36. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-2-28-36

Дынкин А.А., Телегина Е.А. Глобализация и мировой порядок в новых реалиях постковидного мира. *Вестник Российской академии наук*. 2021. Т. 91. № 7. С. 642-647. DOI: 10.31857/S0869587321070033

Журавлева В.Ю. Американский президент в поляризованной среде: от Б. Обамы к Дж. Байдену. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2021. Т. 14. № 3. С. 334-347. DOI: 10.21638/spbu06.2021.305

Журавлева В.Ю. Идеино-политические корни американского лидерства. *США ♦ Канада: экономика, политика, культура*. 2014. № 11 (539). С. 19-32.

Кислицын С.В. Современные проблемы “большой стратегии” во внешней политике США. Анализ и прогноз. *Журнал ИМЭМО РАН*, 2020, № 4, сс.27-39. DOI: 10.20542/afij-2020-4-27-39

Кременюк В.А., Трофименко Г.А. Классовая сущность внешней политики США. Современная внешняя политика США. В 2-х тт. Отв. ред. Г.А. Трофименко. Москва: Наука, 1984. Т.2, с. 17-38.

Лан В. Классы и партии в США. Очерки по экономической и политической истории США. – М.: ИМХМП АН СССР, 1937, с. 463-502

Липкин М.А. Совет Экономической Взаимопомощи: исторический опыт альтернативного глобального мироустройства (1949-1979). М.: Весь Мир. 2019. – 184 с.

Павлов В.В. Совет национальной безопасности США в оценках современных американских исследователей. *Вестник МГИМО-Университета*. 2016;4(49):181-189. Available at: https://mgimo.ru/upload/iblock/e30/elibrary_27215382_76284310.pdf (accessed 21.03.2022).

Шаклеина Т. Лидерство и современный мировой порядок. *Международные процессы*. 2015. Т. 13. № 4 (43). С. 6-19.

REFERENCES

Barry, P., Ross, A. Competing Visions for U.S. Grand Strategy. *International Security*. Volume 21, Number 3, Winter 1996/97. pp. 5-53

Browder, R. The United States, the Soviet Union, and the Comintern, 1933-1935. *Russian Review*, 1953, Vol. 12, No. 1, pp. 25-39

Davydov, A.A., Kislitsyn, S.V. O novom sanktsionnom rezhime SShA protiv Irana [On the new US sanctions regime against Iran] (In Russ.). *World Economy and International Relations*. 2018. Vol. 62. No. 2. pp. 28-36. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-2-28-36

Dynkin, A.A., Telegina, E.A. Globalizatsiia i mirovoi poriadok v novykh realiiakh postkovidnogo mira [Globalization and world order in the new realities of the post-covid world] (In Russ.). Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2021. Vol. 91. No. 7. pp. 642-647. DOI: 10.31857/S0869587321070033

Hart, G. The Fourth Power: A Grand Strategy for the United States in the Twenty-First Century. Oxford University Press, 2004

Kislitsyn, S.V. Sovremennye problemy "bol'shoi strategii" vo vneshnei politike SShA. Analiz i prognoz. [Modern problems of "grand strategy" in US foreign policy. Analysis and forecast] (In Russ.). Journal of IMEMO RAS, 2020, No. 4, pp.27-39. DOI: 10.20542/afij-2020-4-27-39

Kremen'yuk, V.A., Trofimenko, G.A. Klassovaia sushchnost' vneshnei politiki SShA. Sovremennaiia vneshniaia politika SShA. [The class essence of US foreign policy. Modern US foreign policy] (In Russ.). In 2 tt. Ed. by G.A. Trofimenko. Moscow: Nauka, 1984. Vol.2, pp. 17-38.

Kupchan, Ch. Isolationism. A History of America's Efforts to Shield Itself from the World. Oxford University Press, 2020. 456 p.

Lan, V. Klassy i partii v SShA. Ocherki po ekonomicheskoi i politicheskoi istorii SShA [Classes and parties in the USA. Essays on the economic and political history of the USA] (In Russ.). – Moscow: IMHMP of the USSR Academy of Sciences, 1937. – pp. 463-502

Lipkin, M.A. Sovet Ekonomicheskoi Vzaimopomoshchi: istoricheskii opyt al'ternativnogo global'nogo miroustroistva (1949-1979) [Council of Mutual Economic Assistance: historical experience of alternative global world order (1949-1979)] (In Russ.). Moscow: Ves Mir. 2019. – 184 P.

Patrick, P. Why America's Grand Strategy Has Not Changed. International Security, Vol. 42, No. 4 (Spring 2018), pp. 15-17

Pavlov, V.V. Sovet natsional'noi bezopasnosti SShA v otsenkakh sovremennykh amerikanskikh issledovatelei [The US National Security Council in the assessments of modern American researchers] (In Russ.). Bulletin of MGIMO University. 2016;(4(49)):181-189. Available at: https://mgimo.ru/upload/iblock/e30/elibrary_27215382_76284310.pdf (accessed 21.03.2022).

Shakleina, T. Liderstvo i sovremennyi mirovoi poriadok [Leadership and the modern world order] (In Russ.). International Processes. 2015. Vol. 13. No. 4 (43). pp. 6-19.

Voitolovsky, F.G. "Proizvodstvo" intellektual'nogo prostranstva mirovoi politiki. ["Production" of the intellectual space of world politics] (In Russ.). International processes. 2006. Vol. 4. No. 2 (11). pp. 100-111.

Voitolovsky, F.G. Strategiiia SShA v meniaiushchemsia miroporiadke: vyzovy dlia Rossii [U.S. strategy in a changing world order: challenges for Russia] (In Russ.). *Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2021. Vol. 91. No. 7. pp. 616-626.

DOI: 10.31857/S0869587321070148

Voitolovsky, F.G., Kuvalin, D.B., Lenchuk, E.B. Strategicheskoe planirovanie v gosudarstvennom upravlenii: opyt, vozmozhnosti i perspektivy [Strategic planning in public administration: experience, opportunities and prospects] (In Russ.). // *Problems of forecasting*. 2020. No. 6 (183). pp. 46-55. DOI: 10.47711/0868-6351-183-46-55

Zhuravleva, V.Yu. Amerikanskii prezident v poliarizovannoi srede: ot B. Obamy k Dzh. Baidenu [American President in a polarized environment: from B. Obama to J. Biden] (In Russ.). *Bulletin of St. Petersburg University. International relations*. 2021. Vol. 14. No. 3. pp. 334-347. DOI: 10.21638/spbu06.2021.305

Zhuravleva, V.Yu. Ideino-politicheskie korni amerikanskogo liderstva [The American Leadership: Political and Conceptual Origins] (In Russ.). *USA ❖ Canada: Economics – Politics – Culture*. – 2014. – No. 11 (539) C. 19-32.

Zumoff, J. The Communist Party of the United States and the Communist International, 1919-1929. Doctoral thesis, University of London, 2003. Available at: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1382502/> (accessed 22.02.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ДАВЫДОВ Алексей Андреевич, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра североамериканских исследований ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Российская Федерация, 1177997 Москва, ул. Профсоюзная 23.

Alexey A. DAVYDOV, Cand. Science (Politics), researcher of Center for North American Studies of IMEMO RAS.

23 Profsoyuznaya st., 1177997 Moscow, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 24.03.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 5.04.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 7.04.2022.

УДК: 007, 008, 304

JEL: M15

DOI: 10.31857/S2686673022060049

EDN: GRQISK

Цифровизация общества: альтернативные проекты Будущего

Н.М.Травкина

Институт США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8215-2101>

e-mail: usa-canada@mail.ru

Резюме: Анализируется воздействие процессов цифровизации на четыре сферы общества: экономическую, политическую, социальную и духовную. Эти процессы определяются как диффузия информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которые носят положительные и отрицательные эффекты. Цифровизация общественных сфер напрямую связана с компонентом цифровой безопасности социума, которая приобретает глобальный характер. Кибервойны и кибератаки наносят ущерб в масштабах мировой экономики, составляющий ежегодно до 6 трлн долл., соизмеримый с экономическими потерями военного времени.

Широкомасштабная цифровизация общественных сфер впервые в истории человечества создаёт объективную возможность конструирования и проектирования его будущих состояний, что фундаментальным образом отличает ход грядущих социально-экономических и политических процессов от хода исторической эволюции прошлых эпох. Это породило дихотомию виртуальных утопий и антиутопий проектов Будущего. Антиутопии строятся вокруг представлений о грядущем «цифровом рабстве», в то время как утопические видения фокусируются на картинах «цифрового рая». В основе поляризованных взглядов на цифровое Будущее лежат процессы «цифрового разрыва», смысл которых состоит в том, что цифровизация способствует значительному увеличению неравенства в доступе к цифровым благам, что в свою очередь оборачивается ростом неравенства в распределении доходов и богатств.

Коронавирусная пандемия способствовала мощному ускорению процессов цифровизации, которые выступили формой адаптации общества к её стрессам и пагубным последствиям. Цифровизация сделала возможной и экономически выгодной социальное дистанцирование. Одновременно произошло колоссальное усиление экономической мощи и политического влияния цифровых корпораций, что объективно требует резкого усиления роли государства, которое должно поставить процессы цифровизации под действенный общественный контроль.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая безопасность, общественные сферы, научно-технические уклады, цифровой проект, коронавирусная пандемия, цифровой разрыв, цифровые утопии и антиутопии

Для цитирования: Травкина Н.М. Цифровизация общества: альтернативные проекты Будущего. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2022; 52 (6):50-70.

DOI: 10.31857/S2686673022060049 EDN: GRQISK

Digitalization of Society: Alternative Projections of the Future

Natalya M. Travkina

Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences.

2/3, Khlebny per., Moscow, 121069, Russian Federation.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8215-2101>

e-mail: usa-canada@mail.ru

Abstract: The impact of digitalization on four spheres of society is analyzed in the article: economic, political, social and spiritual. Digitalization is defined as the diffusion of information and communication technologies (ICT), which bring with them both positive (legitimate) and negative (wrongful) effects. At the same time, at present, the digitalization of public spheres is directly connected with the component of ensuring the digital security of society, which is increasingly becoming global in character. Cyber wars and cyber attacks cause damage on the scale of the global economy, amounting to up to \$6 tn annually, commensurate with the economic losses of wartime. Large-scale digitalization of public spheres for the first time in the history of mankind creates an objective opportunity to construct and design its future states, which fundamentally distinguishes the course of future socio-economic and political processes from the course of the historical evolution of past periods, determined by the forces, including natural, beyond the human control. From this point of view, the processes of digitalization of social processes have given rise to a dichotomy of virtual utopias and anti-utopias of Future projects. Dystopias are built around visions of the coming "digital slavery", while utopian focus on visions of a "digital paradise". At the heart of polarized views on the digital Future are the processes of the "digital divide", the meaning of which is that digitalization contributes to a significant increase in inequality in access to digital goods, which in turn results in an increase in inequality in the distribution of income and wealth.

The coronavirus pandemic that hit all of humanity in 2020-2022 contributed to a powerful acceleration of digitalization, which acted as a form of society's adaptation to its stresses and harmful consequences. Digitalization has made social distancing possible and cost-effective, and has contributed to the development of remote forms of socio-economic activity. At the same time, the pandemic contributed to a colossal increase in the economic power and political influence of digital corporations, which objectively require a sharp increase in the regulatory role of the state, which should put digitalization under effective public control.

Keywords: digitalization, digital security, social spheres, scientific and technological formation, digital project, coronavirus pandemic, digital divide, digital utopias and dystopias

For citation: Travkina N.M. Digitalization of Society: Alternative Projections of the Future. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52 (6): 50-70.

DOI: 10.31857/S2686673022060049 EDN: GRQISK

ВВЕДЕНИЕ. ГЛОБАЛЬНАЯ ЦИФРОВАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Цифровизация, «визитной карточкой» и основой которой является всемирная паутина Интернета, превратилась в важнейший материальный фактор ускорения глобальных процессов, определяя их специфику и направленность.

Как и в прошлые эпохи, глобализация оказалась двуликим Янусом, с одной стороны, сближая социально-экономические и политические системы, а с другой – сея между странами семена раздора, войн и разрушений. Цифровизация как могучая сила глобальных социально-экономических и политических преобразований может выступить как мощнейший инструмент и созидательных, и разрушительных процессов. В своём последнем качестве она имеет потенциал превратиться – и возможно уже превратилась – в новый вид столкновений – кибервойн, разрушительный потенциал которых, с точки зрения экономических потерь, сопоставим с экономическим ущербом мировых войн первой половины XX века и финансово-экономических кризисов XXI века.

Цифровизация привнесла с собой в качестве обязательного и неотъемлемого элемента такой параметр, как безопасность – цифровое Будущее должно быть безопасным, в противном случае оно может вообще не состояться. В связи с этим можно указать на такой факт: уже сейчас атаки в киберпространстве для получения экономических выгод наносят ущерб мировой экономике в пределах от 100 млрд до 6 трлн долл., и с каждым годом эти потери увеличиваются [1: 1].

ЦИФРОВАЯ ДИФфуЗИЯ В СОЦИУМЕ

Каноническое определение цифровизации гласит, что она представляет процесс внедрения цифровых технологий в различные общественные сферы. Общепринятая классификация общественных сфер включает четыре: 1) экономическую; 2) политическую; 3) социальную и 4) духовную. В центре классификационной матрицы стоит Человек, поскольку перечисленные сферы отражают его базовые общественные потребности как индивида и личности: потребность трудиться и приумножать имеющиеся в его распоряжении материальные блага и услуги; потребность участвовать в общественной и государственной жизни, отражающей его политические предпочтения и взгляды; потребность в социальной жизни, проистекающей прежде всего от принадлежности к семье, народу, различным половозрастным группам, и, наконец, потребность в духовном развитии, предполагающем выработку мировоззренческих представлений и морали, повышение образовательного уровня. Эта «вплетённость» Человека в общественные в широком смысле слова отношения отражена на рис.1.

В историческом плане цифровые технологии появились сразу же после Второй мировой войны, во второй половине 1940-х годов, однако современная история информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) начинается с 1969 г., когда по линии Министерства обороны США была введена в строй компьютерная сеть «Арпанет», ставшая прототипом современного Интернета [2].

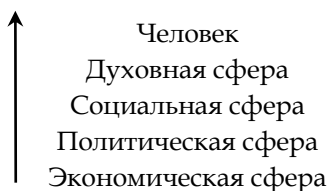
Рисунок 1

Человек в системе основных общественных отношений

Сферы жизни общества, рис 1. Available at: <https://www.grandars.ru/college/sociologiya/sfera-obshchestva.html>

Диффузия последующих цифровых нововведений шла по восходящей, начиная с экономической сферы, и постепенно распространяясь на все остальные общественные сферы, а с начала XXI века все активнее стала захватывать и самого человека (концепции и практическое применение искусственного интеллекта - ИИ). Это поступательное развитие цифровых технологий по основным общественным сферам приводится на схеме.

Схема

Постепенная цифровизация общественных сфер и человека

Поступательная цифровизация общественных сфер, а также связанная и с самим человеком, заставляет задуматься о том, в какой степени к каждой из них применима правомерность её оцифровывания, которая в итоге повысит её функциональную эффективность в удовлетворении человеческих потребностей и в какой степени вторжение цифровых технологий в области, занимающие более высокое место в их иерархическом порядке, является фактором растущей дисфункциональности данной сферы.

В настоящее время можно констатировать, что широкое распространение цифровых технологий в экономике представляется оправданным, поскольку отражает логику поступательной смены научно-технических укладов. Экономи-

ческая сфера является правомерной областью применения и распространения цифровых технологий, хотя, как указывал голландский социолог М. Оссеварде, «цифровая трансформация может быть интерпретирована как утверждение господства экономических сил, олицетворяемых олигархической властью технологических кластеров, наиболее известным из которых является Кремниевая долина» [Ossewaarde M.: 25]. В отношении других общественных сфер можно высказать гипотетическое предположение, что их цифровизация выглядит более проблемной и сопровождается растущим взаимозамещением цифровых технологий качеств и свойств Человека как социобиологического вида, что включает в том числе мыслительные, чувственные и волевые области.

Стоит указать на то, например, что цифровизация политической сферы может привести к резкому ужесточению режима политического контроля над обществом и его манипулированию в интересах «властвующих элит». Как отмечала немецкий профессор политологии Дж. Хофман, авторитарные режимы «либо не могут, либо не хотят полагаться на готовность своих граждан сотрудничать. Устоявшиеся демократии имеют много возможностей политической мобилизации граждан: они могут полагаться на то, что общественность сформирует критически единое мнение, понимание и солидарность. Кроме того, они могут ожидать от значительной части своего населения совместных действий. Вместо того чтобы усилить действие этих сторон политической жизни, цифровой мониторинг может только подорвать их» [3].

Цифровизация социальной сферы может обернуться ослаблением и даже распадом социальных общин, включая институт семьи, и даже целых обществ. На эту опасность, в частности, указывают норвежские социологи профессора Х. Спилкер и Л. Рюттер, которые анализировали проблему создания больших баз данных на рядовых граждан государственными органами: «Использование больших баз данных поднимает серьёзные вопросы о конфиденциальности, безопасности этих данных и этике. Эти вопросы, конечно, являются даже более критически важными в общественном секторе по сравнению с частным сектором при использовании искусственного интеллекта. При этом возникает значительный потенциал для несанкционированного контроля над гражданами, а также риск автоматизации несправедливых действий» [Reutter L., Spilker H.: 96].

Цифровизация духовной сферы в её законченном виде в перспективе означает полное нивелирование ценностей, являющихся сугубо человеческими, имеющими отношение к морально-этическим и религиозным ценностям. Цифровизация, по сути, обрывает всякие связи человека с духовным измерением, поскольку, как отмечала американский теолог и инженер по образованию Л. Дович, «жизнь в сообществе людей и постоянное с ними общение – это валюта духовного роста» [Dovich L.: 12].

И, наконец, цифровизация самого человека может считаться равносильной «самоликвидации» человека как *homo sapiens* – человека разумного в том виде, как его знает современная биологическая наука и каждый человек. По представлениям ставшего популярным историка Ю. Харари, прорывы в биотехнологиях и информационных технологиях «дадут нам власть над внутренним миром и позволят менять себя, но мы не понимаем всей сложности нашего разума, и эти изменения могут оказать разрушительное воздействие на всю нашу систему мышления» [Harari Y.: 16].

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И КОНСТРУИРОВАНИЕ ВИРТУАЛЬНЫХ ПРОЕКЦИЙ БУДУЩЕГО

Традиционный взгляд на ход и эволюцию исторических процессов сводился к тому, что временной поток из Прошлого в Будущее через Настоящее носит автономный характер, до известной степени независимый от воли и сознания отдельных социальных групп и обществ в целом. Именно представления об автономном характере действия сил, определяющих переход от одной общественной формации к другой, от одного научно-технологического уклада к другому и лежат в основе закономерностей исторической эволюции стран и человечества в целом. Смена научно-технологических укладов, начиная с конца XVIII века и заканчивая нашим временем, отражена в таблице.

Таблица

Научно-технологические уклады в период 1785–2022 гг.

Механиза- ция Водная энергия Железо	Паровые машины Железные дороги	Электриче- ство Двигатели внутренне- го сгорания Химикаты	Электро- ника Аэрокос- мическая техника	Интернет Компьюте- ры Биотехно- логии	Цифрови- зация
1-я волна	2-я волна	3-я волна	4-я волна	5-я волна	6-я волна
1785 г.*	1845 г.*	1900 г.*	1950 г.*	1990 г.*	2020 г.*
60 лет**	55 лет**	50 лет**	40 лет**	30 лет**	25 лет**

* начало периода;

**продолжительность периода.

Следует сказать, что современные социальные науки в своём понимании общей направленности общественной и научно-технологической эволюции человечества не далеко ушли от высказывания основоположника политической экономии А. Смита, считавшего, что ход исторической эволюции опреде-

ляется «невидимой рукой» Провидения¹. В конце XX века в зарубежной литературе развернулась и продолжается до сих пор дискуссия о том, в какой степени упоминания «невидимой руки» в трёх работах А. Смита могут считаться не более чем метафорой, а в какой – претензией на теоретическое обобщение, которое сформулировал великий мыслитель конца XVIII века, но не смог довести до логического конца. По мнению ряда исследователей, «невидимая рука» может считаться основой для далеко идущих теоретических обобщений, особенно когда встаёт вопрос об эффективности «рациональной» государственной политики, которая порождает непредвиденные и зачастую противоположные первоначально задуманным расчётам последствия. Такая ситуация возникает вследствие того, что творцы государственной политики «претворяют в жизнь курс, направленный на исправление определённых проблем, пренебрегая мнением критиков, предупреждавших, что избранное направление политики приведёт к противоположному результату, а затем вина за непредвиденные результаты будет перекладываться на третью сторону, чтобы не быть виноватым. В итоге непредвиденные результаты возникают по вине элит, которые считают, что обладают знаниями и мудростью, необходимыми для реализации "лучшего общества для всех"» [4: 9].

Цифровизация общественных отношений радикальным образом меняет направленность их эволюции, при которой Будущее может быть *спроектировано* в Настоящем. Общественные силы, в полной мере овладевшие и контролирующие процесс цифровизации, претендуют на то, чтобы общество Будущего явилось не результатом действия автономных сил, в ряде случаев опирающихся на помощь и поддержку «невидимой руки» Провидения, а возникло в результате реализации *цифрового Проекта*, создаваемого в компьютерах, суперкомпьютерах и с помощью искусственного интеллекта (ИИ).

Важнейшим фактором, который делает теоретически возможным реализацию цифрового проекта, является широкое распространение цифровых технологий во всех сферах общества. Широкая диффузия цифровых технологий ведёт к невиданному в мировой истории симбиозу практически каждого человека и компьютера, в результате возникает информационное общество, представляющее собой «результат перехода от предыдущей цифровой эры к новому пост-цифровому миру, в котором цифровое превратилось в основу повседневной жизни» [Dufva T., Dufva M., March 2019: 18].

¹ Человек «невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения; при этом общество не всегда страдает от того, что эта цель не входила в его намерения. Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это» [Смит А., 2008: 332].

Базу возможного цифрового проекта составила концепция цифрового кода (или алгоритма), который может быть «изменён, обновлён, исправлен, взломан, сохранён и проанализирован без изменения самой физической машины» [Dufva T., Dufva M., March 2019: 17]. В исторической ретроспективе смена научно-технологических укладов являла себя в форме видимого изменения символов и продуктов достижений научно-технической мысли в виде паровых машин, железнодорожных локомотивов, автомобилей, самолётов, достижений биотехнологий и нефтехимии, ракет, роботов, автоматизированных систем. То есть, смена образов Будущего предполагала и видимую смену их материальных носителей, что и создавало возможность эффективно блокировать только одни направления научно-технического развития экономическими и политическими средствами, опираясь на инструменты государственного регулирования общественных сфер. Достаточно вспомнить, что были прекращены финансирования многих программ освоения и исследования космического пространства или запрет на проведение разработок в сфере геной инженерии².

Появление невидимого цифрового кода, чистого продукта человеческой мысли или ИИ, коренным образом изменило ситуацию в сфере взаимодействия человека и цифровых технологий. В отличие от других научно-технических сфер, с которыми сталкивается личность в процессе своей социализации, сейчас цифровые технологии, по крайней мере в развитых странах, окружают её с младенческих лет. Фактически современный человек с рождения оказывается в цифровом мире, поэтому для общественной и личной ориентации в этом мире человек вынужден приобретать соответствующие навыки и опыт, поскольку его симбиоз с цифровым миром будет продолжаться до скончания века. В результате представление человека об устройстве цифрового мира, можно даже сказать цифровой Вселенной, его «восприятие цифрового мира (например, как данное по сравнению с чем-то, что производится и что, таким образом, может быть сформировано) определяет, какие виды будущего мыслятся как возможные» [Dufva T., Dufva M., March 2019: 18].

Цифровизация базируется на компьютерном моделировании, опирающемся на *виртуальную реальность*, зачастую носящую игровой характер. Виртуальная реальность основана на образном, можно сказать художественном, мышлении, на что указывали специалисты по принятию решений *с помощью* компьютерного программирования. В частности, голландские аналитики И. Кастерен и М. Дьюджин, исходя из опыта применения цифровых технологий, пришли к выводу, что художественные метафоры служат в качестве ментальных моделей

² В частности, согласно данным обследования Международного комитета по биоэтике (в составе ЮНЕСКО), в 29 из 39 стран, активно занимающихся геной инженерией, существуют запреты на редактирование генома человека (то есть получение генно-модифицированного зародыша), при этом в 25 странах проведение таких экспериментов запрещено юридически [5: 88].

при разработке и реализации визуальных концепций. Именно ментальные модели используют образы для чёткого понимания того, как вещи сочетаются друг с другом, поскольку метафоры «идеально подходят для вычленения основного смысла (или смыслов) при обработке больших объёмов данных, формируя гибкие рамки для понимания и интерпретации информации» [Van Cattenburch I., Michael Duijn V., March 2019: 108].

Образные метафоры несут на себе морально-нравственный компонент, например, это проявляется в древнегреческих мифах. В частности, миф о Фаэтоне повествует о нравственной ущербности возгордившегося Фаэтона: взяв на короткое время у своего отца Гелиоса солнечную колесницу, он не справился с управлением, и кони понесли его по неправильной траектории к планете Земля, в результате он и погиб, сраженный молнией Зевса. Образное моделирование Будущего с помощью цифровых технологий имеет и ещё одну важнейшую особенность. Она связана с программированием той роли, которую в Будущем намерены играть его творцы. По существу, это сценарий управления и манипулирования структурно-функциональными характеристиками цифрового Будущего современными политическими и финансово-экономическими элитами, который начинается с определением их фокального местоположения в цифровой Вселенной. В этом плане, тот же древнегреческий миф о Фаэтоне даёт представление не только о тех неограниченных возможностях, которые создаёт цифровое управление миром Будущего (солнечная колесница Гелиоса), но и о тех опасностях, которые могут возникнуть для властвующих элит, если они не справятся с его управлением. По сути, цифровой проект Будущего предполагает построение иерархического общественного порядка, который неизменно присутствовал во всех социально-экономических системах с древнейших времён и до наших дней. Проект цифрового Будущего неизменно будет следствием «элитного визионерства» и «мечтаний профанических масс», поскольку большинство простых людей в мире «не могут ожидать для себя ни сиюминутных выгод, ни улучшений в долгосрочной перспективе от поступательного научно-технического прогресса. Они должны покорно принимать посулы доброжелательных третьих сторон, что их жизнь будет улучшаться за счёт изобретений, разработанных в других местах, предпринимателей, активно занимающихся цифровыми технологиями, имеющих капиталы и знания, позволяющие им осуществлять крупномасштабные общественные преобразования. Таким образом, неравенство – не только как возможность доступа, но и в ещё большей степени как несбыточное ожидание – является неустрашимым этическим и политическим барьером на пути справедливого управления технологическими инновациями» [Sand M., March 2019: 101].

КОРОНАВИРУСНАЯ ПАНДЕМИЯ – ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА ЦИФРОВОГО БУДУЩЕГО?

Коронавирусная пандемия, обрушившаяся на человечество в начале 2020 г., коренным образом изменила привычные ритмы функционирования практически всех общественных сфер и большинства государств на планете Земля. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила 11 марта 2020 г. вспышку коронавируса глобальной эпидемией [6], и эту дату можно считать условной точкой отсчёта приближающегося Будущего. По состоянию на весну 2022 г. в мире коронавирусом заразились 471,0 млн человек, скончались почти 6,1 млн человек. Следует заметить, что 73% всех случаев заражения и немногим более 75% смертельных случаев пришлось на страны Северной и Южной Америки, а также на европейские страны [7].

Профессор истории Йельского университета Ф. Сноудена изучал влияние пандемий на общественное развитие с 1346 г. по 1953 г., которые унесли от 75 млн до 200 млн жизней на планете³, начиная со времён первой мировой пандемии чумы, и кончая глобальными пандемиями современности. Он пришёл к выводу, что пандемии, подобно революциям, войнам или экономическим кризисам, неизменно оказывались поворотными пунктами в развитии отдельных обществ и всего человечества в целом. Фундаментальная причина заключается в том, что пандемии «затрагивают самые глубинные слои человеческой психики. Они вынуждают задавать важные вопросы о смерти и её причинах, о смысле жизни, об отношениях с Богом? Если у нас есть всемогущая, всеведущая и доброжелательная сила, как мы можем примирить эту силу с эпидемиями, которые уносят жизни огромного количества детей?» [8].

Как правило, пандемии вели к резкому усилению роли государства, авторитарных форм правления, при этом такое усиление проистекает отнюдь не из понимания того, какие меры необходимо предпринять, а из прямо противоположной посылки: власть, «не зная, что делать, создаёт впечатление, что её действия продиктованы глубоким пониманием сложившейся ситуации, хотя на самом деле решительность действий и призвана создать иллюзорное впечатление эффективности предпринимаемых мер, а для этого и надо продемонстрировать силу и решимость» [9].

Сложившаяся ситуация, в частности, уже обернулась тектоническим сдвигом во внутриполитическом положении США. По мнению Ф. Сноудена, воздействие пандемии на президентство Дональда Трампа было фундаментальным. «Я твёрдо уверен в том, – пишет учёный, – что в условиях её отсутствия он почти наверняка был бы переизбран на второй срок». При этом, как указал американский

³ В 2019 г. Ф. Сноуден выпустил монографию, посвящённую влиянию глобальных пандемий на общественное развитие [Snowden F., 2019].

историк, поражение Д. Трампа выходит за рамки традиционной политической теории президентских выборов и, возможно, имеет значение и для представителей политической элиты в других странах. Пандемия радикально изменила привычную тактику и стратегию ведения политических кампаний, поскольку Д. Трамп «внезапно столкнулся с противником, который представлял природные силы, а не политического соперника в человеческом облике. Стратегия, к которой прибег Д. Трамп, построенная на выдвигании "альтернативных фактов", оказалась в итоге бесполезной. Она обнажила неадекватность действий Трампа в ответ на эпидемиологический кризис, принесший огромные страдания и смерть, за которые он не хотел брать на себя ответственность. Ему не удалось также убедить страну в том, что у него есть решение величайшего медицинского кризиса наступившего века».

Коронавирусная пандемия резко усилила социальный контроль государственных органов над гражданами, основанный на цифровых технологиях. При этом, как подчеркнул Ф. Сноуден, «использование электронных устройств для слежки за гражданами в некоторых странах приняло такие формы, которые напоминали антиутопии Джорджа Оруэлла и Олдоса Хаксли. Для контроля за передвижением граждан стали использовать дроны и видеокамеры, сотовые телефоны и роботов в медицинских центрах». Поэтому даже в условиях отступления болезни соблазн прибегать к цифровым технологиям «для контроля, наблюдения и вторжения в частную жизнь граждан может сохраниться. Граница между защитой здоровья и стремлением к злоупотреблению властью в настоящее время весьма прозрачна и постоянно нивелируется по мере развития цифровых технологий» [10].

Пандемия затронула механизмы функционирования практически всех общественных сфер. Однако уже сейчас в большинстве стран мира выявились три основные тенденции, которые будут определять ход общественных процессов в ближайшем будущем. *Первая тенденция* связана с заметным усилением крупных технологических фирм, активно разрабатывающих и внедряющих цифровые технологии. *Вторая* сводится к ещё большему увеличению всех видов неравенства, особенно социально-экономического, которое стимулируют современные цифровые технологии, при этом оно затрагивает распределение экономических благ, политическое влияние, социальные отношения, в том числе по признаку пола, расы, возраста и образовательного уровня. И, наконец, *третья тенденция* проявляется в пролиферации информационных потоков в СМИ, которые трактуются определёнными сегментами аудитории как дезинформационные. Фактически речь идёт о том, что современные цифровые платформы превратились в объекты *информационных войн*, идущих как внутри обществ, так и в мировом киберпространстве.

В целом эти тенденции создают в будущем в расчёте на предстоящие пять – десять лет ситуацию «новой нормальности» [11]. При этом общественная жизнь будет всё в большей степени определяться такими понятиями, как «точка перегиба», «прерывистое равновесие», «немыслимый масштаб», «экспоненциальный процесс», «массовые нарушения» и «беспрецедентный вызов». Набирающие обороты процессы цифровизации обществ будут происходить в условиях, по выражению известного американского социобиолога Э. Уилсона, «палеонтологических эмоций, средневековых институтов и данных от Бога технологий» [12].

Социальное дистанцирование, получившее права гражданства как форма борьбы с коронавирусной пандемией, постепенно перерастёт в систему «телевсего», то есть в систему дистанционных здравоохранения, образования, работ, развлечений, электронной торговли и общественных мероприятий, включая участие в политических процессах, в том числе и дистанционного голосования [Травкина Н.М., Роговский Е.А., 2016.]. Социальное дистанцирование в широком смысле этого слова обернётся тем, что «социальные сообщества, города и национальные государства станут более изолированными, что позволит им успешнее выживать в конкурентных условиях. В результате резко усилятся ксенофобия, фанатизм и закрытые социальные группы» [11].

Социальное дистанцирование уже обернулось серьёзными психологическими стрессами. В ближайшем будущем следует ожидать нарастания психопатических форм поведения на индивидуальном и групповом уровнях, провоцируемых нарастающим усложнением. По мнению американских аналитиков, проблемы и вызовы, программы и технологии – всё станет более сложным. «Основой "новой нормальности" станет неистребимая сложность: как наши проблемы, так и наши технологии (в том числе то, как мы развёртываем эти технологии) уже давно прошли стадию простых подходов» [11].

Как сегодня видится, усложнение всех общественных процессов будет создавать нарастающие нагрузки на психику, что грозит не только ростом числа психических расстройств и заболеваний, но нарастающим изменением сознания человечества, которое примет столь широкие масштабы, что его можно будет поставить в один ряд с планетарными климатическими изменениями [Davies T.: October 2016: 2139]. К примеру, коронавирусная пандемия отчётливо выявила тенденцию к нарастанию психических заболеваний и расстройств, абсолютному и относительному увеличению числа самоубийств и потребления наркотиков и алкоголя.

Так, в США, по данным американской официальной статистики, за первую половину 2020 г. доля взрослого населения, сообщавшая о симптомах тревожного и/или депрессивного расстройства, увеличилась почти в 4 раза по сравнению с первой половиной 2019 г. – с 11,0% до 41,1%. При этом в особо уязви-

мом положении оказались социальные группы с невысокими доходами, представители этнических меньшинств, молодёжь. В частности, в 2020 г. доля населения в возрасте от 18 до 24 лет, сообщавшая о симптомах тревожного и/или депрессивного расстройства, составила 56,2%, а доля населения в возрасте от 25 до 49 лет с аналогичными симптомами – 48,9%, доля населения в возрасте от 50 до 64 лет – 39,1% и доля пожилых слоёв населения – всего 29,3%, то есть почти в 2 раза меньше по сравнению с подрастающим поколением [13]. Вполне возможно, что процессы дальнейшей цифровизации общества будут сопоставимы по своим медико-биологическим последствиям с воздействием коронавирусной пандемии 2020 года.

«ЦИФРОВОЙ РАЗРЫВ»: ОСНОВНОЙ ФАКТОР ПОЯВЛЕНИЯ УТОПИЙ И АНТИУТОПИЙ ЦИФРОВОЙ ЭРЫ

Распространение и внедрение в общественных сферах цифровых технологий носит неравномерный и противоречивый характер, в результате возникает ситуация, при которой одни общности имеют доступ и широко пользуются плодами цифровизации, а другие лишены такой возможности. Неодинаковость доступа и владения цифровыми технологиями и создаёт феномен «цифрового разрыва». Он имеет много измерений, но наиболее референтными считаются три его вида: 1) разрыв между городскими ареалами и сельской местностью; 2) разрыв между различного рода социально-экономическими группами и 3) глобальный разрыв между развитыми и развивающимися странами [14]. Цифровой разрыв можно трактовать и как *проблему неравенства* в распределении доступа к общественному благу, именуемого цифровыми технологиями. Так, в 2020 г. примерно 4% всех домовладений в Великобритании, в которых проживало свыше 1,0 млн человек, не имело доступа к интернету, даже несмотря на то, что охват британских домовладений интернетом идёт «семи-мильными шагами». В 2000 г. доступ к интернету имели всего 25% британских домовладений, а в 2010 г. – уже 73% [15]. Помимо этого, «сельская телекоммуникационная инфраструктура явно уступает городской. Это оборачивается тем, что большое количество людей не способно полностью использовать потенциал информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) там, где они живут и работают. Ощущается также недостаток литературы, в которой анализировалась бы специфика пространственной природы цифрового исключения сельских жителей и последствия этого явления» [Philip L., 2017, August: 387].

В социальном плане неравенство в образовательном уровне и распределении доходов практически в каждом обществе играет решающую роль в формировании и углублении цифрового разрыва. Согласно данным статистических обследо-

дований, лица с высшим и неполным высшим образованием имеют потенциал использования цифровых технологий в среднем в 10 раз выше аналогичного показателя для лиц со средним и неполным средним образованием. Индивиды и семьи с месячным доходом в 75 тыс. долл. и выше имеют степень доступа к интернету и цифровым технологиям, в 20 раз превышающую степень доступа к ИКТ для лиц и семей с относительно небольшими доходами (30 тыс. долл. в месяц и меньше) [14].

Цифровой разрыв особенно остро проявляет себя в глобальных масштабах: половина населения Земного шара (а это почти 4,0 млрд людей!) не имеют доступа к интернету, и в большей части наиболее слаборазвитых стран доступ к цифровым технологиям, естественно не самым передовым, имеет не более 20% [16].

Появление революционных видов техники, о которых с самого начала заговорили о себе цифровые технологии, не могло не наложиться на структуру эсхатологического сознания современного человечества, которое со времён промышленной революции в Великобритании в последней трети XVII века неизменно рассматривало появление технологий как возможность для человечества обрести долгожданные «ключи от земного рая», избавив большую часть населения от нужды, а растущее изобилие материальных благ обернётся если не устранением, то, по крайней мере, существенной метаморфозой различных ипостасей Зла.

Цифровые технологии, с самого начала отражавшие и преумножавшие Доброе, Злое и Уродливое, не могли не порождать утопии «социального рая» и антиутопии «социального ада». Как отметил в этой связи американский философ Э. Финберг, специализирующийся на философских проблемах современного научно-технического прогресса, «современные утопии являют собой пример захватывающих передовых отчётов о новейших разработках в сфере науки и техники. Эти новые утопии населены биоинженерными сверхлюдьми, объединившимися в систему Универсального разума или загруженными на более надёжное оборудование, чем человеческое тело. Большие данные скоро предскажут, когда мы простудимся, и, наконец, сделают возможной настоящую науку об обществе. Сетевой искусственный интеллект удовлетворит все наши потребности и избавит нас от необходимости трудиться» [Feenberg A., 2017, No 20: 78]. Коронавирусная пандемия не могла не выдвинуть на первый план антиутопии надвигающегося на человечество «цифрового ада» – во всяком случае для тех стран и социальных групп, которые окажутся не в состоянии адаптироваться и овладеть современными цифровыми технологиями.

АНТИУТОПИЯ: «ЦИФРОВОЕ РАБСТВО»

Активное распространение цифровых технологий в политической сфере спровоцировало оживлённые дебаты о судьбах и перспективах системы либе-

ральной демократии не только в западных странах, особенно в США, но и во всём мире. Цифровые технологии создают объективные возможности контролировать большие социальные группы населения и отдельных индивидов, а также усиливать возможные репрессивные начала против них. В этом плане чрезвычайно показательно, что один из ведущих американских поборников идеи глобального торжества идей либеральной демократии Ф. Фукуяма прямо увязал упадок демократических институтов в ведущих странах Запада и особенно в США именно с распространением цифровых технологий, которые в последнее десятилетие способствовали значительной фрагментации общества и падению доверия к государственным институтам власти.

Как указал Ф. Фукуяма, даже в самых демократических обществах «возникающий феномен "сетевизации всех вещей" ведёт к такой аккумуляции массивов информации и данных, использование которых будет носить непрозрачный характер, особенно по сравнению с нынешним интернетом. Крупные и технически грамотные организации, будь то правительства или частные компании, потенциально могут "эксплуатировать" огромные массивы информации, и они уже активно начинают это делать. Дальнейший прогресс в сфере цифровых технологий вряд ли открывает хорошие перспективы для расширения прав и возможностей демократии, хотя мы ещё находимся только на ранних стадиях этих процессов и пока рано делать прогнозы обо всех возможных политических последствиях» [Fukuyama F., January 2020: 16].

Тем не менее, современные цифровые технологии, находящиеся в распоряжении политических элит, открывают колоссальные возможности для манипулирования настроениями, ожиданиями и ценностной ориентацией широких масс населения, имеющих политические права, которых в Древней Греции именовали «демосом». Современные ИКТ позволяют создать мощную систему **вмешанных** политических ценностей и представлений, которые отражают представления политических элит о степени самостоятельности «демоса» в выработке собственных политических взглядов. Тем самым, основными политическими игроками в псевдодемократической политической системе остаются только узкие группы политических элит, которые в отношении «демоса» начинают проводить политику его нивелирования, которую немецкий политолог Л. Ульбрихт образно назвала «соскабливанием демоса» (*demos scraping*). По её экспертному заключению, «под видом цифровой демократизации происходит поворот к технократическому захвату власти и деполитизации. "Соскабливание демоса" в его нынешнем виде – это троянский конь для формирования технократического

капитализма слежки и эстетически приятной материализации, имитирующей демократию» [Ulbricht L., 2020, No. 3: 438]⁴.

Потеря политических прав открывает дорогу для следующего этапа «цифрового закабаления» – потери социально-экономических прав и благосостояния: свободные граждане постепенно превращаются в «цифровых рабов».

УТОПИЯ: «ЦИФРОВОЙ РАЙ»

Видениям «цифрового Ада» в современном мире противостоят глянцево красивые картины «цифрового Рая». Пример такого рода сценария – аналитическая разработка «Единая цифровая Европа», подготовленная группой европейских исследователей для Европейской комиссии и опубликованная весной 2019 г. Этот документ содержит перечень основополагающих принципов, реализация которых позволит создать «справедливое и демократическое общество, в котором защищены базовые свободы и права граждан, в котором сильные государственные институты работают в интересах общества и где люди имеют право голоса в отношении того, как должно выглядеть общественное устройство». Составители этого сценария твёрдо убеждены в том, что «у Европы имеются все возможности для создания подобного рода цифрового общества» [20: 5].

Концепция построения общеевропейского «цифрового Рая» исходит из того, что в настоящее время в европейских странах ощущается недостаток цифровых технологий и в целом цифровизация не раскрыла свой потенциал и свои возможности в полной мере. По сути, все проблемы европейской цифровизации мыслятся составителями сценария в том ключе, что Европе нужно не меньше ИКТ, а как можно больше цифровых технологий. Построение «цифрового Рая» должно осуществляться на четырёх основных принципах.

Согласно *первому принципу*, должно быть усилено личностное самоопределение, то есть расширены возможности полноценного участия в социальной жизни, в том числе и дистанционно, без необходимости передавать личные данные коммерческим организациям. Самоопределение включает право на неприкосновенность частной жизни и участие в более демократичных моделях управления данными и алгоритмической прозрачности.

⁴ Американская политическая жизнь последнего десятилетия даёт прекрасные примеры постепенной трансформации значительной части американских избирателей в политически манипулируемый «демос». Так, в 2012 г. кандидат на пост президента от Республиканской партии М. Ромни охарактеризовал 47% американских избирателей, голосующих за Демократическую партию, «социальными изживенцами» [17]; в 2016 г. кандидат в президенты США от Демократической партии Х. Клинтон презрительно отозвалась о сторонниках Д. Трампа как о «сборище достойных сожаления» [18], и, наконец, президент США Дж. Байден в марте 2021 г. назвал десятки миллионов сторонников Д. Трампа как «имеющих неандертальское мышление» [19].

Согласно *второму принципу*, должна развиваться система культивирования общего наследия. Этот принцип предполагает, что европейцы с помощью цифровых технологий должны участвовать в совместной трудовой деятельности и обмениваться для этого соответствующими знаниями. Совместная трудовая деятельность будет представлять огромную социальную ценность для всех европейцев.

Согласно *третьему принципу*, должна проводиться последовательная политика децентрализации европейской технологической инфраструктуры, что позволит в перспективе увеличить её технологический суверенитет за счёт уменьшения зависимости от неевропейских поставщиков технологий. Технологический суверенитет является также формой укрепления европейских демократических традиций, исторически сложившегося в Европе культурного разнообразия.

И, наконец, согласно *четвертому принципу*, должны быть укреплены органы государственной власти, что позволит обеспечить широкое участие граждан европейских стран в управлении системой образования, наукой и культурой. Государственные институты должны быть достаточно сильными и эффективными, чтобы иметь возможность предоставлять онлайн социальные услуги для общественности, которые при этом должны быть надёжно защищены от контроля коммерческих интернет-платформ [20: 14-23].

Таким образом, если антиутопии предполагают механизм реализации, основанный на принципе самореализующихся пророчеств, то воплощение в жизнь утопий исходит из планов-проектов, претворяемых в жизнь мощными государственными институтами и глобальными ИКТ-корпорациями, такими как «Эшпл», «Майкрософт», «Фейсбук». Цифровое Будущее является рукотворным проектом, ошибки и просчёты в разработке которого могут иметь серьёзные и даже катастрофические последствия для дальнейшей исторической эволюции отдельных стран и всего человечества и которые, по всей видимости, уже не могут быть исправлены «добродетельной» рукой невидимого Провидения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЦИФРОВОЕ БУДУЩЕЕ - НАЗАД В ПРОШЛОЕ?

Колоссальное усиление экономической мощи и политического влияния глобальных ИКТ-корпораций в ходе мирового пандемического кризиса в 2020–2022 гг. побудили многих политологов, социологов, экономистов и государствоведов страны обратить свой взор к американскому опыту 1930-х годов, к политике «Нового курса» Ф.Д. Рузвельта, который не только сумел использовать всю потенциальную мощь государственного аппарата на его федеральном уровне для обуздания безраздельного господства крупнейших монополий США того периода, но и сформировал новый «социальный контракт» американского общества, обеспечивший ему 30 послевоенных лет устойчивого экономического

развития. Изучение и обращение к опыту «Нового курса» всё чаще приводит американских обществоведов к мысли, что пришло время, по крайней мере в развитых странах, особенно в США, разработать и начать реализацию «Цифрового нового курса», который позволил бы по сути провести «цифровую демократическую революцию», поставившую цифровую сферу под эффективный контроль широких масс [21: 9].

ИСТОЧНИКИ

1. OECD. OECD work on digital security policy. February 2022. P. 1. Available at: <https://www.oecd.org/sti/ieconomy/digital-security/> (accessed 25.03.2022).
2. A Brief History of Digital Revolution_Iconographic. - Science and Technology Facilities Council (accessed 25.03.2022).
3. Hofmann J. Digital Tracking as a Political Program. *Econstor*, 04.04. 2020. 2 pp. Available at: <http://hdl.handle.net/10419/223134> (accessed 25.03.2022).
4. Bauer R. Economic Freedom and Quality of Life Impacts: A Comparison". Senior Honors Theses. 597. Liberty University, 2016, 40 pp. Available at: <https://digitalcommons.liberty.edu/honors/597> (accessed 25.03.2022).
5. Stanciu S. Legal and Ethical Concerns Regarding Gene Editing. - "RAIS Conference Proceedings", March 30-31, 2020", pp. 87-91. Available at: <http://rais.education/wp-content/uploads/2019/11/0013SAS.pdf>. (accessed 25.03.2022).
6. WHO. Listings of WHO's response to COVID-19. Updated December 28, 2020. Available at: <https://www.who.int/news/item/29-06-2020-covidtimeline> (accessed 25.03.2022).
7. WHO. WHO Coronavirus (COVID-19) Dashboard. 22 March, 2022. Available at: <https://covid19.who.int/> (accessed 25.03.2022).
8. Gonzales S. Historian Frank Snowden: May we be 'forever changed' by coronavirus. *Yale News*, April 8, 2020. Available at: <https://news.yale.edu/2020/04/08/historian-frank-snowden-may-we-be-forever-changed-coronavirus>.(accessed 25.03.2022).
9. How Will COVID-19 Change the World? Historian Frank Snowden on Epidemics from the Black Death to Now. Transcript. - "Democracy Now!, democracynow.org, The Quarantine Report", May 18, 2020. Available at: https://www.democracynow.org/2020/5/18/frank_snowden_covid_19_epidemics_history. (accessed 25.03.2022).
10. Papadopoulos P. Yale's Frank Snowden on how this pandemic, like others, is changing history. - "Ekathimerini.com", 24.01.2021. Available at: <https://www.ekathimerini.com/opinion/interviews/261548/yale-s-frank-snowden-on-how-this-pandemic-like-others-is-changing-history/> (accessed 25.03.2022).

11. Anderson J., Rainie L., and Vogels E. Experts Say the 'New Normal' in 2025 Will Be Far More Tech-Driven, Presenting More Big Challenges. Internet & Technology. – Pew research Center, February 18, 2021. Available at: <https://www.pewresearch.org/internet/2021/02/18/experts-say-the-new-normal-in-2025-will-be-far-more-tech-driven-presenting-more-big-challenges/> (accessed 25.03.2022).
12. An Intellectual Entente. *Harvard Magazine*, 9.10.09. Available at: <https://harvardmagazine.com/breaking-news/james-watson-edward-o-wilson-intellectual-entente>. (accessed 25.03.2022).
13. Panchal N., Kamal R., Cox C., and Garfield R. The Implications of COVID-19 for Mental Health and Substance Use. – "KFF Brief", Fed.10, 2021. Available at: <https://www.kff.org/coronavirus-covid-19/issue-brief/the-implications-of-covid-19-for-mental-health-and-substance-use/> (accessed 25.03.2022).
14. Steele C. What is the Digital Divide? - Digital Divide Council, Feb.22, 2019. Available at: <http://www.digitaldividecouncil.com/what-is-the-digital-divide/> (accessed 25.03.2022).
15. Office of National Statistics. Statistical bulletin. Internet access – households and individuals, Great Britain: 2020. Table 1: Households with Internet Access, 1998 To 2020. Available at: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/householdcharacteristics/homeinternetandsocialmediausage/bulletins/internetaccesshouseholdsandindividuals/2020>. (accessed 25.03.2022).
16. World Economic Forum. Coronavirus has exposed the digital divide like never before. 22 Apr, 2020. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2020/04/coronavirus-covid-19-pandemic-digital-divide-internet-data-broadband-mobbile/> (accessed 25.03.2022).
17. WATCH: Full Secret Video of Private Romney Fundraiser. *Mediagaxer*, September 18, 2012 (accessed 25.03.2022).
18. Read Hillary Clinton's 'Basket of Deplorables' Remarks About Donald Trump Supporters. *Time*, September 10, 2016. Available at: <https://time.com/4486502/hillary-clinton-basket-of-deplorables-transcript/> (accessed 25.03.2022).
19. Leonard B. 'Neanderthal thinking': Biden lays into states lifting Covid restrictions. *Politico*, 03/03/2021 (accessed 25.03.2022).
20. A Vision for a Shared Digital Europe. Amsterdam/Brussels/Warsaw, April 2019, 23 pp. Available at: <https://www.commonsnetwork.org/news/new-a-vision-for-a-shared-digital-europe/> (accessed 25.03.2022).
21. A Digital New Deal: Visions of Justice in a Post-Covid World. Just Net Coalition and IT for Change. January 2021. 230 pp. Available at: <https://itforchange.net/digital-new-deal/> (accessed 25.03.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008, 677 с.

Травкина Н.М., Роговский Е.А. «Цифровая демократия» и президентская кампания-2016. *Россия и Америка в XXI веке*, 2016, № 2. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760012263-6-1/>

REFERENCES

Davies, T. Mind change: How digital technologies are leaving their mark on our brains. *New Media & Society*, October 2016, pp. 2139-2941.

Dovich, L. Digital Media Technology and Your Spiritual Life: An Uneasy Alliance. — Christian Engineering Conference. 2017 Conference. 22 pp. Available at: http://digitalcommons.cedarville.edu/christian_engineering_conference/2017/technological_development/2.

Dufva, T., Dufva, M. Grasping the future of the digital society. *Futures*, March 2019, pp. 17-28.

Feenberg, A. The Internet and the End of Dystopia. *Communiquer. Revue de communication sociale et publique*, 2017, No 20, pp.77-84.

Fukuyama, F. 30 Years of World Politics: What Has Changed? *Journal of Democracy*, January 2020, pp. 11-21.

Harari, Y. 21 Lessons for the 21st Century. London: Vintage, 2018, xv + 352 pp.

Ossewaarde, M. Digital transformation and the renewal of social theory: Unpacking the new fraudulent myths and misplaced metaphors. *Technological Forecasting & Social Change*, September 2019, pp.24-30.

Philip, L., Cottrill, C., Farrington J., Williams F., Ashmore F. The digital divide: Patterns, policy and scenarios for connecting the 'final few' in rural communities across Great Britain. *Journal of Rural Studies*, 2017, August, pp. 386-398.

Reutter, L., Spilker, H. The Quest for Workable Data Building Machine Learning Algorithms from Public Sector Archives. In: Sudmann. (Ed.): The democratization of artificial intelligence. Net politics in the era of learning algorithms. Bielefeld: transcript 2019, S. 95-107. Available at: https://www.academia.edu/es/40580163/Andreas_Sudmann_ed_The_Democratization_of_Artificial_Intelligence_Net_Politics_in_the_Era_of_Learning_Algorithms_transcript_Columbia_UP_2019_DOI: <https://doi.org/10.25969/mediarep/13551>

Sand, M. On "not having a future". *Futures*, March 2019, pp. 98-106.

Smith, A. Issledovanie o prirode i prichinakh bogatstva narodov [An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations] (In Russ., translated from English). Moscow: Directmedia Publishing. 2008, 677 pp.

Snowden, F. Epidemics and Society From the Black Death to the Present. New Haven, Yale University Press, 2019, xvii + 582 pp.

Travkina, N.M., Rogovsky, E.A. "Digital Presidential Democracy" and Campaign-2016. *Russia and America in the 21st century*, 2016, No. 2. Available at: <https://rusus.jes.su/s207054760012263-6-1/>.

Ulbricht, L. Scraping the demos. Digitalization, web scraping and the democratic project. *Democratization*, 2020, No. 3, pp.426-442.

Van Cattenburch, I., Duijn, M. Shakespeare's learning futures: The application of Shakespeare's allegory as interpretative scheme for sustainable decision-making. *Futures*, March 2019, pp. 107-118.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ТРАВКИНА Наталья Михайловна, доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра внутриполитических исследований Института США и Канады Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Natalya M. TRAVKINA, Doctor of Sciences (Political), Chief Researcher, Head of the Center for Domestic Policy Studies, Institute for the U.S. and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences (ISKРАН).

2/3, Khleby per., Moscow, 121069, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 25.03.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 10.04.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 12.04.2022.

УДК: 330.1

JEL J46

DOI: 10.31857/S2686673022060050

EDN: GRQSIK

Система здравоохранения в США: в поисках новой модели управления

В.А. Сауткина

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО).

Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23.

Scopus Author ID: 57196413172

ORCID 0000-0002-6891-7726

e-mail: vera-sautkina@yandex.ru

Резюме: Формирование эффективной модели управления системой здравоохранения в США всегда было и остаётся актуальной темой научных дискуссий и предметом острых партийных баталий. В статье затронуты наиболее острые точки имеющихся разногласий, возникающие между участниками событий в последнее десятилетие. Стратегически важным становится вопрос о необходимости усиления государственного вмешательства в управление системой здравоохранения ради общественного блага. Представители Демократической партии последовательно продвигают курс на закрепление тенденции расширения сферы государственного медицинского страхования на законодательном уровне, что затрагивает финансовые интересы основных игроков на рынке медицинских услуг. В работе показано: несмотря на неизбежность политических разногласий, в условиях чрезвычайной ситуации, связанной с пандемией COVID-19, всем противоборствующим сторонам пришлось искать наиболее эффективные решения для жизнеобеспечения и доступности медицинской помощи для малоимущих слоев. Автор приходит к выводу, что, благодаря приобретению опыта активного взаимодействия всех участников преодоления кризисных явлений, значительно расширяются перспективы партнёрских взаимоотношений государства с частными компаниями в медицинской сфере.

Ключевые слова: система здравоохранения, медицинское страхование, государственно-частное партнёрство в здравоохранении

Для цитирования: Сауткина В.А. Система здравоохранения в США: в поисках новой модели управления. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2022; 52 (6): 71–87. DOI: 10.31857/S2686673022060050 EDN: GRQSIK

The U.S. Healthcare System: In Search of a New Management Model

Vera A. Sautkina

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations of the Russian Academy of Sciences.*

23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation.

Scopus Author ID: 57196413172

ORCID 0000-0002-6891-7726

e-mail: vera-sautkina@yandex.ru

Abstract: The problem of finding an effective model for managing the health care system in the United States has always been and remains a topical topic of both scientific discussions and the subject of sharp party battles. The article touches upon the most acute points of existing disagreements that arise between the participants in the events in the last decade. The question of the need to strengthen state intervention in the management of the health care system for the sake of the public good is becoming strategically important. Representatives of the Democratic Party are consistently advancing the course to consolidate the trend of expanding the scope of state health insurance at the legislative level, which affects the financial interests of significant players in the medical services market. The paper shows that despite the inevitability of political disagreements, in the emergency situation associated with the COVID-19 pandemic, all warring parties had to look for the most effective solutions for life support and access to medical care for the poor. The author comes to the conclusion that due to the acquisition of experience in the active interaction of all participants in overcoming the crisis, the prospects for partnerships between the state and private companies in the medical field are significantly expanding.

Keywords: health care system, health insurance, public-private partnership in health care

For citation: Sautkina V.A. The U.S. Healthcare System: In Search of a New Management Model. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52 (6): 71-87.

DOI: 10.31857/S2686673022060050 EDN: GRQSIK

ВВЕДЕНИЕ

В обращении к Конгрессу США во время представления финансового бюджета на 2021 год президент Дж. Байден обозначил своё видение приоритетов в области здравоохранения, которые требуют принятия важных политических решений. Было предложено снизить возраст имеющих право для получения медицинской помощи от государства с 65 до 60 лет, сократить стоимость отпускаемых по рецепту лекарств и обеспечить предоставление финансовой помощи людям, самостоятельно приобретающим страховку на рынке. Реализация такой программы потребует от Конгресса США законодательно закрепить поддерживаемые представителями Демократической партии инициативы, что не находит понимания у значительной части конгрессменов и сенаторов. Затронуты финансовые интересы игроков на рынке медицинских услуг, поэтому вопрос о необходимости усиления государственного вмешательства в управление системой здравоохранения ради общественного блага в очередной раз становится причиной обострения политического противостояния.

РАСШИРЕНИЕ РОЛИ ПРАВИТЕЛЬСТВА В УПРАВЛЕНИИ СИСТЕМОЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Здравоохранение – комплексный социальный институт, включающий в себя не только непосредственно медицину, но и сферы ответственности государства

и общества в области политики, экономики и науки. Управление национальными системами здравоохранения в каждой стране определяются сложившимися в них социально-экономическими и политическими условиями. Существующие в мире модели отличаются по степени охвата населения государственными программами оказания медицинской помощи, источниками финансирования. На основании этих критериев выделяются принципиально отличающиеся друг от друга модели: преимущественно государственная, преимущественно страховая, преимущественно частная. На практике в современном мире эти модели с разной долей интеграции дополняют друг друга.

Формирование системы здравоохранения в США проходило в условиях свободного рынка. Сначала степень участия государства под влиянием либеральной идеологии была незначительной. В настоящее время благодаря расширению действующих уже более чем полстолетия социальных программ значительную часть расходов на здравоохранение берёт на себя государство. Сочетание частной медицины с рыночными механизмами, многоканальными источниками финансирования с развитой системой государственной поддержки и регулирования позволяет отнести существующую в стране модель к частно-государственной. Существует единодушное мнение: высококачественное и экономически эффективное здравоохранение отвечает всеобщим интересам. Однако, обращаясь и к истории, и к реалиям сегодняшних событий, становится очевидным, насколько сложно направить усилия всех участников бурно развивающегося рынка медицинских услуг не на достижение своих коммерческих интересов, а на общественное благо.

Расширение государственного участия в управлении системой оказания медицинской помощи в США в последние пятьдесят лет непосредственно связано с появлением социальных программ «Медикейд» (*Medicaid*) и «Медикэр» (*Medicare*). На протяжении всего периода реализации этих программ Конгресс США постоянно вносил изменения, последовательно включая в неё всё новые группы пациентов. Финансирование идёт как из федерального бюджета, так на уровне штатов и обычно меняется ежегодно. Вопрос о финансовом обеспечении программ всегда был сложным и решается комплексно, с учётом приоритетов лоббистов и других заинтересованных групп.

Если проследить предысторию особенно острых столкновений, становится яснее, какие меры действительно направлены на улучшение общественного здравоохранения, а не на реализацию политических амбиций или коммерческих интересов различных игроков на рынке медицинских услуг. Предметом споров и политической борьбы на долгие годы стала предложенная в 1989 г. Республиканской партией идея о необходимости законодательно обязать всех американцев приобретать медицинскую страховку или платить штраф. Консервативным фондом «Наследие» (*The Heritage Foundation*) была

разработана концепция, в рамках которой предлагалось в качестве механизма, побуждающего и здоровых людей привлечь к страхованию, использовать штрафные санкции. Появился термин «индивидуальный мандат», кратко обозначавший суть предложенной идеи, которая вначале активно продвигалась директором Центра политических инноваций фонда «Наследие» Стюартом Батлером, а в настоящее время, напротив, отстаивается его оппонентами [Mcdough J., 2021].

Данная перемена позиций началась с 2012 г., когда пункт об «индивидуальном мандате» был включён в первый раздел закона «О защите пациентов и доступном здравоохранении» 2010 г. (*The Patient Protection and Affordable Care Act of 2010*), в котором кодифицированы конкретные меры защиты для различных категорий граждан (закон приобрёл известность под названием «Обамакэр» – *Obamacare*). Республиканцы вдруг объявили «индивидуальный мандат» неконституционной мерой, что поставило под угрозу весь закон и стало предметом продолжительных судебных разбирательств. В качестве разъяснения появилась статья С. Батлера, в которой он утверждал: причина перемены позиций не имеет прямого отношения к политике. По его мнению, глубокие изменения в сфере здравоохранения и поведенческой экономики могут привести многих людей к покупке страховки и без каких-либо требований и принуждений. Подчеркивалось: участвуя в непрерывной двухпартийной дискуссии, аналитики вырабатывают наиболее эффективные способы управления, а не отстаивают партийные интересы [Butler S., 2012].

Принятие в 2010 г. закона «О защите пациентов и доступном здравоохранении» способствовало обострению партийного противостояния и обнажило суть имеющихся разногласий. Стало ясно, что речь идёт о возможности расширить права государства и позволить ему занять регулирующие позиции в процессе, который, по мнению оппонентов, должен управляться по законам рынка. С самого начала практического применения этого закона борьба интересов на самых различных уровнях усиливалась и носила ярко выраженный политический характер [Лебедева Л.Ф. и др., 2017].

После прихода к власти республиканцы и в Конгрессе, и через суды всячески препятствовали его применению. Закон неоднократно подвергался серьёзным юридическим испытаниям. Д. Трамп обещал его полную отмену после своего прихода к власти в 2016 г. Несмотря на видимую абсурдность с точки зрения здравого смысла, истцы из Техаса инициировали судебное разбирательство с требованием отменить закон, принуждающий их приобретать индивидуальное покрытие либо подвергнуться штрафу. В 2017 г. Конгресс добился отмены штрафа, установив его равным нулю в налоговом законодательстве. Однако судебное противостояние затягивалось, создавалась угроза начала хаоса на страховых рынках, что было особенно опасно в условиях начавшейся в стране панде-

мии. Ожесточённая схватка, целью которой со стороны республиканцев было намерение полностью отменить закон, имела чёткую идеологическую окраску и стала главной повесткой в борьбе за власть [1].

В период предвыборной кампании политическое противостояние сосредоточилось вокруг законопроекта «Бесплатная медицинская помощь для всех» (*Medicare for All*), предложенного сенатором Берни Сандерсом. Его суть состояла в том, чтобы упростить существующую запутанную систему управления системой здравоохранения за счёт введения единственного государственного страховщика. Противостояние началось не только на политической арене. Ведущие эксперты предупредили об опасности масштабного перераспределения финансовых потоков. Учитывая все связанные с этим риски и возможные социальные последствия, законопроект не был принят [2].

Подтверждение в Верховном суде США конституционности закона «О защите пациентов и доступном здравоохранении» 2010 г. позволило предотвратить угрозу резкого падения охвата населения услугами медицинской помощи во время чрезвычайной ситуации. Такой исход борьбы стал значительной победой администрации Дж. Байдена, который сделал расширение доступа к здравоохранению малообеспеченных американцев главной темой своей предвыборной кампании [3]. Представители Демократической партии последовательно продвигают идею о необходимости расширить полномочия федерального правительства в регулировании ценовой политики на фармацевтическом рынке. В этом направлении ожесточённое партийное противостояние возникло вокруг законодательно утвержденного положения о запрете федеральному правительству вести переговоры о скидках на рецептурные лекарства с фармацевтическими компаниями. В настоящее время правительство в качестве механизма регулирования ценовой политики имеет лишь право предоставлять субсидии работодателям в случае чрезмерного повышения цен.

Очередной точкой напряжения стал законопроект, представленный в декабре 2019 г. спикером Палаты представителей Нэнси Пелоси (*U.S. House Passes Drug Pricing Bill, H.R. 3*), который предполагает законодательно ограничить расходы пациентов на лекарства из собственного кармана. В декабре 2019 г. в результате голосования по партийной линии законопроект был принят Палатой представителей США [4]. Однако жёсткое сопротивление принятию закона со стороны производителей лекарств до предела накалило противостояние в Конгрессе. Политическая составляющая вопроса была слишком велика: в случае его принятия демократы получили бы значительные преимущества для решения широкого круга партийных приоритетов в законодательстве об инфраструктуре. В результате законопроект не был принят в Сенате, который тогда контролировали республиканцы.

В настоящее время позиции руководителей Палаты представителей остаются твёрдыми в намерении следовать курсу, намеченному в законопроекте Н. Пелоси. Предложения по снижению цен на отпускаемые по рецепту лекарства остаются главным приоритетом не только для демократов и независимых членов Конгресса, но и для республиканцев. Согласно данным социологических опросов, многие из них придерживаются мнения о необходимости предоставить федеральному правительству и правительствам штатов вести переговоры с фармацевтическими компаниями. Население США в целом поддерживает это предложение, но некоторые начинают сомневаться, узнав позицию фармацевтических компаний. Главным аргументом оппозиции становится утверждение: вмешательство правительства в процесс ценообразования на лекарственные препараты приведёт к сокращению финансирования научных исследований и ограничит доступ пациентов к новейшим препаратам. Сторонники же законопроекта уверены: фармацевтические компании не откажутся от разработки лекарств, так как им гарантирован большой рынок из-за постоянных потребностей пациентов [5].

Президент Дж. Байден в своём обращении к Конгрессу в 2021 г. поддержал переговоры о ценах, но, понимая всю остроту вопроса, стремился отделить его от общего пакета предложений по инфраструктуре на общую сумму около 4 трлн долл. [6]. В целом, большинство участников дискуссий согласны, что правительство несёт ответственность за то, чтобы сделать здравоохранение более доступным для потребителей. Однако вопрос о том, насколько допустимо расширение государственного участия в управлении системой национального здравоохранения, был и остаётся одним из «самых горячих» в партийных схватках.

ПУТЬ ПРЕОДОЛЕНИЯ ПАРТИЙНЫХ ПРОТИВОСТОЯНИЙ. РЕФОРМЫ ДЖ. БАЙДЕНА

Одной из важнейших целей дальнейшего развития здравоохранения США становится доступность медицинской помощи для малоимущих слоев. Несмотря на неизбежность разногласий, всем противоборствующим сторонам приходится постоянно искать наиболее жизнеспособные модели управления. Закон «О защите пациентов и доступном здравоохранении» 2010 г., обострив партийное противостояние, одновременно открыл новые возможности для разработки инновационных способов финансирования медицинских социальных программ. В 2010 г. был создан специальный Инновационный центр (*CMS Innovation Center*), где было разработано более 50 моделей, применение которых на практике было направлено на продвижение к этой цели. В очередном отчёте показано, что в качестве эксперимента внедрялись различные модели, но лишь немногие из них оказались реально работающими [7]. В дальнейшем работа Центра будет направлена на поддержание используемых поставщиками моделей, об-

служивающих население с низким уровнем дохода. Разработана стратегия развития социальных программ в сфере здравоохранения на ближайшее десятилетие, где одним из важных направлений обозначено усиление контроля за расходованием финансовых средств [8].

Проблема управления ресурсами здравоохранения со стороны правительства чрезвычайно обострилась на фоне надвигающегося кризиса финансового обеспечения социальных программ. Бюджетное управление Конгресса предупреждало правительство об опасности: из-за последствий пандемии Целевой фонд больничного страхования (*Hospital Insurance Trust Fund*) может стать неплатёжеспособным уже к 2024 г. Под угрозой остаться без медицинской помощи оказались десятки миллионов американцев: в 2021 г. период регистрации на льготное медицинское обслуживание был расширен и дополнительно к уже имеющим право получать помощь в лечении в рамках действующих социальных программ добавилось ещё 2,8 млн человек. Проблему финансового дефицита необходимо было срочно решать на законодательном уровне. Сенат выдвинул двухпартийный законопроект об улучшении национальной инфраструктуры. Последовавшее за этим принятие бюджета в 3,5 трлн долл., предназначенных для развития социальной сферы, открывает финансовые возможности и для необходимых изменений в национальном законодательстве в области здравоохранения [9].

Предлагая политикам способы, которые могли бы покрыть дефицит средств на выплаты по социальным программам, аналитики ведут межпартийные дискуссии. Большая часть дебатов сосредоточена на сложном методе, используемом для оплаты услуг в сфере здравоохранения. Было выявлено, что значительную нагрузку на бюджет наносят нецелевые траты, вызванные завышением рисков. Управляемая крупными страховыми компаниями программа «Медикэр эдвантедж» (*Medicare Advantage*) выставляет счета по кодирующей формуле, называемой «оценка риска». Чем более серьёзные заболевания диагностируются у пациентов, тем больше денег выделяет правительство на их лечение. В планы медицинского страхования по этой программе включено около 27 млн человек, имеющих право на медицинскую помощь со стороны государства. В связи с ростом затрат, которые иногда составляют несколько тысяч долларов на каждого пациента, эксперты предложили проверить оправданность таких выплат [10]. В результате проверок было установлено: 20 организаций несли ответственность за 54% платежей, рассчитанных по кодирующей формуле с поправкой на риски, что привело к возможным нецелевым платежам в размере 5 млрд долл. Правительство увеличило время, в течение которого необходимо завершить все необходимые проверки и с учётом выявленных обстоятельств определить возможности продления действия всех медицинских социальных программ после оконча-

ния федеральной чрезвычайной ситуации, связанной с пандемией коронавируса COVID-19 [11].

В результате усилий представителей обеих партий, подкрепляемых значительным лоббированием со стороны поставщиков медицинских услуг, в декабре 2021 г. Конгресс принял решение о приостановлении сокращения тарифов выплат по социальным программам. На основе договорённости удалось добиться снижения темпов сокращения объёмов финансирования медицинской помощи населению со стороны государства. Планируемое сокращение на 4% с 2022 г. было перенесено на 2023 г. [12]. Медицинское сообщество страны в целом положительно оценило законодательную деятельность правительства во время чрезвычайной ситуации. Благодаря принятию закона «Об американском плане спасения» 2021 г. (*American Rescue Plan Act of 2021, ARP*) и другим гибким инструментам регулирования медики смогли лечить пациентов, которые в противном случае остались бы без медицинской помощи. Опрос в медицинских центрах страны показал, что 90% медиков выступают за продление принятых мер и после истечения срока действия чрезвычайной ситуации, вызванной пандемией COVID-19. В случае сворачивания принятых во время пандемии мер поддержки особенно серьёзные последствия грозят пациентам с хроническими заболеваниями, которые не смогут оплатить необходимое дорогостоящее лечение [13].

Возможность решения нарастающих проблем во многом зависит от способности перехода системы здравоохранения к более эффективным моделям оказания медицинской помощи. Регулярно проводимые исследования позволяют судить о темпах продвижения новейших технологий в клиническую практику врачей. В период пандемии особенно востребованными стали виртуальные услуги. В 2021 г. 26% медицинских организаций сообщили, что более четверти их пациентов пользовались телемедициной, тогда как в 2019 г. – только 7%. Полагаясь на технологии удалённого мониторинга состояния пациентов с помощью различных «носимых устройств» (*“wearables”*), врачи могли оказывать экстренную помощь тем, кто из-за карантина не мог лично прибыть на приём [14].

Услуги телемедицины и удалённый мониторинг состояния здоровья пациентов были мало доступны для граждан с низким уровнем доходов. В целях расширения охвата населения этими видами медицинской помощи правительство на период пандемии в 2020 и 2021 гг. значительно увеличило перечень телемедицинских услуг, предоставляемых бенефициарам социальных программ. Двухпартийное единство относительно необходимости сохранения режима оплаты телемедицинских услуг пользователям социальных программ и после окончания чрезвычайной ситуации становится некоторым гарантом их доступности в будущем [15].

Несмотря на законодательные и административные меры, направленные на защиту населения от бремени расходов, связанных с тестированием и лечением инфицированных *COVID-19*, многие граждане столкнулись с огромными рисками для здоровья из-за своих финансовых проблем. Согласно данным специальных опросов, в 2021 г. около 35% пациентов с непогашенными медицинскими счетами заявили, что были вынуждены отложить обращение за медицинской помощью, опасаясь банкротства. Негативные последствия нарастания тенденции роста неплатёжеспособности значительной части населения во многом способствуют сокращению доступности и качества медицинской помощи в стране [16]. Независимо от применяемой модели управления национальной системой здравоохранения дефицит финансового обеспечения качественной медицинской помощи населению, в той или иной степени, захватил почти все страны. Идея необходимости активизации участия всех без исключения игроков на рынке медицинских услуг, включая общественные структуры, бизнес и органы государственной власти, широко обсуждалась в последнее десятилетие в международном сообществе. В документах Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) это направление обозначено как общегосударственный (*whole-of-government*) подход и принцип участия всего общества (*whole-of-society*) [17].

В США, где традиционно упор делался на частную медицину, на повестку дня был поставлен вопрос: как частная медицинская страховка может сочетаться с государственной системой страхования? Как отмечалось выше, особую остроту эта дискуссия приобрела во время предвыборных баталий 2019–2020 гг. в связи с обсуждением законопроекта «Бесплатная медицинская помощь для всех», предложенного сенатором Б. Сандерсом. В его основе лежала идея полной отмены частного медицинского страхования и введения единого государственного страховщика [Социальное государство..., 2020].

ПЕРСПЕКТИВЫ ПАРТНЁРСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА С ЧАСТНЫМИ КОМПАНИЯМИ В МЕДИЦИНСКОЙ СФЕРЕ

В сфере управления системой здравоохранения в США нарастает необходимость более чёткого распределения ролей между государством, поставщиками медицинских услуг и их потребителями. В целях получения информации о медицинских услугах, спонсируемых работодателями, в стране проводится ежегодный опрос. Результаты этих исследований позволяют изучать основные тенденции в сфере медицинского страхования, фиксировать практику совместного несения расходов на оздоровительные программы. Данные, полученные за двадцать лет наблюдения, позволяют экспертам фиксировать значительное пере-

напряжение в индустрии частного страхования: плата за риск постоянно растёт, и люди отказываются от частного страхования, полагаясь на государственную систему [Claxton G., Rae M., Damico Ant., Young Gr., Kurian N. and Whitmore H., 2021]. В 2021 г. были опрошены 1686 руководителей различных организаций. Несмотря на чрезвычайные условия, ключевые показатели оставались стабильными: на долю работников в среднем приходилось 17% затрат на единоличное страховое покрытие и 28% – на семейное, что не превысило предыдущего уровня. Кроме того, некоторые работодатели имели возможность расширить льготы по телемедицине, адаптировать программы оздоровительного и биометрического скрининга для работающих удалённо [18].

Другие обследования также зафиксировали стремление предпринимателей в пределах своих возможностей проявлять социальную ответственность во время чрезвычайной ситуации. Сотрудники компании «Мерсер» (*Mercer*) опросили около 1750 руководителей предприятий, являющихся источником медицинского страхования миллионов работников и их семей по всей стране. Результаты опроса показали: стоимость медицинского страхования в расчёте на одного сотрудника в период пандемии подскочила на 6,3%, что связано с увеличением на 11,1% расходов на лекарства. Обычно при таких обстоятельствах работодатели включают механизмы управления затратами, позволяющие большую их часть перекладывать на самих застрахованных. В 2021 г. этого не произошло, основное бремя предприниматели взяли на себя и лишь немногие из этих расходов фактически легли на плечи сотрудников [19].

Начавшаяся в мире пандемия вместе с небывалыми потерями одновременно ускорила переход всей медицинской отрасли на новые технологические рельсы. Меняется привычный ландшафт оказания медицинской помощи. Появляется новый термин «здравоохранение на дому» (*home healthcare*), отражающий направление развития нового тренда в медицинской отрасли. Формируется некая гибридная модель, построенная по принципу прямого взаимодействия врача и пациента: помощь может быть оказана в любое время и в условиях клиники, и на дому. В основе происходящей трансформации лежат технологии трёх видов: медицинские, биоинформационные и телекоммуникационные [Сауткина В.А., 2021].

Изменения происходят одновременно и на клиническом, и на управленческом уровне, что связано с огромными финансовыми затратами. Появляются участники рынка, способные обеспечить инновационный процесс полного цикла: от идеи до инвестиций и выпуска продукции, готовой к применению. В настоящее время в мире зафиксирован рекордный рост инвестиций в биоинформационные технологии. В этой гонке лидируют США с 31,9 млрд долл. венчурных инвестиций в 2021 г., второе место занимает Китай, потративший на эти цели 4,1 млрд долл. [20]. Интерес инвесторов связан с ожиданиями прибыли, что

вынуждает их идти на риск и вкладывать свои средства в ещё не отработанные технологии. Для предотвращения возможности для частных инвесторов сделать неправильный выбор между прибыльностью и благополучием пациентов необходим контроль со стороны регулирующих органов. Без разработки новых нормативных и компенсационных механизмов погоня в захвате новых рынков чревата негативными последствиями не только для капиталов инвесторов, но и для здоровья пациентов.

Одним из наиболее важных направлений на пути формирования партнёрских взаимоотношений между федеральной властью и бизнесом в медицинской сфере становится согласование зоны ответственности всех участников развивающегося рынка биоинформационных технологий за обеспечение безопасности пациентов. В условиях усиления темпов цифровизации объектов здравоохранения в стране нарастают угрозы кибербезопасности сразу по двум направлениям. Во-первых, участились случаи кибератак на медицинские учреждения с целью вымогательства. При невыполнении требований под угрозой оказывается не только финансовое благополучие инвесторов, но и личная безопасность пациентов в связи с раскрытием информации их электронных карт. Бостонская компания по защите медицинских данных «Ценсинет» (*Censinet*) провела исследование готовности медицинских учреждений отражать атаки вымогателей в период пандемия *COVID-19*. Оказалось, что 61% провайдеров не уверены в своей способности бороться с вымогателями. Из числа опрошенных организаций 61% стали жертвами кибератак, а 33% из них пострадали более одного раза [21].

Второе направление, по которому повышаются риски для здоровья пациентов, связано со случаями критической уязвимости программного обеспечения различного рода медицинских устройств. Благодаря использованию телемедицинских технологий врачи имеют возможность получать необходимые данные и оказывать медицинскую помощь в режиме реального времени. Однако в результате сбоев программного обеспечения, которые по тем или иным причинам периодически случаются, жизнь пациентов может оказаться в опасности. В связи с необходимостью совершенствования регулирования отрасли и повышения ответственности за кибератаки на медицинские учреждения проводятся постоянные исследования, спонсируемые государством и частными компаниями. Благодаря постоянному совместному контролю Агентство по кибербезопасности и инфраструктурной безопасности США (*The U.S. Cybersecurity and Infrastructure Security Agency*) имело возможность вовремя предупредить о сбоях в программном обеспечении компании «Сименс» (*Siemens*), что с большой долей вероятности могло вывести из строя миллионы медицинских устройств от нескольких производителей [22].

Многолетняя неопределённость в отношении нормативного статуса программного обеспечения, используемого в медицинской сфере, затрудняет соблюдение всех мер предосторожности при их выходе на рынок. Дискуссионные проекты классификации рисков для программного обеспечения в качестве медицинского устройства рассматривались в Управлении по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (*The United States Food and Drug Administration, FDA*) на протяжении нескольких лет. Завершение разработки долгожданного руководства, определяющего, при каких условиях программное обеспечение соответствует определению медицинского устройства, планируется на 2022 год [23].

В условиях пандемии и государственные, и частные структуры продемонстрировали свою гибкость и солидарность в деле расширения доступности высокотехнологичной помощи для разных слоёв населения. Однако в результате нарастания угроз в киберпространстве теряется доверие к цифровым новшествам со стороны их потребителей. Многие пациенты отказываются от телемедицины в связи с возможной утечкой персональных данных. Понимание того, что такая негативная тенденция может стать реальным барьером для инновационного развития всей отрасли, имеется на разных уровнях управления. Поэтому решение проблем, связанных с обеспечением безопасного использования всё нарастающего объёма предлагаемых инновационных медицинских устройств, становится определяющим направлением частно-государственного партнёрства в медицинской сфере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По разным оценкам, к настоящему времени на медицинскую систему приходится почти пятая часть экономики США. Возможности преодолеть финансовый кризис системы здравоохранения сужаются, поскольку потраченные правительством миллиарды долларов на борьбу с коронавирусом пока не привели к полной победе над ним. Относительная устойчивость системы была достигнута благодаря федеральной поддержке, оказанной поставщикам медицинских услуг и значительным выплатам по различным социальным программам. Увеличение объёмов государственного участия в оказании медицинской помощи незащищённым слоям населения потребовалось проводить в условиях общего падения экономики в стране. Несмотря на сокращение своих возможностей, представители бизнеса проявили солидарность, стараясь удержать страховые выплаты работников на докризисном уровне. Период «больших вызовов» для здравоохранения оказался благоприятным для совершения «рывка» в продвижении биоинформационных технологий в медицинской сфере. Дальнейшее их освоение может стать не только способом преодоления кризиса, но и выходом нацио-

нальной системы здравоохранения на новый уровень управления и оказания медицинской помощи населению. Обеспечение безопасности применения инноваций в медицинской сфере полностью зависит от согласованных действий всех участников этого процесса.

ИСТОЧНИКИ

1. Liss S. November 13, 2020. No leg to stand on? Supreme Court justices harp on key legal concept in ACA case. Available at: <https://www.healthcaredive.com/news/no-leg-to-stand-on-supreme-court-justices-harp-on-key-legal-concept-in-aca/588819/> (accessed 21.09.2021).

2. Abelson R., Sanger-Katz M. March 23, 2019. Medicare for All Would Abolish Private Insurance. 'There's No Precedent in American History. *The New York Times*. Available at: https://www.nytimes.com/2019/03/23/health/private-healthinsurance-medicare-for-all-bernie-sanders.html?utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_campaign=Issue:%202019-03-25%20Healthcare%20Dive%20%5Bissue:20053%5D&utm_term=Healthcare%20Dive (accessed 09.03.2021).

3. Макарычев М. 17.06.2021. Верховный суд США поддержал закон о доступном здравоохранении. *Российская газета*. Available at: <https://rg.ru/2021/06/17/verhovnyj-sud-ssha-podderzhal-zakon-o-dostupnom-zdravoohranении.html> (accessed 20.06.2021).

4. U.S. House Passes Drug Pricing Bill. Available at: <https://www.webmd.com/drug-medication/news/20191213/us-house-passes-drug-pricing-bill> (accessed 21.12.2021).

5. Kirzinger Ash., Kearney A., Stokes M. and Brodie M. June 03, 2021. KFF Health Tracking Poll - May 2021: Prescription Drug Prices Top Public's Health Care Priorities. Available at: <https://www.kff.org/health-costs/poll-finding/kff-health-tracking-poll-may-2021/> (accessed 21.07.2021).

6. Gardner J. September 13, 2021. Biden pushes forward on Medicare price negotiation. Available at: https://www.healthcaredive.com/news/biden-medicare-drug-price-negotiation-congress/606402/?utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_campaign=Newsletter%20Weekly%20Roundup:%20Healthcare%20Dive:%20Daily%20Dive%2009-18-2021&utm_term=Healthcare%20Dive%20Weekender (accessed 21.10.2021).

7. CMS Innovation Center. 2020 Report to Congress. Available at: <https://innovation.cms.gov/data-and-reports/2021/rtc-2020> (accessed 21.11.2021).

8. CMS Innovation Center Strategy Refresh. Available at: <https://innovation.cms.gov/strategic-direction-whitepaper> (accessed 21.11.2021).

9. Rom T. August 11, 2021. Senate Democrats adopt sweeping \$3.5 trillion budget that opens the door to health, education and tax reforms. *Washington Post*. Available at: <https://www.washingtonpost.com/us-policy/2021/08/11/senate-democrats-budget-reconciliation/> (accessed 14.04.2022).

10. Liss S. May 25, 2021. Anthem wrongly received \$3.4M in MA overpayments, OIG says. Available at: <https://www.healthcaredive.com/news/anthem-wrongly-received-34m-in-ma-overpayments-oig-says/600752/> (accessed 22.06.2021).

11. Liss S. September 22, 2021. OIG flags potential \$5B overpaid to Medicare Advantage plans. Available at: https://www.healthcaredive.com/news/medicare-advantage-organizations-drove-more-than-half-of-risk-/607001/?utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_campaign=Issue:%202021-09-22%20Healthcare%20Dive:%20Payer%20%5Bissue:36893%5D&utm_term=Healthcare%20Dive:%20Payer (accessed 22.11.2021).

12. Pifer R. December 08, 2021. Senate passes legislation to avoid Medicare cuts in year-end sprint. Available at: https://www.healthcaredive.com/news/senate-passes-legislation-to-avoid-medicare-cuts-in-year-end-sprint/611177/?utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_campaign=Issue:%202021-12-10%20Healthcare%20Dive:%20%5Bissue:38530%5D&utm_term=Healthcare%20Dive (accessed 23.12.2021).

13. Pifer R. November 10, 2021. Health centers raise alarm about rolling back medicaid coverage post-public health emergency. Available at: https://www.healthcaredive.com/news/health-centers-raise-alarm-rolling-back-medicare-coverage-covid-19-phe/609815/?utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_campaign=Issue:%202021-11-10%20Healthcare%20Dive:%20%5Bissue:38530%5D&utm_term=Healthcare%20Dive (accessed 22.12.2021).

14. Healthcare's Most Wired: National Trends 2021. Available at: https://chimecentral.org/wp-content/uploads/2021/11/Digital-Health-Most-Wired_National-Trends-2021.pdf (accessed 11.01.2022).

15. Pifer R. June 24, 2021. Biden admin 'absolutely supportive' of telehealth once crisis ebbs, Becerra says. <https://www.healthcaredive.com/news/biden-admin-absolutely-supportive-of-telehealth-once-crisis-ebbs-becerra/602389/> (accessed 11.01.2022).

16. Kelly S. November 10, 2021. 1 in 3 patients defer healthcare due to existing medical debt, TransUnion finds. Available at: https://www.healthcaredive.com/news/patients-defer-healthcare-existing-medical-debt-transunion/609759/?utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_campaign=Newsletter%20Weekly%20Roundup:%20Healthcare%20Dive:%20Daily%20Dive%211-13-2021&utm_term=Healthcare%20Dive%20Weekender (accessed 11.01.2022).

17. Health 2020. A European policy framework and strategy for the 21st century (2013). World Health Organization. Available at: <http://www.euro.who.int/ru/publications/abstracts/health-2020-a-european-policy-framework-and-strategy-for-the-21st-century> (accessed 11.01.2022).

18. 2021 Employer Health Benefits Survey. November 10, 2021. Available at: <https://www.kff.org/health-costs/report/2021-employer-health-benefits-survey/?source=email> (accessed 12.01.2022).

19. Pifer R. December 13, 2021. Employers report highest annual increase in per-employee health costs in over a decade. Available at: https://www.healthcarediver.com/news/employers-annual-increase-per-employee-health-costs-mercere/611401/?utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_campaign=Issue:%202021-12-13%20Healthcare%20Dive%20%5Bissue:38560%5D&utm_term=Healthcare%20Dive (accessed 12.01.2022).

20. Haydon P. November 23, 2021. Payers double down on population health programs amid covid-19 record investment in global healthtech sees 280% increase on 2016 levels. Available at:

<https://www.mobihealthnews.com/news/emea/record-investment-global-healthtech-sees-280-increase-2016-levels> (accessed 12.01.2022).

21. Pifer R. September 23, 2021. Quarter of providers saw mortality rates rise after ransomware attacks, survey finds. Available at: https://www.healthcarediver.com/news/quarter-providers-mortality-rates-rise-after-ransomware-attack/607095/?utm_source=sailthru&utm_medium=email&utm_campaign=issue:%202021-09-23%20healthcare%20dive:%20it%20%5bissue:36919%5d&utm_term=healthcare%20dive:%20it (accessed 12.01.2022).

22. Taylor N.P. November 11, 2021. Siemens software vulnerabilities potentially put millions of medical devices at risk. Available at: https://www.healthcarediver.com/news/siemens-software-vulnerabilities-puts-devices-at-risk-cybersecurity/609912/?utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_campaign=Issue:%202021-11-11%20Healthcare%20Dive:%20IT%20%5Bissue:37955%5D&utm_term=Healthcare%20Dive:%20IT (accessed 12.01.2022).

23. Taylor N.P. October 28, 2021. FDA 2022's A-list guidance plan hits on software, post-pandemic future. Available at: https://www.healthcarediver.com/news/fda-2022-a-list-guidance-Samd-Simd-software-post-pandemic-AI-ML/608993/?Utm_source=Sailthru&utm_medium=email&utm_campaign=Issue:%202021-10-28%20Healthcare%20Dive:%20IT%20%5Bissue:37672%5D&utm_term=Healthcare%20Dive:%20IT (accessed 12.01.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Лебедева Л.Ф. и др. 2017. США: экономика и бюджетная политика. Отв. ред. Л.Ф. Лебедева. М.: Издательство «Весь Мир». 112 с.

Сауткина В.А. 2021. Биоинформационные технологии в медицинской сфере: достижения и вызовы. *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 65, №11. С. 60–68. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-11-60-68

Социальное государство в зеркале общественных трансформаций. 2020. Отв. ред. Е.С. Садовая, И.П. Цапенко, И.В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН. С. 52–63. DOI:10.20542/978-5-9535-0584-0

REFERENCES

Butler, S. 2012. Don't Blame Heritage for ObamaCare Mandate. 06. 02.2012. The Heritage Foundation. Available at: <https://www.heritage.org/health-care-reform/commentary/dont-blame-heritage-obamacare-mandate> (accessed 02.09.2021).

Claxton, G., Rae, M., Damico, A., Young, G., Kurani, N. and Whitmore, H. November 2021. Health Benefits in 2021: Employer Programs Evolving in Response to the COVID-19 Pandemic. *Health Affairs*. Vol. 40, No. 12: hospitals, workforce, equity & more. Available at: <https://doi.org/10.1377/hlthaff.2021.01503> (accessed 02.12.2021).

Hsu, J., Chin Ch. Yi, Weiss, M., Cohen, M., Sastry, J., Katz-Christy, N., Bertko, J., Newhouse, J. Enrollment and Spending Risk Changes During The COVID-19 Pandemic. Hsu J., Chin Ch. Yi, Weiss M., Cohen M., Sastry J., Katz-Christy N., Bertko J. and Newhouse J. November 2021. Growth In ACA-Compliant Marketplace Enrollment and Spending Risk Changes During The COVID-19 Pandemic. *Health Affairs*. Vol. 40, no. 11. Available at: <https://www.healthaffairs.org/doi/full/10.1377/hlthaff.2021.00501> (accessed 02.12.2021).

Lebedeva, L.F. et al. 2017. SShA: ekonomika i biudzhetnaia politika [USA: Economics and Budgetary Policy] (In Russ.). Moscow, Ves Mir, 112 p.

Mcdough, J. 2021. The Tortured Saga of America's Least-Loved Policy Idea. 22.05.2021. *Politico Magazine*. Available at: <https://www.politico.com/news/magazine/2021/05/22/health-care-individual-mandate-policy-conservative-idea-history-489956> (accessed 02.12.2021).

Sotsial'noe gosudarstvo v zerkale obshchestvennykh transformatsii [Social State in the Mirror of Social Transformation] (In Russ.). 2020. Ed. by E.S. Sadovaya, I.P. Tsapenko, I.V. Grishin. M.: IMEMO RAN. P. 52–63. DOI:10.20542/978-5-9535-0584-0

Sautkina, V.A. 2021. Bioinformatsionnye tekhnologii v meditsinskoj sfere: dostizheniia i vyzovy [Bioinformatic Technologies in the Medical Field: Achievements and Challenges] (In Russ.). *World Economy and International Relations*. Vol. 65, No. 11. P. 60-68. DOI:10.20542/0131-2227-2021-65-11-60-68

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

САУТКИНА Вера Алексеевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального научно-исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук. Российская Федерация, 117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23.

Vera A. SAUTKINA, Candidate of Sciences (History), Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. 23, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 28.01.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 17.02.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 24.03.2022.

УДК 355.40

DOI: 10.31857/S2686673022060062

EDN: GRWAPW

В эпицентре разведывательных сетей США

В.Ш. Сургуладзе

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Российская Федерация, 125993, Москва, Ленинградский проспект, 49

ORCID: 0000-0002-7948-0128

e-mail: bafing@mail.ru

Резюме. Представлен аналитический обзор мемуаров бывшего агента американских спецслужб Эдварда Сноудена [Сноуден Э. 2020], разоблачения которого поставили вопрос о тотальной слежке США за гражданами и размывании основ западной либеральной демократии. Делается вывод о тревожных тенденциях цифровизации, приводящих к выходу современных технологий из-под контроля гражданского общества. На примере профессиональной деятельности и карьерного пути Э. Сноудена в ЦРУ и АНБ делается вывод о «приватизационных» тенденциях в деятельности разведки США, выражающихся в широком привлечении многочисленных компаний субподрядчиков и сотрудников, работающих по контрактам с коммерческими негосударственными структурами. Констатируется отсутствие контроля со стороны гражданского общества и СМИ за деятельностью государства в информационной сфере, обусловленное не только агрессивным манипулированием общественным сознанием со стороны государства и зависимых от него телекоммуникационных корпораций, но и отсутствием у массового потребителя информационных технологий навыков критического мышления и профессионального анализа информационных потоков.

Ключевые слова: Эдвард Сноуден, АНБ, ЦРУ, спецслужбы США, информационные технологии, цифровые технологии

Для цитирования: Сургуладзе В.Ш. В эпицентре разведывательных сетей США. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2022; 52 (6) 88-107.

DOI: 10.31857/S2686673022060062 EDN: GRWAPW

At the Epicenter of U.S. Intelligence Networks

Vakhtang. Sh. Surguladze

Financial University under the Government of the Russian Federation

49, Leningradskiy prospect, Moscow 125993, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-7948-0128

e-mail: bafing@mail.ru

Abstract: The article presents an analytical review of the memoirs of former U.S. intelligence agent Edward Snowden [Edward Snowden, 2020], whose revelations raised the question of total U.S. surveillance of citizens and the erosion of the foundations of Western liberal democracy. The conclusion is made about the alarming trends of digitalization, leading to the withdrawal of modern technologies from the control of civil society. Using the example of Edward Snowden's professional activity and career path in the CIA and the NSA, the conclusion is made about the "privatization" trends in the activities of U.S. intelligence, expressed in

the broad involvement of numerous subcontractor companies and employees working under contracts with commercial non-state structures. The lack of control on the part of civil society and the mass media over the activities of the state in the information sphere is stated, due not only to the aggressive manipulation of public consciousness by the state and telecommunication corporations dependent on it, but also the lack of critical thinking skills and professional analysis of information flows among the mass consumer of information technologies.

Keywords: Edward Snowden, NSA, CIA, U.S. special services, information technologies, digital technologies

For citation: Surguladze V.Sh. At the Epicenter of U.S. Intelligence Networks. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52 (6) 88-107.

DOI: 10.31857/S2686673022060062 EDN: GRWAPW

«То, что автор научно-фантастической прозы способен описать в одной фразе, может потребовать скоординированного труда многих тысяч инженерно-технических работников и оборудования на миллионы долларов»

Э. Сноуден [Э. Сноуден. 2020: 221]

ВВЕДЕНИЕ



Разоблачения Эдварда Сноудена наряду со свидетельствами Брэдли Мэннинга [Mistry K., Gurman H. 2020] и деятельностью Джулиана Ассанжа [Assange J. 2011]; [Leigh D., Harding L., 2011]; [Domscheit-Berg D. 2011]; [Ali T., Kunstler M, 2019] представляют собой определённую веху в современной политической истории, поскольку наглядно демонстрируют последствия тотальной цифровизации общества, одним из которых является утрата такого понятия, как «тайна личной жизни». В то же время эти разоблачения показали лицемерность американской пропаганды, внушавшей миру мысль о том, что США – глобальный оплот борьбы за свободу личности и права человека. Нельзя отрицать и тот факт, что откровения Э. Сноудена планомерно замалчиваются политическим истеблишментом и журналистским сообществом стран коллективного Запада, как будто не заметившего сенсационных откровений агента АНБ.

ЧЕЛОВЕК, О КОТОРОМ В США ПРЕДПОЧИТАЮТ ЗАБЫТЬ

Замалчивание дела Сноудена на Западе даёт основания констатировать сохранение параллельных реальностей – фактов жизни и устоявшейся и неизменной повестки информационной политики западных стран, ориентированной на подавление альтернативных точек зрения и цивилизационных ценностей при

агрессивной пропаганде якобы существующего приоритета Западного мира в области морального авторитета и соблюдения прав человека.

Э. Сноуден и Дж. Ассанж – знаковые фигуры, деятельность которых знаменовала крах безосновательного чувства превосходства и мнимой непогрешимости США и их союзников. Искренние, мессиански настроенные представители Запада разочаровались сами в себе, поскольку возвышенная риторика и пафос прав человека оказались на практике средством доминирования в мире и навязывания собственных интересов в ущерб другим народам и государствам, ширмой для невиданного по размаху вторжения в частную жизнь граждан. Поэтому о Сноудене стараются не вспоминать, замолчать его историю и обнародованные документы.

Один из основных выводов, который можно сделать из мемуаров Э. Сноудена, заключается в поражающей воображение неразберихе и коррупции в разведывательном сообществе США. Причём речь идёт не о банальной коррупции низового уровня, когда агенты берут взятки, а о системной высокоорганизованной и даже легализованной коррупционной системе, отличительной особенностью которой является работа с многочисленными коммерческими подрядчиками и субподрядчиками на проектной основе, предоставляющими разнообразные услуги правительству и спецслужбам США.

Книга Э. Сноудена изобилует примерами практических результатов реализации такого подхода. Для поступления на работу в американские спецслужбы существуют весьма жёсткие правила отбора. Однако значительную часть этих правил можно обойти, поскольку субподрядчики и кадровые агентства, услугами которых пользуется американское государство, принимают сотрудников, обходя эти правила. В результате, по свидетельствам Э. Сноудена, на одном и том же секретном объекте можно встретить людей, прошедших предусмотренные необходимые процедуры по всем правилам, и тех, кого и на километр нельзя подпускать к таким объектам. Причём самого себя Э. Сноуден также отнёс ко второй категории.

Мемуары отличаются атмосферностью, воспринимаются как захватывающий шпионский роман и кажутся искренними. Бывший агент максимально подробно описал свои ощущения от приобщения к государственным тайнам и разведсообществу США, включая впечатления от многочасовых дежурств на засекреченных объектах ЦРУ и АНБ (с.170) и зарисовки характеров отдельных коллег. Книга – своеобразный экскурс в сюрреалистический мир американской разведки (с. 173–174).

Моральная позиция автора может как вызывать уважение, так и приводить в недоумение, поскольку сама специфика работы в разведывательных структурах предполагает высокий потенциал возможного соприкосновения с реалиями жизни, не вписывающимися в традиционные представления об этике и нравственности [Даллес А. 1992]. В данной связи интересны замечания автора о проблемах «расщепления идентичности» и «самошифровки» сотрудников специальных служб, вынужденных соблюдать постоянный режим секретности (с. 91–92).

Размышляет бывший агент и о психологии «федерального гражданского сектора» США, который также называют «общественным сектором» либо «глубинным государством»¹, или «теневым правительством» – трёхмиллионного класса профессиональных чиновников, который, по мнению автора, представляет собой «последний работоспособный средний класс в американской действительности» (с. 140), профессиональных деформациях личности представителей разведывательного сообщества (с.162–163), проблеме субординации (с. 298), психологических аспектах работы в разных подразделениях разведки (с. 205–206, 209).

Впечатляет приводимая Э. Сноуденом генеалогия его семьи, в которой было много людей, внёсших заметный вклад в становление и укрепление американского государства. В этом отношении Э. Сноуден является выходцем из среды потомственной военной элиты.

ТЕХНОЛОГИИ, ВЫШЕДШИЕ ИЗ-ПОД КОНТРОЛЯ

Впечатляют первые главы книги, посвящённые истории Интернета и развития сетевых технологий. В данном контексте автобиография Э. Сноудена представляет собой историю становления хакера и достаточно архетипична.

Как увлечённый своим делом профессионал автор много места уделяет размышлениям о технологиях, этапах развития Всемирной сети, оценках её воздействия на человека и общество. Заслуживают внимания его размышления об эволюции информационных систем. Когда-то считавшийся синонимом свободы Интернет теперь превратился в территорию слежки и ограничений. Автор хорошо передал атмосферу пионеров Интернета, связывавшиеся с его появлением ожидания и надежды, которые не оправдались и, как показала жизнь, были наивными. По его мнению, властное привилегированное меньшинство исказило мечту об Интернете как территории свободы, коммерциализировав контент, став незримым посредником между людьми, непрерывно обменивающимися своими мнениями и мыслями. Э. Сноуден называет эту практику беспрестанного анализа общения в сети и его монетизацию «капитализмом слежки» (с. 13) [ср.: Zuboff S. 2019]. Фикция свободы в «Фейсбук» и в «Гугл», иллюзия «владения» аккаунтом подобных сервисов делают пользователей уязвимыми и невластными контролировать произведённый контент (с. 13) [ср.: Assange J., Appelbaum J., Müller-Maguhn A., Zimmermann J. 2012]. Своё поколение автор называет последним «неоцифрованным, чьё детство не хранилось в “облаке”» [с. 26)]. Он сетует на то, что доступность технологий и постоянное обновление модельного ряда делают процесс замены пришедшей в негодность техники предпочтительнее её ремонта, и видит в этом факте гарантию технологического невежества

¹ Глубинное государство (*Deep State*) – концепция, согласно которой в США существует координирующая свою деятельность группа государственных служащих, реализующая политику в обход демократически избранного руководства.

масс пользователей и тирании немногих специалистов и производителей (с. 43–44). Специалист в области информационных технологий предлагает анализ трансформации роли Интернета в жизни людей, прослеживая процесс перехода глобальной сети как зоны личной свободы, отдельной от реальной жизни, в состояние сферы тотальной слежки и коммерциализации, слившихся с реальностью в виртуальном пространстве (глава Америка онлайн, с. 56–70).

Э. Сноуден с ностальгией вспоминает пришедшийся на его юность период, когда Интернет был персонализированным пространством, созданным людьми и для людей, с целью просвещения, а не выколачивания денег, когда в сети отсутствовал контроль крупного бизнеса и государства. Этот опыт счастливой анархии, по его мнению, был обусловлен высокой интеллектуальной планкой присутствовавших там людей, поскольку сеть не была доступна в «один клик», требовала большой мотивации и профессионализма. Согласно Э. Сноудену в прошлом Интернет был зоной свободы и бунта, превратившейся сегодня в территорию тотальной слежки, инструмент принуждения к конформности и приобщения индивида к большинству (с. 67).

Размышления автора дают некоторые основания характеризовать его философские взгляды как либерально-анархистские. Интересны мысли Э. Сноудена о философии хакерства и его определения этого явления (с. 71–83): «Хакерство не рождено компьютерами. Оно существует там, где есть правила. Чтобы “хакнуть” систему, требуется знать её правила лучше тех, кто её создал или ею управляет; это эксплуатация уязвимого зазора между тем, как эти люди представляли себе работу системы и как она работает на самом деле – или как её можно заставить работать» (с. 74). Книга позволяет заглянуть во внутренний мир программиста – интеллектуальный, этический, духовный, со специфическим юмором и стилем мышления. Отдельное место в воспоминаниях занимает мотив творчества хакеров. «Большинство хакеров, особенно молодых, ставят перед собой задачу взлома не ради выгоды или власти, а для того, чтобы увидеть пределы своего таланта и доказать, что невозможное возможно» (с. 78). В своих размышлениях автор предстаёт романтиком и идеалистом.

Анализируя своё становление как личности, Э. Сноуден утверждает, что не имел выраженных политических взглядов, но обладал твёрдыми убеждениями, представлявшими противоречивую смесь унаследованных ценностей и приобретённых в сети идеалов (с. 139).

СТАНОВЛЕНИЕ ХАКЕРА И НАЧАЛО КАРЬЕРНОГО ПУТИ

Э. Сноуден описывает свой первый взлом секретной базы данных ядерной лаборатории в Лос-Аламосе, когда, будучи школьником, он не мог связаться с сотрудниками этой структуры, чтобы они ликвидировали обнаруженную им уязвимость (с. 79–83). На формирование мировоззрения автора явно оказал большое воздействие «Манифест хакера», или «Совесть хакера» – текст, написанный 8 ян-

варя 1986 г. хакером Ллойдом Блэнкеншипом, известным под прозвищем «Наставник» (*the Master*) [Blankenship L. 1986]; [ср.: McKenzie W. 2004]. Документ стал программным для хакеров всего мира, провозглашал равенство на основе ценностей хакерской культуры вне зависимости от цвета кожи, национальной или религиозной принадлежности, базирующееся на превосходстве знаний и нестандартного образа мышления, стремлении к безграничной свободе информации, необходимой для исследования и удовлетворения любопытства (с. 89, 313, 346, 342–343). Упоминает автор и «Декларацию независимости киберпространства» киберлибертарианца Джона Перри Барлоу, опубликованную в 1996 г. как протест против подписания президентом США У. Клинтоном акта «О благопристойности коммуникаций» (с. 142). Основная идея Декларации – независимость киберпространства от власти правительств национальных государств [Barlow P.J. 1996].

Описание автором собственного жизненного пути рисует портрет человека, обладающего обострённым чувством справедливости, обширной любознательностью, аналитическими способностями, которые при избытке свободного времени и малой загруженности работой привели к вредным для американского правительства обобщениям, умозаключениям и в конечном счёте разоблачениям. Ряд приводимых Э. Сноуденом эпизодов позволяет говорить о бывшем агенте как об идеалисте-рационализаторе, готовым вступать в конфронтацию с непосредственным начальством и отстаивать собственные взгляды (с. 191–194).

Книгу Э. Сноудена стоит читать и переиздавать уже в силу того обстоятельства, что она напоминает ретивым поборникам «западных ценностей», «прав» и «свобод» человека о том, в каких невиданных масштабах эти права попираются в государстве, претендующем на звание «сияющего града на холме» и образца для всего мира. Автор указывает на тот факт, что его разоблачения продемонстрировали, что так называемые «передовые» государства оказались совсем не готовы обеспечивать защиту неприкосновенности частной жизни. «На протяжении этих лет – пишет он, – по мере того как демократические режимы перерождаются в авторитарный популизм, этот процесс только усугубляется» (с. 16). Э. Сноуден подчёркивает лицемерие представителей спецслужб, заклеивших его китайским и российским двойным агентом, указывая на то, что именно разведсообщество ответственно за манипулирование информацией, фабрикации поводов к войне, использование незаконных политических методов, секретные судебные процессы, похищения людей под видом «экстрадиции», пытки и массовую слежку (с.17).

Автор уделяет внимание истории своей семьи и Форт-Миду – второй по значению авиабазе США и центру АНБ – в том числе и потому, что земля, на которой в настоящее время расположена штаб-квартира АНБ, когда-то принадлежала семье Сноуден (с. 51). Э. Сноуден описывает атмосферу городка Крафтон, в который переехала семья, поскольку отсюда было удобно добираться в главное авиационно-техническое управление штаба Береговой охраны (где служил уоррент-офицером отец) и штаб-квартиру АНБ (место работы матери). Оба родите-

ля имели доступ к совершенно секретной информации (с. 54–55). Дед автора после отставки из Береговой охраны служил в ФБР (с. 106). Автор описывает Крафтон как средоточие хорошо обеспеченных и образованных государственных служащих, представлявших всё мультикультурное мультирасовое многообразие разведывательного сообщества, дипломатического корпуса и других министерств и ведомств США. В Форт-Миде работало 125 тыс. сотрудников, 40 тыс. из которых проживали вместе с семьями недалеко от места службы. На базе располагалось 115 правительственных учреждений и были размещены военнослужащие всех родов войск (с. 54), а до введения усиленных мер безопасности после терактов 11 сентября 2001 г. штаб-квартира АНБ была вполне доступна (с. 103).

Э. Сноуден описывает сложности карьерного пути профессионального программиста, обусловленные монополией крупных корпораций на удостоверение знаний в этой сфере. Так, чтобы иметь право обслуживать и ремонтировать компьютеры, автору пришлось учиться на курсе «Майкрософт» с целью получения сертификата Института компьютерной карьеры Университета Джонса Хопкинса. Этот курс бывший агент характеризует как налог «Майкрософт» на растущий спрос на IT-специалистов (с. 99–100).

Карьерный рост Э. Сноудена шёл быстро. В 22 года он получил свой первый доступ к секретным сведениям АНБ, занимая самую нижнюю ступень в иерархии организации. Через год работал в ЦРУ системным инженером с неограниченным доступом к электронным сетям. Автор утверждает, что в этот период повсеместно нарушались инструкции ЦРУ по найму персонала: «По большому счёту, я не должен был даже приближаться к зданию» (с. 9). Затем была работа под дипломатическим прикрытием в Посольстве США в Женеве. К 26 годам он числился номинальным сотрудником компании «Делл» (*Dell*), фактически снова работая на АНБ (с. 10). Данное свидетельство подтверждает давно отмечавшуюся экспертами тенденцию по сращиванию государства и бизнеса в единый военно-сетевой комплекс США [Харрис Ш. 2017]; [Кин Э. 2016]. В 27 лет вернулся в США для работы в группе технических специалистов, обеспечивавших связь между компанией «Делл» и ЦРУ. Цель профессиональной деятельности заключалась в создании массива данных, удобного для анализа и поиска информации в условиях вечного хранения. В 29 лет занимал должность системного администратора программы «Майкрософт шер поинт» (*Microsoft Share-Point*), по сути являясь менеджером по документообороту в серверном хранилище АНБ, расположенном в тоннеле-бункере – бывшем подземном авиазаводе времён Второй мировой войны под ананасовой плантацией на Гавайском острове Оаху – Региональном центре операций по обеспечению безопасности Куния (*Kunia Regional Security Operations Center*) (глава «Туннель», с. 271–277, 305). Отсюда у Э. Сноудена был доступ к «средствам коммуникации почти каждого мужчины, женщины или ребёнка, кто хоть раз набрал телефонный номер или коснулся компьютерной клавиатуры» (с. 11). На базу АНБ Куния стекалась разведывательная ин-

формация из 48 штатов, Японии и других государств Азии. Э. Сноуден подчёркивает, что своё расследование деятельности АНБ начал именно с чтения, а не копирования документов (с. 273, 279).

Достаточно подробно останавливается автор на описании уровней секретности спецслужб США, видах допусков к секретной информации, процедурах проверки кандидатов в Национальном бюро анкетных данных и расследованию по проверке поданных соискателем сведений (*Single Scope Background Investigation, SSBI*) (с. 126–129 и др.), от проверки на полиграфе до анализа переписки и «постов» в социальных сетях и разнообразных форумах Интернета (с. 135–136).

В данной связи много внимания бывший агент уделяет этическим вопросам, отмечая, что сеть запоминает человека навсегда: любая реплика, зафиксированная в глобальной паутине, будет вечно храниться на серверах и может быть предъявлена гражданину для отчёта о его мыслях и действиях (с. 130–131). Постоянное осознание этого создаёт в сети мир, в котором каждый вынужден притворяться, делать вид, что совершенен, не может оставаться собой.

НОМО CONTRACTUS И ПРИВАТИЗАЦИЯ РАЗВЕДКИ

На примере сравнительного анализа собственной профессиональной жизни и судеб деда и отца Сноуден с нескрываемой досадой фиксирует процесс разложения и коммерциализации государственной службы Соединённых Штатов. Он затрагивает важнейшую проблему занятости в условиях современной сетевой экономики, особенностью которой являются краткосрочность проектного управления, аутсорсинг, аутстафинг и повсеместная прекариатизация труда, которая в той или иной форме затрагивает и государственные институты, разъедавая сложившиеся в прошлом стандарты профессиональной этики, идентичности, дисциплины и самой философии служения обществу и государству [Стэндинг Г. 2020]; [Зимбардо Ф., Коломбе Н. 2017]; [Флорида Р. 2016].

Э. Сноуден констатирует, что в прошлом государство гарантировало служащим и их семьям стабильность и долгосрочный, вплоть до пожизненного, найм. Это была служба в полном смысле этого слова. Однако сегодня наступила иная эпоха – время вторжения алчного частного сектора в сферы, прежде считавшиеся прерогативой государства. Вместо «священного договора» солдата, офицера и профессионального госслужащего повсеместными стали временные контракты с бесчисленными коммерческими субподрядчиками государственных структур. Сложившуюся практику автор считает поразительной формой вульгарного наёмничества, несовместимого с обеспечением национальной безопасности мировой сверхдержавы (с. 147–160).

Он подробно описывает ярмарки вакансий, на которых нанимали сотрудников АНБ, ЦРУ и крупнейшие военно-промышленные, оборонные, консалтинговые и частные военные компании. В частности, контрактная система привела к тому, что правительство США оплачивает услуги частных военных компаний

(ЧВК), персонал которых пытал заключённых в тюрьме Абу-Грейб и был вовлечён в военные преступления и убийства мирных граждан. Найм ЧВК удобен благодаря тому, что позволяет правительству уйти от ответственности, переложив вину на частных подрядчиков. Кроме того, субподряды позволяют американским спецслужбам обходить федеральные квоты по найму сотрудников, в результате чего федеральные агентства платят подрядчикам, формально нанимающим персонал в свой штат.

В 2013 г. Э. Сноуден передал журналистам засекреченный бюджет, в котором 68% средств объёмом в 52,6 млрд долл. было выделено разведслужбам, включая средства для 107 035 служащих, пятая часть которых, примерно 21 800 человек, работали по контрактам с полной занятостью. И это число, отмечает автор, «не включает ещё десятки тысяч нанятых компаниями, подписавших контракты (или субконтракты, субсубконтракты) с агентствами на конкретные виды заданий или проектов. Такие контракты никогда не учитываются правительством даже в “Чёрном бюджете”, поскольку, если добавить их к общему личному составу работающих по контракту, станет очевидным один неприятный факт: работу американской разведки столь же регулярно выполняют частные наёмные работники, как и профессиональные “слуги государства”» (с.149–150). Данная система выгодна тем, что позволяет правительству избегать выплаты пенсий и компенсаций. Руководители разведывательных структур и законодатели, уходя с государственной службы, пересаживаются на высокооплачиваемые должности в компании, коммерческому процветанию которых содействовали, обеспечивая государственные заказы. Под прикрытием рыночной борьбы за победу на тендерах разрастается порождённая смычкой бизнеса и государственных структур коррупция, приводящая к приватизации разведки и неконтролируемому потоку общественных денег в частные кошельки. В этих условиях распространённой схемой набора персонала становится практика поступления людей на должности в госструктуры, в которых можно получить доступ к секретным данным (голубой «бейдж» государственного служащего) с последующим переходом на работу по контракту у частного подрядчика (зелёный «бейдж»). При этом на госструктуру ложится оплата занимающей около года дорогостоящей процедуры первичной проверки благонадёжности кандидата (с. 151).

Первым местом работы Э. Сноудена в АНБ стал Центр углублённого изучения языков (*Centre for advanced study of language*). Его здание было ещё не достроено, и фактически автор выполнял функции охранника ночной смены. По началу он рассчитывал, что Центр станет для него мостом к карьере штатного федерального служащего, но оказалось, что перейти работать на государственную службу не только чрезвычайно трудно, но и невыгодно в финансовом отношении: «Более выгодной <...> была работа по контракту на частную компанию, которая служила <...> стране ради собственной выгоды; а лучший шанс <...> был, как оказалось, работать на основе субконтракта на частную компанию,

подписавшую контракт с другой частной компанией, которая тоже служила стране ради собственной выгоды. То, как эти схемы воплощались в жизнь, было уму непостижимо» (с. 153). «Особенно ненормальным казалось то, что большинство должностей системных инженеров и системных администраторов также были частными; поскольку эти должности предполагали почти неограниченный доступ ко всему “цифровому” существованию работодателя, невозможно представить, чтобы крупный банк или даже социальная сеть наняла бы посторонних для работы системного уровня. Но в правительстве США, как ни странно, сплошь и рядом наблюдается такая реструктуризация разведывательных агентств, когда <...> самые уязвимые системы находятся под контролем того, кто у вас даже никем не числится, причём всё это выдаётся за инновацию» (с. 154).

Данное указание Э. Сноудена очень важно, поскольку такой же порочный подход к организации работы государственных структур регулярно пропагандируется и в России, что обосновывается разнообразными «прогрессивными» концепциями «проектного» подхода к организации работы.

По словам Э. Сноудена, после его разоблачений 2013 г. правительство США пыталось опровергнуть эту информацию, в частности, представив автора в качестве «бывшего сотрудника “Делл”» или «единственного сотрудника по контракту», не проходившего предусмотренные для получения голубого «бейджа» процедуры проверки (с. 156). Автор объясняет это противоречие тесной смычкой цифрового бизнеса и ВПК США с государственными структурами и спецслужбами: «В контрактной системе национальной безопасности, особенно в контрактах технического сектора, вы часто обнаруживаете, что физически работаете на объекте агентства. Но на бумаге вы работаете на “Делл” или “Мартин Локхид” – на одну из бесчисленных маленьких фирм, которые нередко бывают ими куплены. В случае такого приобретения подписавшие контракт с меньшей фирмой работники “покупаются” заодно, и отсюда другой наниматель и другое название должности на вашей визитке. Ваша работа изо дня в день тем не менее остаётся той же самой, вы выполняете те же задачи. Для вас ничего на самом деле не поменялось. В это же время десятки сотрудников, сидящих справа и слева от вас, с которыми вы изо дня в день работаете над теми же проектами, технически могут быть наняты десятком других компаний, а те компании всё ещё могут быть на несколько градусов отдалены от юридических лиц, которые имели первоначальный контракт с агентством» (с. 157). Автор пишет, что первым большим проектом по контракту в его жизни была именно субподрядная работа, выполнявшаяся по схеме ЦРУ – «БАЕ системс» (*BAE Systems*) – КОМСО (*COMSO*). «БАЕ системс» – американское подразделение «Бритиш аэроспейс» (*British Aerospace*), созданное для работы по контракту с разведслужбами США. КОМСО – компания по подбору персонала. Именно эта организация была формальным нанимателем, на которого Э. Сноуден фактически не работал ни дня, физически находясь в штаб-квартире ЦРУ (с. 157–158).

Представленная практика организации найма и работы закономерно коррупционна и дорого обходится государству. Зарплаты контрактников завышаются в интересах многочисленных посредников, получающих комиссионные от американских разведывательных служб. По свидетельствам автора, почти у всех сотрудников, работавших в окружении Э. Сноудена в здании новой штаб-квартиры ЦРУ в Мак-Лине были зелёные «бейджи» контрактников (с. 161–179).

Автор пишет, что проработал в ЦРУ по контракту девять месяцев, переведясь на государственную службу с потерей в деньгах, но зато с возможностью работать за рубежом. Только при этом переходе оказалось необходимым принести присягу – клятву верности Конституции США, чего не требуют от контрактников.

ЦРУ И АНБ

Описывая организационную структуру ЦРУ, Э. Сноуден отмечает, что группа контрактников, в которую он входил, была подчинена Управлению поддержки (*Directorate of support*) (с.165–166). В её задачи входило обслуживание серверов ЦРУ. «Разделы информации», к которым он имел доступ, представляли собой материалы радиоэлектронной разведки, радиоперехватов и данные агентурной разведки, обрабатываемые агентами и аналитиками, раздел безопасности связи, управление криптографическими ключами и кодами. По словам бывшего агента, в общих чертах эта работа походила на церушную версию деятельности кол-центра, предполагавшую восстановление паролей, разблокировку аккаунтов и определение неисправностей по стандартному опроснику. Свои возможности по получению секретной информации он оценивает следующим образом: «Степень моего доступа означала неисправность в самой системе получения этого доступа. Государство попросту отказалось от целенаправленного менеджмента и продвижения своих талантов изнутри, потому что новая культура контрактов означала государственное невмешательство» (с. 167, 168).

Автор описывает учёбу в центре ЦРУ в Уоррингтоне, в котором готовят технических специалистов, обеспечивающих связь и коммуникации в американских дипломатических представительствах за рубежом (*Technical information security officer*) (глава «Граф с Холма», с. 180–194). Эти сотрудники работают под дипломатическим прикрытием атташе. В крупных посольствах их число может составлять пять человек, в средних – три, большинство обходятся одним. Получив необходимую квалификацию, Э. Сноуден был отправлен на работу в резидентуру ЦРУ в американском посольстве в Женеве (с. 195–211), которая, по свидетельству автора, «находится в точке пересечения волоконно-оптических сетей Евросоюза и остального мира, а также попадает в тень ключевых спутников связи» (с. 197).

Описывая взаимоотношения между различными службами Разведывательного управления (с. 197–198, 200, 205–210), бывший агент отмечает несогласованность работы американских спецслужб и режимов секретности (с. 216). Большое

внимание он уделяет военно-сетевому комплексу США – смычке военно-промышленных структур и государственных институтов.

Э. Сноуден констатирует, что Интернет – фундаментально американское явление: «Кабели и спутники, серверы и вышки – так много инфраструктуры Интернета находится под контролем США, что свыше 90% всемирного Интернет-трафика проходит через оборудование, разработанное, принадлежащее или управляемое американским правительством и американским бизнесом и расположенное на американской территории <...> Америка остаётся гегемоном, хранителем “рычага”, который может включить или выключить всё на свете в любое время» (с. 212). Автор указывает, что сугубо американской является не только инфраструктура, но и средства компьютерного программирования (*Microsoft, Google, Oracle*), и аппаратное оборудование (*HP, Apple, Dell*), производство чипов (*Intel, Qualcomm*), модемов и роутеров (*Cisco, Juniper*), принадлежность социальных сетей, почтовых сервисов и файловых хостингов (*Google, Facebook*), предоставляющий облачный сервис половине Интернета и правительству США *Amazon* (с. 213). Хотя часть производства этих компаний находится в Китае, сами компании американские и подчиняются американским законам. При этом в своей деятельности эти организации руководствуются секретными инструкциями правительства США по слежке за каждым, кто хоть раз выходил в глобальную сеть посредством смартфона или компьютера.

После Женева Э. Сноуден работал в расположенном близ Токио Тихоокеанском техническом центре (*Pacific Technical Center*) АНБ на авиабазе Йокота (глава «Токио», с. 212–240), где формально числился сотрудником компании «Перот системс» (*Perot Systems*), приобретённой в скором времени корпорацией «Делл», под прикрытием которой работали многочисленные сотрудники ЦРУ и АНБ. Из Японии он ездил по американским посольствам в разных частях мира, устанавливая новое оборудование и поддерживая техническую инфраструктуру. Он отмечает, что целью руководства АНБ было «хранить все файлы на постоянной основе», создать базу данных, «где вечно сможет храниться личное дело всех и каждого» (с. 218), система должна была быть всеохватывающей, автоматизированной, постоянно обновляющей копии всех наиболее важных файлов агентства таким образом, чтобы позволить агентству работать, «даже если бы штаб-квартира в Форт-Миде была стёрта в пыль» (с. 216–217).

Специалисты Отделения операций со специальными источниками (*Special Sources Operation*) АНБ внедряли оборудование слежения на корпоративные объекты Интернет-провайдеров по всему миру. Запросы Интернет-пользователей анализируются автоматически в пассивном режиме, который в случае совпадения определённых параметров переходит в активный режим, переводящий запрос на серверы АНБ, алгоритмы которого принимают решение о применении против пользователя вида вредоносной программы – «эксплойта».

11 СЕНТЯБРЯ 2001 ГОДА И САМОРАЗРУШЕНИЕ АМЕРИКИ

Террористическую атаку 11 сентября Э. Сноуден считает ключевым событием в современной истории американских спецслужб (главы 9/11, 9/12). Рисует он и впечатляющую картину экстренной эвакуации штаб-квартиры АНБ, которую наблюдал лично (с. 102–103, 106). «Я вспоминаю, – пишет автор, – как изо всех сил старался не быть раздавленным толпой шпионов, в панике мчавшихся из Форт-Миды, когда рухнула Северная башня» (с. 106).

Э. Сноуден задаётся вопросами о несопоставимости реакции США на теракт 11 сентября. Погибло примерно 3 тыс. человек, в то время как в ходе ответной американской операции было убито свыше миллиона, последовало двадцатилетие сеяния в мире хаоса, применения тайных законов, закрытых судебных процессов и секретных войн (с. 104–105). Всё это в комплексе автор считает процессом «саморазрушения Америки»: «Сбор и анализ информации превращается в производство дезинформации и пропаганду, которая не менее часто используется как против союзников Америки, так и против её врагов, а порой и против её собственных граждан», происходит «трансформация <...> в полицейское государство, милитаризованная политика которого требует тотального подчинения» (с. 105).

Через призму осмысления собственного опыта бывший агент анализирует реакцию на теракты американского общества, отмечая, что над подавляющим большинством американцев в этот момент довели эмоции, вытеснившие рациональный подход. По прошествии времени, по мнению Э. Сноудена, ответом на теракты должны были стать меры внутренней политики по укреплению демократических ценностей и жизнестойкости, использование уникального момента солидарности для укрепления глобальных связей. До 11 сентября он считал службу в армии потерей времени, после – долгом и возможностью быть полезным стране. Важным обстоятельством стало и то, что без диплома об окончании колледжа было невозможно попасть на службу в АНБ и ЦРУ. Для ветеранов делались послабления (с. 109–110).

Э. Сноуден осторожен в своих оценках, но под впечатлением череды подержанных США сетевых революций предполагает, что процессы демократизации, возможно, могут иницироваться благодаря распространению цифровых технологий: «Демократию невозможно навязать силой оружия, но её, вероятно, можно сеять, распространяя кремний и оптоволокно» (с. 141); [ср.: Клинтон Х.Р. 2016]; [Гоним В. 2012].

IT-специалист достаточно подробно останавливается на вехах пути американского государства к тотальной слежке, среди которых выделяет Президентскую программу наблюдения (*President's surveillance program*), позволившую АНБ собирать разведданные в телефонных разговорах и электронной переписке между США и иностранными государствами без получения ордера Суда по делам о надзоре за иностранными разведками, учреждённого в 1978 г.; анализиру-

ет закон «О защите Америки» (*Protect America Act*) 2007 г. и поправки 2008 г. к закону «О надзоре за иностранными разведками» (*FISA Amendments Act*), Незасекреченный отчёт о Президентской программе наблюдения (*Unclassified report on the President's Surveillance*) (с. 223–228) с засекреченной версией доклада под грифом «Особо контролируемая информация» (*Exceptionally controlled information*).

Анализируя официальные документы, Э. Сноуден выявляет вопиющие процедуры нарушения законности, прав человека и принципов демократического государства. Сравнивая засекреченную и опубликованную версии документов, он приходит к выводу, что общими в них были только заголовки. В секретной редакции говорилось об «объёмном сборе» данных – массовой тотальной слежке за всеми без разбора (с. 228–231). Столь же суровой оценке удостоивает автор и «Патриотический акт» («О сплочении и укреплении Америки путём обеспечения надлежащими средствами, требующимися для пресечения и воспрепятствования терроризму») – федеральный закон США, принятый после террористических актов 11 сентября 2001 года.

Автор анализирует деятельность правительства США с точки зрения норм американской Конституции (с. 289–294 и др.) и констатирует, что вместо презумпции невиновности, которой придерживались авторы Основного закона США и поправок к нему, сегодня тотальная слежка знаменует фактическую приверженность принципу презумпции виновности. Четвёртая поправка гарантирует неприкосновенность личности, жилища, документов и имущества от необоснованных обысков. Однако АНБ объясняет легальность своего вмешательства в личную жизнь граждан тем, что данные пользователей известны провайдером, а значит, частные конституционно-правовые интересы уступлены третьей стороне. «Агентство настаивало, что обыск и изъятие считаются таковыми только тогда, когда аналитики, а не алгоритмы, начинают активно просматривать то, что было собрано автоматически» (с. 291).

«Эти десять лет, – по мнению Э. Сноудена, – были чередой американских трагедий: затяжная война в Афганистане, катастрофическая смена режима в Ираке, бессрочное содержание заключённых в Гуантанамо-Бэй, “чрезвычайные выдачи”, пытки, целенаправленные убийства гражданских лиц – даже американцев – с помощью беспилотников. В самой стране – процесс трансформации в полицейское государство, создание шкалы рейтинга угроз (красный – крайняя опасность; оранжевый – высокая степень опасности; жёлтый – повышенный уровень) и постоянное урезание гражданских свобод – тех самых свобод, которые нас так призывали защищать. В совокупности эти изменения, о которых было даже страшно думать, казались совершенно необратимыми» (с. 261).

Бывший агент описывает принципы работы, начавшей действовать в 2001 г. программы слежки *STLW* – *STELLARWIND* и программы *PRISM* позволяющих АНБ собирать данные «Майкрософт», «Яху!» (Yahoo!), «Гугл», «Фейсбук», «Рел-ток», «Ютуб», «Скайп», АОЛ и «Эплл», почту, фото, видео и аудиоматериалы,

историю поисковых запросов и браузеров, данные облачных хранилищ (с. 284, 360).

Описывает Э. Сноуден и эпизод принудительной посадки самолёта президента Боливии Эво Моралеса, вылетевшего из московского аэропорта Внуково. Правительство США, посчитав, что из-за выраженной Моралесом солидарности, бывший агент может находиться на борту президентского лайнера, надавило на правительства Италии, Франции, Испании и Португалии, чтобы те отказались пропустить самолёт в своё воздушное пространство, вынудив повернуть в Австрию, на территории которой борт президента Боливии был в нарушении норм международного права обыскан (с. 380–381).

ЗАПАДНЫЙ ЦИФРОВОЙ ТОТАЛИТАРИЗМ

Затрагивает Э. Сноуден и проблему незаконной слежки со стороны спецслужб союзных США государств. Например, программу Центра правительственной связи (*Government Communications Headquarters, GCHQ*) Великобритании *OPRTICNERVE*, которая каждые пять минут сохраняет скрин-шот с веб-камер людей, общающихся в видеочатах «Яху мессенджер» (*Yahoo Messenger*) (с. 322), и вместе с программой *XKEYSCORE* даёт возможность поиска данных по жизненным историям и переписке конкретных граждан. Э. Сноуден подробно описывает работу программы *XKEYSCORE* (с. 343, 344, 346–351 и др.), интерфейс которой позволяет набирать адрес места жительства, номер телефона, IP-адрес, а затем отслеживать активность человека в Интернете: «В некоторых случаях можно было даже прокрутить назад историю онлайн-сессии, захваченную на видео, как будто бы их экран был вашим. Вы могли читать их электронные письма, видеть историю просмотров в браузере, посты в социальных сетях – вообще всё. Вы могли включить всплывающие оповещения, как только человек или устройство, которыми вы интересуетесь, в течение дня проявляют активность в Интернете» (с. 347). Встроенные в технику микрофоны и камеры также ведут запись. При этом он отмечает, что «основания для подозрений практически всегда были слабо подкреплены документально (если были подкреплены вообще), а связи обычно притягивались за уши» (с. 350).

Автор фиксирует неуклонное сползание Западного мира в цифровой тоталитаризм с 2012 г. Главные члены разведывательной сети «Пять глаз» – правительства Великобритании и Австралии – запустили процессы ликвидации мер правовой защиты, препятствовавших массовой слежке: «Эти законы <...> представляли собой вопиющее вторжение в повседневную жизнь невиновных граждан – и даже граждан других стран, которые считали, что за ними слежки нет» (с. 335).

Э. Сноуден отмечает парадокс: общественность и государства, граждане которых больше всего выступают против практики тотальной слежки США, являются самыми верными их союзниками и участниками глобальных проектов тотального сбора информации. В числе государств «Пяти глаз» автор выделяет в

качестве основного партнёра АНБ Центр правительственной связи Великобритании. Отмечает он и активное сотрудничество с АНБ Федеральной разведывательной службы Германии (БНД), на которое не повлияли вызвавшие возмущение немецкой общественности разоблачения о прослушивании американскими спецслужбами смартфона канцлера Ангелы Меркель (с. 401).

Вспоминая о своих раздумьях по поводу того, в какую страну бежать, автор пишет: «Все страны “Пяти глаз”, конечно, отпадали. Фактически отпадали все европейские страны: на них нельзя было рассчитывать из-за принятия практики экстрадиции политических преступников под неизбежным давлением США. Африка и Латинская Америка тоже исключались – американская история изобилует примерами безнаказанности в отношениях с этими регионами» (с. 353).

О политическом убежище для Э. Сноудена были поданы прошения в 27 государств, от Исландии до Индии (с. 380). Однако ни одна «передовая демократия» не нашла в себе сил пойти на конфликт с США ради защиты принципов свободы. Сторонников правозащитника заверяли в сочувствии, но отказывали даже в неофициальных гарантиях. Проблемы получения политического убежища борцом за права человека в очередной раз демонстрируют двойные стандарты коллективного Запада, готового мириться с незаконными похищениями и экстрадициями (с. 369–370) и отказывающего в помощи человеку разоблачившему практику незаконной тотальной слежки в США и их ключевых союзниках, громогласно обличающих другие государства в нарушениях прав человека.

Фактически Э. Сноуден констатирует результаты глобального террора США: «Меня не особо радовало, что мы будем пролетать над такой страной, как Польша, потому что на моей памяти она делала всё, чтобы угодить правительству США, включая размещение секретных тюрем ЦРУ, где мои бывшие коллеги по ведомству проводили с заключёнными “усиленные допросы” – очередной эвфемизм эпохи Буша к слову “пытка”» (с. 373).

Э. Сноуден перечисляет законодательные инициативы и изменения в информационной повестке, ставшие результатом его разоблачений. В частности, останавливается на отличии в интерпретации личных данных юристами США и Евросоюза. Так, согласно принятому в 2016 г. Европейским парламентом Общему регламенту по защите данных граждане ЕС считаются «естественными личностями», «субъектами данных», то есть создателями персонально идентифицируемых данных. В то время как в США данные рассматриваются как собственность того, кто их собирает (с. 402–403).

Основную угрозу массового сбора информации Э. Сноуден видит в искушении использовать ретроспективный анализ этих данных для «предсказания» будущего, в том числе оценки и моделирования возможного поведения людей, степени их благонадёжности, порядочности, сознательности и склонности к криминальной деятельности. Использование больших данных в указанных целях может дискриминировать людей по финансовым, юридическим, медицинским и другим признакам, отражённым в цифровой истории их жизни (с. 405).

Автор считает, что «Оцифровать информацию – значит увековечить её в формате, который сохранит написанное навсегда» (с. 25), именно так должны относиться пользователи к своей деятельности в сети.

МОТИВЫ И ПУТИ ИЗМЕНЫ

Для того чтобы понять механизмы слежки за конкретными людьми, Э. Сноуден в очередной раз сменил работу, поступив на службу в Национальный центр управления угрозами (*National Threat Operations Center*) в Форт-Рош, в котором располагалось отделение Управления операциями индивидуального доступа (*Tailored Access Operations*). Здесь агент работал по контракту на «Буз Аллен Гамилтон» и получил возможность использовать весь спектр инструментов массовой слежки АНБ. Причём переход с должности инженера означал небольшую прибавку к жалованью, но понижение в должности (с. 344–345).

Глава «Дующие в свисток» посвящена тому, как ради истины идут против системы, чтобы предотвратить изъёмы в её работе (с. 287–304). Полемизируя с обвинителями, Э. Сноуден рассчитывает на то, что на его стороне закон «О защите осведомителей, сообщающих о злоупотреблениях». Автор приводит ряд юридических аргументов и судебных прецедентов, позволяющих ему надеяться на реабилитацию в США, поскольку судебная система не справляется с тотальным нарушением фундаментальных прав и свобод, не работают и механизмы парламентского контроля (с. 293–294, 297–298).

Э. Сноуден указывает и на то, как «четвёртая власть» – журналисты – оказываются некомпетентными в мире современных технологий, не способными не только верно интерпретировать, но даже замечать важнейшие факты (с. 305–320). Так, только один журналист заинтересовался объявлением о строительстве АНБ хранилища данных (*Mission Data Repository*) в Блафдейле. Гигантский бетонный бункер посреди пустыни Юта, потребляющий энергии как целый город, согласно проекту, содержит четыре зала общей площадью в 25 тыс. кв. футов², заставленных серверами, способными вместить гигантские объёмы информации о населении Земли (с. 311–312). В результате некомпетентности представителей СМИ тотальная слежка за гражданами оказывается неподконтрольной гражданскому обществу. Между тем, отмечается в книге, о деятельности ЦРУ и других спецслужб вполне можно было составить представление по информации из открытых источников. Например, о стремлении Разведывательного управления собирать все данные человечества и хранить их вечно говорил Айра «Гас» Хант, директор ЦРУ по технологиям. Заявления об этом регулярно проскальзывали в выступлениях высокопоставленного представителя управления на открытых для журналистов специализированных мероприятиях, однако так и не привлекли внимания (с. 312–314). Примечательно, что выступление Ханта, за кото-

² Примерно 2300 кв. м.

рое любого сотрудника более низкого ранга незамедлительно привлекли бы к ответственности, было опубликовано только в «Хаффингтон пост» и фактически не было замечено. Запись этого события продолжала храниться на «Ютуб» шесть лет и в момент работы Э. Сноудена над мемуарами насчитывала всего 313 просмотров.

По сути, любознательность, беспокойное творческое системное мышление, романтизм и собственная этическая программа, кругозор, выходящий далеко за рамки решаемых задач, интерес к анализу сложных систем, сетей, объединяющих множество компьютеров (с. 143), довели Э. Сноудена до разоблачения масштабов слежки АНБ после многолетнего самостоятельно инициированного расследования деятельности американских спецслужб. Биография автора – пример пробуждения личности от интеллектуальной и идеологической спячки, поддерживаемой массивированной государственной пропагандой. Бывший агент следующим образом описывает свою мотивацию: «Примерно несколько десятков человек, находившихся в наиболее выгодном положении в мире, сидели вокруг меня в Туннеле. Мои коллеги-технари приходили туда каждый день, садились за свои терминалы и продолжали выполнять свою работу. Они не вникали в происходящие злоупотребления, им было просто нелюбопытно, и это отсутствие любопытства делало их не злодейскими, а трагическими фигурами. Неважно, что привело их в разведку, патриотизм или оппортунизм, но, войдя внутрь машины, они сами сделались машинами» (с. 304).

Ошеломляющая детальная фактологией книга бывшего агента американских спецслужб – пощёчина всему разведсообществу США и американскому политическому истеблишменту, летопись преступлений Соединённых Штатов и их союзников как в непосредственном виде военных преступлений, например убийств дронами (с. 301), так и в разнообразных формах нарушения прав человека в информационной и иных сферах.

Встречаются в книге Э. Сноудена и поразительные по невежеству «констатации» о национальной политике Советского Союза (с. 237), подтверждающие, насколько мало знает о СССР и России человек, который в силу обстоятельств должен бы был лучше разбираться в истории государства, предоставившего ему политическое убежище.

В издание включены дневниковые записи супруги экс-агента Линдси Миллс, затрагивающие период с 22 мая по 2 июля 2013 г. и придающие мемуарам особо остросюжетный характер [«Из дневников Линдси Миллс»: с. 382–394].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Размышления над прочитанными свидетельствами Э. Сноудена подтверждают, что в современном мире настоящим суверенитетом обладают только два государства, способные проводить независимую от США и их сателлитов политику, – Россия (глава «Москва», с. 368–380) и Китай (с. 374 и глава «Гонконг», с.

355–367). Автор закономерно уделяет внимание китайским хакерам (с. 219–222), он читал лекции по противодействию ИТ-специалистам КНР на семинарах Разведывательного управления Министерства обороны США (с. 278) и полагает, что именно анализ деятельности противников в киберпротивоборстве и политики властей Китая в указанной сфере привели к мысли о том, что Соединённые Штаты занимаются тем же самым (с. 222).

Выводы, которые напрашиваются после прочтения воспоминаний Э. Сноудена, неутешительны: тотальный сбор данных и вечное хранение файлов неизбежно делают из каждого потенциальную жертву государства (с. 240). Подчас заключения автора кажутся слишком параноидальными. В то же время нельзя отрицать, что сложившееся в области накопления и хранения данных к настоящему времени положение беспрецедентно, и вряд ли сегодня можно прогнозировать возможные потенциальные результаты.

ИСТОЧНИКИ

Barlow P.J. A Declaration of the Independence of Cyber Space. February 8, 1996. Available at: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (accessed 24.04.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Сноуден Э. 2020. Эдвард Сноуден. Личное дело. Пер. с англ. Л. Лазаревой. М.: Эксмо, 416 с.

Гоним В. 2012. Революция 2.0. СПб.: Лениздат; Команда А, 352 с.

Даллес А. 1992. Искусство разведки. М.: Международные отношения; МП «Улисс», 288 с.

Зимбардо Ф., Коломбе Н. 2017. Мужчина в отрыве. М.: Альпина паблишер, 343 с.

Кин Э. 2016. Ничего личного. Как социальные сети, поисковые системы и спецслужбы используют наши персональные данные. М.: Альпина паблишер, 224 с.

Клинтон Х.Р. Тяжёлые времена. М.: Эксмо, 2016. 736 с.

Стэндинг Г. 2020. Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем пресс, 368 с.

Флорида Р. 2016. Креативный класс: Люди, которые создают будущее. М.: Манн, Иванов и Фербер, 384 с.

Харрис Ш. 2017. Кибервойн@. Пятый театр военных действий. М.: Альпина паблишер, 390 с.

REFERENCES

Assange J. 2011. The Unauthorised Autobiography. Edinburgh: Canongate, XII + 340 p.

Assange J., Appelbaum J., Müller-Maguhn A., Zimmermann J. 2012. Cypherpunks: Freedom and the Future of the Internet. New York: OR Books, VIII + 186 p.

Clinton H.R. 2014. Tiazhelye vremena [Hard Choices] (in Russ., translated from English). Moscow: Eksmo, 736 p.

Domscheit-Berg D. 2011. Inside WikiLeaks: My Time with Julian Assange at the World's Most Dangerous Website. New York: Crown Publishers, XIV + 282 p.

Dulles A. 1992. Iskustvo razvedki [The Craft of Intelligence] (In Russ., translated from English). Moscow: Mezhdunarodnyie Otnosheniya Publishers. 288 p.

Florida R. 2016. Kreativnyi klass. Liudi, kotorye sozdaiut budushchee [The Rise of the Creative Class]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 384 p.

Ghonim W. 2012. Revoliutsiia 2.0 [Revolution 2.0] (In Russ., translated from English). Saint-Petersburg: Lenizdat, X + 308 p.

Harris S. 2017. Kibervoin@. Piatyi teatr voennykh deistvii [@War: The Rise of the Military-Internet Complex] (In Russ., translated from English). Moscow: Alpina Publisher, 390 p.

In Defense of Julian Assange / Ed. by T. Ali, M. Kunstler. Moscow: OR Books, 2019. XLVIII + 402 p.

Keen A. 2015. Nichego lichnogo. Kak sotsial'nye seti, poiskovye sistemy i spetssluzhby ispol'zuiut nashi personal'nye dannye [The Internet is not the Answer] (In Russ., translated from English). Moscow: Alpina Publisher, 224 p.

Leigh D., Harding L. 2011. WikiLeaks: Inside Julian Assange's War on Secrecy. London: Guardian Books, XII + 340 p.

Snowden E. 2019. Edvard Snouden. Lichnoe delo [Permanent Record] (In Russ., translated from English). Moscow: Eksmo, 416 p.

Standing G. 2020. Prekariat: novyi opasnyi klass [The Precariat: The New Dangerous Class] (In Russ., translated from English). Moscow: Ad Marginem Press, 368 p.

Whistleblowing Nation: The History of National Security Disclosures and the Cult of State Secrecy / Ed. by K. Mistry, H. Gurman. New York: Columbia University Press, 2020. XII + 380 p.

Zimbardo P., Coulombe N. 2017. Muzhchina v otryve [Man, Interrupted] (In Russ., translated from English). Moscow: Alpina Publisher, 343 p.

Zuboff Sh. 2019. The Age of Surveillance Capitalism. The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. London: Profile Books, 717 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СУРГУЛАДЗЕ Вахтанг Шотович, кандидат философских наук, докторант Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Российская Федерация 125993, Москва, Ленинградский проспект, 49.

Vakhtang Sh. SURGULADZE, Candidate of Science (Philosophy), doctoral candidate at the Department of political science, the Financial University under the Government of the Russian Federation. 49, Leningradskiy prospect, Moscow, 125993 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 24.04.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 29.04.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 30.04.2022.

УДК 774, 778

DOI: 10.31857/S2686673022060074

EDN: GRWWSE

Жанр портрета в творчестве фотохудожников США

М.В. Переверзева*Российский государственный социальный университет**Российская Федерация, Москва, ул. В. Пика, д. 4/1*

Scopus Author ID: 57201882586

Researcher ID: AAZ-5196-2020

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4992-2738>e-mail: melissasea@mail.ru

Резюме: Главным объектом внимания фотохудожника является человек, его внутренний мир, эмоции и переживания, идеи и жизненный опыт. Поэтому самым популярным, но и самым сложным жанром фотографии, требующим мастерства техники съемки, был и остается портрет. Фотограф должен быть в душе психологом и уметь раскрыть физическую и духовную красоту личности. Но помимо работы с самим человеком важно уметь играть с освещением, фоном, светотенями и многими другими эффектами фотопортрета. Ведущую роль в становлении жанра фотопортрета сыграли фотохудожники США, творчество которых рассматривается с точки зрения вклада американцев в развитие главного жанра данного вида искусства. В работе систематизированы эстетические и технологические основы портретной фотографии и представлены результаты исследования творчества ведущих фотографов-портретистов США XX и XXI века.

Ключевые слова: фотография, фотопортрет, США, А. Стиглиц, М. Рей, Ф. Халсман, П. Линдберг, Э. Лейбовиц, С. Манн, С. Шерман, Т. Уолкер

Для цитирования: Переверзева М.В. Жанр портрета в творчестве фотохудожников США. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2022; 52(6): 108-122.

DOI: 10.31857/S2686673022060074 EDN: GRWWSE

Portrait Genre in the Work of the US Photo Artists

Marina.V. Pereverzeva*Russian State Social University,**4/1 Vilgelma Pika st., Moscow, Russian Federation,*

Scopus Author ID: 57201882586

Researcher ID: AAZ-5196-2020

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4992-2738>e-mail: melissasea@mail.ru

Abstract: The main object of the photographer's attention is man, his inner world, emotions and experiences, ideas and life experience. Therefore, the most popular, but also the most difficult genre of photography, requiring the skill of the shooting technique, was and remains a portrait. The photographer must be a psychologist in the soul and be able to reveal the physical and spiritual beauty of the person. But in addition to working with the person himself, it is important to be able to play with lighting, background, chiaros and many other effects of a photo portrait. The leading role in the formation of the genre of photo portrait was played by US pho-

tographers, whose work is considered in terms of the contribution of Americans to the development of the main genre of this type of art. The work systematized the aesthetic and technological foundations of portrait photography and presented the results of a study of the work of leading portrait photographers of the USA of the 20th and 21st centuries.

Keywords: photography, photo portrait, USA, A. Stiglitz, M. Rey, F. Halsman, P. Lindberg, A. Leibowitz, S. Mann, S. Sherman, T. Walker

For citation: Pereverzeva M.V. Portrait Genre in the Work of the US Photo Artists. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2022; 52(6): 108-122.

DOI: 10.31857/S2686673022060074 EDN: GRWWSE

ВВЕДЕНИЕ

Фотография в современном мире имеет большое значение. Она не только прочно утвердилась в качестве самостоятельного жанра изобразительного искусства и вызывает стойкий интерес у современных художников, но и служит способом запечатления реальности, выражения своего мироощущения и воплощения глубоких философских идей. При этом существуют разные жанры и направления фотоискусства, появляются новые формы и фототехнологии, расширяющие арсенал выразительных средств фотоискусства. Поэтому исследователей интересует творчество современных фотохудожников, которое меняет нашу жизнь и представления о человеке и окружающем мире.

Ещё на заре развития фотографии остро стоял вопрос о том, можно ли относить фотографию к искусству или это не более чем средство фиксации и передачи информации об окружающем нас мире. Долгие годы ушли на то, чтобы фотография отвоевала своё место в мире искусства, наряду со скульптурой, живописью, литературой, поэзией, музыкой, хореографией, театром и кинематографом.

Поначалу она мыслилась как подспорье для репортёров газет и исследователей, затем художники начали использовать снимки в качестве основы для своих работ и уже позднее появились авторы (в первую очередь пикториалисты), сблизившие выразительные средства фото и живописи. В XX веке в фотографии проявились тенденции и стилевые признаки авангарда. Она вышла из тени живописи и стала ведущей формой выражения человеческого мировосприятия. Однако сейчас, когда фотография стала доступным почти каждому средством коммуникации в социальных сетях, снова возникает вопрос о том, что именно служит критериями оценки художественного уровня того или иного снимка.

В развитии фотографии как искусства выделяют несколько периодов. Вначале она мало чем отличалась от живописи, то есть фотографы пытались использовать хорошо знакомые им живописные приёмы. Они снимали, главным образом, монументальные, недвижимые объекты. Такие первые фотографические отпечатки относились к жанру портрета или пейзажа. Развитие газетной индустрии в XIX веке позволило фотографии занять нишу простого докумен-

тального свидетельства событий. Тогда ещё вряд ли можно было говорить о выразительности и художественном уровне фотографии [Новая история фотографии, 2008].

В 1856 г. Оскар Г. Рейландер сделал уникальный комбинированный отпечаток с тридцати различных ретушированных негативов. В фотографии под названием «Два пути жизни» словно описывалась древняя сага о вступлении двух молодых людей в жизнь. Один из главных героев обращается к различным добродетелям, милосердию, религии и ремеслам, а другой, наоборот, увлекается такими греховными прелестями жизни, как азартные игры, вино, женщины. Этот аллегорический снимок мгновенно получил широкую известность. Творческий подход Оскара Г. Рейландера опирался, конечно, на классическое искусствоведческое образование, полученное им в Римской академии. В дальнейшем с его именем связаны и разнообразные эксперименты с фотомонтажом, и с разработкой двойной экспозиции и с потрясающей многоэкспозиционной фотографией [Пондопуло, 1997].

Дело Рейландера продолжил талантливый художник и фотограф Генри Пич Робинсон, который прославился благодаря своему комбинированному снимку «Уходящая», сделанному с пяти негативов. На этой художественной фотографии была запечатлена умирающая в кресле девочка, над которой печально стоят её сестра и мать, а отец смотрит в открытое окно. Снимок «Уходящая» подвергся критике за искажение правды, но, тем не менее, обрел широкую известность. Робинсон стал ведущим представителем так называемой пикториальной фотографии в странах Европы.

Это направление фотоискусства занимало господствующее положение вплоть до первого десятилетия XX века. В пикториальной фотографии использовались многие живописные эффекты и приёмы. Развитию её как самостоятельного вида искусства в начале прошлого века во многом способствовали регулярные выставки, на которых наряду с простыми красивыми кадрами зрители могли увидеть и интересные работы, заслуживающие звание «художественного произведения». Одна из первых международных выставок прошла в галерее фотографии со скромным названием 291, которую в 1905 г. в Нью-Йорке открыл Альфред Стиглиц. Это была настоящая выставка современного искусства, на которой демонстрировались работы известных художников и фотографов.

Вскоре появились новые жанры фотографии, в которых ключевым моментом становится авторский замысел и творческое видение фотографа. Известные мастера того времени в своих художественных работах начали затрагивать общественные проблемы – социальное неравенство, нищету, эксплуатацию детского труда и многие другие. В целом в фотоискусстве сложилось три классических жанра: натюрморт, пейзаж и портрет. Портретная фотография – самый распространенный и востребованный жанр. Человек и его внутренний мир –

были и остаются главным объектом искусства. *Поэтому именно в портрете фотография заявила о себе как о виде искусства.*

Искусствоведы выделяют два этапа становления фотопортрета: студийная фотография, относящаяся к XIX столетию, и репортажная, которая возникла в начале XX века. В XIX веке громоздкие камеры и низкочувствительные материалы не позволяли мастерам выйти за пределы студии. В результате появлялись величественные, хотя и несколько статичные портреты, откровенно ориентирующиеся на эстетику изобразительного искусства. Изобретение портативных камер, появление высокочувствительных фотоматериалов в конце XIX века привели к решительным переменам в портретном жанре. Динамика подлинной жизни, пришедшая в репортажный портрет, повлекла за собой смещение акцентов в раскрытии человеческого характера. Если в станковом портрете характер раскрывался в основном через лицо (и в гораздо меньшей степени через жест, позу, одежду, антураж студии), то в репортажном – через все многообразие происходящего на снимке.

Методами исследования послужили системно-исторический, дескриптивный, хронологический, культурологический и искусствоведческий анализ. Последний предполагает комплексное исследование процессов и тенденций в области искусства, влияющих на формирование и развитие портретной фотографии США как феномена культуры. В работе также используются метод сравнительного и системного анализа, метод культурологического описания феноменов. Теоретической базой исследования стали труды о фотоискусстве А. Донде, С. Сонтаг, Ш. Коттон, Ж. Денизо, Р. Барт, Л. Магни и других. В исследовании историко-культурного контекста портретной фотографии мы опирались на публикации по истории фотографии (М.У. Мэрией, М. Фризо, В. Левашов, М. Шептер), литературные опыты фотографов (П. Линдберг, С. Манн, П. Роверси), а также работы, посвящённые проблематике культурной и социальной истории отдельных областей портретной фотографии.

ГАЛЕРЕЯ СЛАВЫ АМЕРИКАНСКИХ ФОТОХУДОЖНИКОВ

В истории развития фотографии и фотопортрета определяющую роль сыграли фотохудожники США. Ранние мастера в лучших своих работах не только запечатлевали внешние черты человека, но и проникали в глубины его характера. Толчком к появлению новых художественных форм стали технические новшества, которые давали фотографам больше творческой свободы при съёмке, и искусство художников, которые становились властителями дум и законодателями «фотомод». Альфред Стиглиц, Ман Рей, Филипп Халсман, Ричард Аведон, Энни Лейбовиц и многие другие американцы подняли фотографию на высочайший художественный уровень (см. таблицу).

Таблица

Американские фотохудожники	Черты стиля, творческие установки
Альфред Стиглиц (1864–1910 гг.)	Часто менял технику исполнения портрета, искал новые технические приёмы и средства выразительности. Возможно, именно поэтому его творческие находки остаются актуальными до сих пор.
Ман Рэй (1890–1976 гг.)	Относился к искусству как к игре, увлекался экспериментами в технике получения изображения. В создании портретов всегда ориентировался на принцип золотого сечения, причём доводил его до совершенства. Однако он был как раз тем фотографом, который сумел заставить классические правила звучать на новый лад.
Филипп Халсман (1906–1979 гг.)	Выдающийся фотограф середины XX века стал родоначальником сюрреализма в фотографии. Он практиковал разнообразные фотографические методы, необычное освещение, нестандартные ракурсы, оригинальные композиции и др., стремясь передать в снимке характер человека. Халсман всегда восхищался человеческим лицом, всю жизнь пытался разгадать загадку человеческой природы. Должно быть, это помогло ему стать гениальным фотографом портретного жанра.
Ирвин Пенн (1917–2009 гг.)	Мастер портретного и фэшн-жанра. Уже в 1943 г. на обложке журнала «Вог» (<i>Vogue</i>) появилась его первая фотография. Многие работы Пенна выставлены в Музее современного искусства и в Метрополитен-музее в Нью-Йорке. Известны оригинальные приёмы его фотосъёмки: он снимал людей в тёмном углу комнаты или на серых, аскетичных фонах.
Ричард Аведон (1923–2004 гг.)	Его называли мастером чёрно-белого портрета и автором самых редких ракурсов. На снимках гениального нью-йоркского фотохудожника запечатлено абсолютно всё. Свой первый снимок Ричард сделал ещё лет в девять, когда случайно поймал в объектив Сергея Рахманинова. Творчество Ричарда Аведона ценно тем, что оно образует всеобъемлющий собирательный портрет деятелей искусства, моды, политической и экономической жизни Соединённых Штатов с 50-х годов XX века.

Питер Линдберг (1944–2019 гг.)	Изысканный и кинематографичный стиль Линдберга основан на чёрно-белой гамме. Драматизм и неповторимая эстетика ранних чёрно-белых фильмов сильно повлияли на творчество фотографа. В каждой съёмке Линдберга заложена витиеватая история – иногда это целый режиссерский сценарий на бумаге, иногда абсолютная импровизация во время съёмок. Поэтому его работы – это чаще всего фотосериалы, состоящие из множества снимков, которыми при желании можно заполнить целый номер журнала. Масштабы подготовки не уступают киносъёмкам.
Энни Лейбовиц (1949 г. рожд.)	Одна из самых известных портретистов в истории фотографии, в чью камеру смотрели практически все современные мировые знаменитости. Многие ее работы настолько известны, что перешли в иное качество: они отделились от личности автора и стали жить собственной жизнью в качестве общеизвестных произведений искусства. Никто так не работает с крупными планами, как Лейбовиц: зачастую в кадре есть только лицо, которое невероятным образом притягивает взгляды. Фотограф «заставляет» каждую морщинку, положение рук, наклон головы рассказать историю жизни человека или описать целое событие.
Грег Горман (1949 г. рожд.)	Один из самых востребованных в мире американский портретный фотограф. Он выработал свой индивидуальный стиль, начиная с портретов и фотографий для рекламных кампаний и заканчивая журнальными разворотами и художественной фотосъёмкой. В своих чёрно-белых портретах использует характерное освещение, которое является одной из отличительных черт его работ.
Салли Манн (1951 г. рожд.)	Камера Салли Манн запечатлела разные эпизоды детства, в том числе и проблемные стороны взросления. Она затронула моменты подрастающего ребенка, о которых не принято говорить открыто: детские страхи, неуверенность в себе, интерес к противоположному полу, непонимание взрослых, одиночество, запрещённые мечты. Её искренность многих удивила и даже шокировала.

Синди Шерман (1954 г. рожд.)	Автор сотен фотопортретов, объект которых – она сама и только она сама. Шерман открывает перед зрителем уникальный и, несмотря на кажущуюся ограниченность, необъятный художественный метод. Её искусство не имеет отношения ни к автопортрету (её персонажи – меньше всего она сама), ни к формированию своего облика в соответствии с избранным культурным кодом, стилем, эстетикой. Это пародия на архетипы, постмодернистский кошмар художника, свободно воспроизводящего себя в любой эпохе.
Тим Уолкер (1970 г. рожд.)	Один из постоянных обитателей пантеона модных фотографов, чьи снимки то и дело попадают на страницы глянцевого издания. Работает преимущественно в направлениях рококо и сюрреализма. У его портретных фотографий есть налёт театральности и волшебства, некий подтекст. По словам фотографа, для понимания его творчества «необходимы юмор и воображение».

Одними из самых влиятельных фотохудожников США были Халсман, Горман, Манн, Лейбовиц, Линдберг и Уолкер. «Меня всегда интересовали люди, – писал Халсман. – Хороший портрет должен – и сегодня и через сто лет – показывать, как человек выглядел и что он из себя представлял» [Ерохин, 2010, с. 498]. Среди знаменитостей, сфотографированных Халсманом, были Альфред Хичкок, Мартин Льюис, Джуди Гарленд, Уинстон Черчилль, Мэрилин Монро, Дороти Дэндридж, Пабло Пикассо, Марк Шагал, Ле Корбюзье, Андре Мальро, Фрэнк Синатра, Элизабет Тейлор, Одри Хепбёрн, Софи Лорен, Мохаммед Али. Знаменитый фотограф-портретист провёл много крупных выставок по всему миру. В 1958 г. журнал «Попьюлар фотографии мэгезин» (*Popular Photography Magazine*) включил Халсмана в список «Десяти величайших фотографов мира». А в 1975 г. он получил премию за достижения в области фотографии от Американской ассоциации журнальных фотографов, в которой в 1945 г. был избран первым президентом. В 2006 г. в честь столетия со дня его рождения художнику был установлен памятник – первый в мире памятник фотографу.

Сильная сторона творчества Гормана – фотографии людей из мира кино и музыки. Его работы можно увидеть повсюду: афиши фильмов, обложки музыкальных релизов и прочее. Горман снимал Марлона Брандо, сэра Энтони Хопкинса, Софи Лорен, Аль Пачино, Барбару Стрейзанд, Алека Болдуина, Роберта де Ниро, Брэда Питта и многих других. В объектив его фотокамеры попадали такие величины музыкального мира, как Элтон Джон, Майкл Джексон, Дэ-

вид Боуи, Фрэнк Заппа и др. Фотографии Гормана – часть классической традиции портретной и фэшн-съёмки начала XX века. В 1970–1980-х годах его внимание было приковано к отдельным чертам лица. Глаза, губы, рот в крике – такие фотографии проходят лейтмотивом через всё его творчество. В последние годы он много работает со светом, лица на студийных фотографиях будто светятся изнутри. Его модели наравне с фотографом участвуют в творческом процессе, они не играют на камеру, как у голландца Корбейна и не позируют, как у Лейбовиц. Работы Гормана – это не поиск потерянной индивидуальности и не создание нового образа. Перед ним люди открывают свою настоящую личность. И здесь очень важно магическое свойство фотографии – ловить ускользающее мгновение.

Не каждый сможет передать людям своё видение, донести смысл своего взгляда на окружающую действительность. Ещё сложнее доказывать свою точку зрения и не изменять самому себе в угоду общественному мнению. Когда такая личность смотрит на жизнь и мир в целом через объектив камеры, тогда и рождаются творения, вызывающие восторг у одних и порицание у других. Мастер вызывать противоречивые чувства – американка Салли Манн. О ней заговорили, когда в свет вышли чёрно-белые снимки членов её семьи, детей, в откровенном, но вполне естественном виде. По словам самого автора, она изобразила то, что видит обычная мать или отец, воспитывая своих детей. Салли Манн – одна из самых титулованных американских фотографов современности. В 2001 г. журнал «Тайм» назвал её лучшим фотографом Америки.

Лейбовиц славится высочайшей внимательностью к деталям. На её фэшн-изображениях или групповых фотоснимках можно рассмотреть мельчайшие нюансы. Все они подчёркнуто выделены, но вместе с тем не перегружают композицию, как это бывает на снимках других фотографов. Достигается идеальная пропорция благодаря уникальному чувству баланса и геометрии сцены, присущему Лейбовиц – все участники и предметы занимают идеальное для них положение. И передний, и задний планы уравновешены друг с другом. Это помогает подчеркнуть каждую уникальную грань личности человека.

С того самого момента, как в 1988 г. в «Вог» появились снимки Линдберга, фотограф документирует мир моды, ловя его самые совершенные моменты. Работы публикует в журналах с мировым именем – «Нью-Йоркер» (*The New Yorker*), «Харперс базар» (*Harper's Bazaar*), «Вэнити фэр» (*Vanity Fair*), «Вог» и др. Романтическим видением индустриального мира Линдберг наполнил многие свои работы. Вид промышленного города близок ему с ранних лет – Питер вырос в заводских пейзажах, среди портовых причалов и длинных железнодорожных мостов. Кино – пожалуй, самая главная страсть фотографа. Для него не стоит

особого труда собрать массовку на целый павильон, перекрыть улицу в Нью-Йорке или привезти в пустыню обломки самолёта и взорвать их. Вместе с тем, не менее впечатляющими кажутся портреты, которые Линдберг снимает на простом чёрном фоне или на фоне моря.

Тим Уолкер избегает фотошопа, используя реальный реквизит и освещение. Все его работы отличают чувство юмора и любовь к парадоксам. Глядя на снимки Уолкера, словно переносишься в другой мир, где всё возможно, в мир фантазий. «Я бы сказал, что живу в сказке без начала и конца. В ней огромное количество персонажей: маленькие лошадки, непонятные люди, монстры, добрые животные, растения, яблоки размером с голову. Когда мне нужно сделать съёмку, я просто достаю из этой сказки маленький кусочек волшебства» [Новая история, 2008, с. 243].

Возможно, благодаря творчеству этих художников, а может быть, потому что портрет и сегодня остаётся самым востребованным жанром и привлекает львиную долю творческих усилий фотографов, поиск новых форм и новых техник портрета продолжается до сих пор. Портрет использует средства и предметной, и пейзажной и абстрактной фотографии, способствуя взаимопроникновению и размыванию границ этих жанров. Свою роль играет и растущая доступность фотографии, и современное состояние культуры – мы живём в эпоху создания новых форм фотопортрета на основе старых. Искусствоведы отмечают, что тенденция к отказу от жанровой чистоты портрета, зародившаяся более века назад, и сейчас продолжает определять его развитие [Бажак, 2003].

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, ТЕХНОЛОГИИ И ПРИНЦИПЫ СОЗДАНИЯ ФОТОПОРТРЕТА

Будучи видом изобразительного искусства, создающего художественный образ, фотография подчиняется тем же правилам классической живописи и допускает её же методы и приёмы. Принципы построения фотографии как художественного произведения близки принципам традиционного изобразительного искусства: композиция, внутреннее и внешнее пространство, перспектива, свет и светотень, цветовое решение и образы, колорит, движение и статика, текстура, форма и стилистика. Американские фотохудожники разработали основные принципы создания портрета, сохранившие актуальность до сих пор ввиду их универсальности и художественной оправданности.

Композиция, отвечающая за целостность кадра, соподчинение элементов фотографии друг другу и обусловленность замыслом художника, как многоэлементный феномен (пространство, линии, формы или фигуры, движение

и ритм, текстуры, свет, цвет и точка фокуса) способна управлять настроением зрителя, обращать его внимание на важные объекты в плоскости изображения, прятать «второстепенные элементы». Именно композиция придаёт идее произведения конкретную форму, помогает выразить то неявное, чего нет в самом изображении, а порой внести в него недосказанность для активизации восприятия и осмысления. Халсман, Манн, Лейбовиц, Шерман и Уолкер определяли смысловой акцент и эмоциональную окраску портрета и выбирали особые композиционные приёмы (композиция, свет, цвет, перспектива) для воплощения своего замысла так, чтобы он был верно интерпретирован зрителем.

Главной «божественной пропорцией» композиции является «правило золотого сечения». Соотношение отрезков переносится и на плоскость фотографии. Эту сетку можно увидеть в видоискателе фотокамер. На точках пересечения и линиях этой сетки принято располагать важные объекты или линии фотографируемого изображения. Например, линия горизонта совмещается с нижней линией сетки, если нужно сделать акцент на голубом небе, как в фотопортрете Тильды Суинтон Тима Уолкера (2013 г.).



Тим Уолкер.

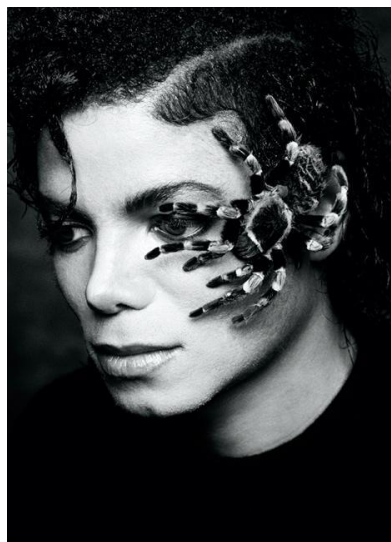
Фотопортрет Тильды Суинтон (2013 г.)

Организация объектов в плоскости изображения, структурирование пространства, задание направлений движения, функции композиционного центра, баланса и смещения объектов, иные приемы задают смысловой тон и содержательную суть фотопортрета. Поэтому вторым правилом композиции является правило равновесия и симметрии. На фотографии следует уравновесить и детали, и главный образ. Если в одной небольшой части фотографии сконцентрирован весь смысл, нужно добавить близкие по смыслу детали в оставшейся части кадра, чтобы уравновесить композицию.

На правиле равновесия построены симметричные сюжеты. Широко использовались ведущие линии, которые направляли взгляд зрителя по фотографии к важному объекту. Диагональные линии служил передаче перспективы и ощущения движения на снимке (к такому приёму обращались Халсман, Горман, Аведон, Шерман).



*Питер Линдберг.
Фотопортрет Робин Райт (2011 г.)*



*Грег Горман.
Портрет Майкла Джексона (1987 г.)*

Приём обрамления (*framing*) представлял собой использование естественных рамок – окон, дверей – для обрамления «героя» кадра, как в фотопортрете Робин Райт Питера Линдберга (2011 г.).

Контраст объекта и фона усиливает красоту снимка (фотопортреты Майкла Джексона, Ким Бесинджер, Леонардо ди Каприо, Микки Рурка, Джонни Деппа и многих других голливудских знаменитостей Грега Гормана).

Американские фотохудожники широко используют текстурный, цветовой, масштабный контрасты (излюбленные приёмы Манна, Линдберга и Уолкера).

Крупный план – эффективный способ избавиться от лишнего в кадре и дать понять зрителю кто в нём герой, например, Майкл Джексон в работе Грега Гормана.

Ракурсы привлекают внимание необычным углом зрения, который характерен для Стиглица, Халсмана, Манн, Шермана. Геометрические фигуры в композиции кадра связывают в единое целое объекты и поэтому усиливают эмоциональное впечатление от работы [Арнхейм, 1994]. Нахождение такого ракурса, когда глаз увидит в кадре три базовых фигуры – квадрат, треугольник, круг и их производные – овал, эллипс, трапецию, ромб, – обеспечивает совершенную композицию фотоработы. «Композиция важна, – считал Уолкер, – но правила создаются для того, чтобы их нарушать. Самое важное это самому получить удовольствие и снимать в своем стиле» [Новая история фотографии, 2008, с. 136].

Освещение – важнейший инструмент для передачи настроения, направляющий взгляд зрителя именно туда, куда нужно. Местоположение светового пятна на фото определяется спецификой восприятия фотографии зрителем.



Энни Лейбовиц,
Фотопортрет Энн Хэтэуэй (2012 г.)

Первым делом он смотрит на то, что находится в центре изображения, и потом уже перемещает взгляд к границам кадра. Взгляд автоматически притягивается к самому освещённому участку изображения. Световые и цветовые контрасты также притягивают взгляд (этим пользовались Пенн, Лейбовиц, Шерман, Линдберг, Уолкер). Чем более насыщен цвет, тем скорее глаз замечает его (притягивают сначала теплые, потом холодные тона).

Фотопортрет Энн Хэтэуэй Энни Лейбовиц (2012 г.) включает перечисленные приёмы.

Взгляд человека в первую очередь распознаёт лица, даже если они не в фокусе или частично скрыты за предметами. Узоры, симметрия и формы, не характерные для природы и редко встречающиеся в ней, также притягивают взгляд: он выискивает «аномалии», которые кажутся визуально интересными. Противопоставление затенённых и освещённых участков помогает передать глубину фотопортрета. Объём – восприятие на двухмерном снимке глубины трёхмерного объекта из реального мира – передаётся при помощи противопоставления светлых и тёмных участков. За счёт этого определённые элементы фотографии будут выделяться или, наоборот, сливаться с фоном. В портретах контраст создаётся путём осветления лица и уменьшения подсветки фона или затенённого участка лица. Так создаются портреты в тёмной тональности – в низком ключе, или в светлой тональности – высоком ключе.

Ещё один эффектный инструмент, используемый американскими фотохудожниками для создания портретов, помимо контраста, – тень и темнота. В выразительном портрете, особенно студийном, затенённые участки так же важны, как освещённые. Тень создаёт ощущение глубины: именно благодаря взаимодействию затенённых и освещённых участков создаётся эффект трёхмерности [Картъе-Брессон, 2008]. Следует учесть, что при съёмке таких объектов с неровной текстурой, как человеческое лицо, все детали будут резко выделяться, даже если свет падает слева или справа. Жёсткий свет может быть очень красивым, но он не скрадывает изъяны; мягкий свет тоже используется при съёмке контрастных фотографий, но края теней уже не будут чётко очерчен-

ными, а блики – яркими. Поэтому Аведон, Шерман, Линдберг, Пенн, Лейбовиц использовали средний по контрасту свет – не жёсткий и не мягкий, который даёт и контраст, и рефлекс, но не подчёркивает изъяны и легко падает на объекты.

Свет, расположенный выше плоскости камеры и направленный на объект, воспринимается глазом как направленный вниз; свет ниже камеры – как направленный вверх. Расположенный близко к камере свет почти не даёт тени; свет слева или справа отбрасывает длинные тени, которые делают снимки более выразительными. Светотеневой выразительностью обладали фотопортреты Рэя, Халсмана, Гормана, Пенна. Они широко применяли приём «рисующего» и «заполняющего» света, от которого зависит экспозиция фотографии и степень освещения частей объекта. Контровой свет, отделяющий контур объекта от фона, создаёт объём и контраст. Пенн и Линдберг работали над схемами света – определённым рисунком на лице с тенями, созданным «рисующим» светом. Существуют схемы: «парамаунт», «петля», «рембрандтовский свет», «боковой свет» («сплит»).

Стиглиц, Лейбовиц, Шерман и Уолкер работали с цветом. Умение управлять цветом помогает фотохудожнику вызывать эмоциональный отклик и эстетические чувства. Основную концепцию цвета выдвинул химик Мишель Шеврёль. Он впервые показал, как цвета взаимодействуют друг с другом (так называемый одновременный цветовой контраст) и выдвинул идею, что один цвет может выглядеть по-разному в зависимости от присутствия рядом других цветов [Изард, 2008]. Этот принцип нашёл применение в работах импрессионистов (Клода Моне, Поля Сезанна) и абстрактных экспрессионистов (Джексона Поллока, Марка Ротко). Характер психологического воздействия и символика цвета помогают наполнить фотопортрет глубоким смыслом и контекстом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стилистика любой съёмки опирается на её замысел. Всё, что попадает в кадр, не должно быть случайным. Это не значит, что съёмка не допускает спонтанности – как раз наоборот: когда все визуальные элементы продуманы, у фотохудожника больше творческой свободы. Об этом говорят портреты американских фотографов XX века. Сильная фотография всегда чётко продумана и выстроена – и неважно, снимается «глянец» или «суровая правда жизни», в высоком или низком ключе.

Задача портретной съёмки – получить выразительный портрет. Этого можно достичь освещением с большим количеством контрастных теней, использованием ярких цветов, другими средствами, вызывающими эмоциональный отклик.

Воплощению конечного замысла, каким бы он ни был, способствуют и гардероб, и среда, и прическа, и макияж. Если что-то из перечисленного не приближает фотохудожника к цели, он продолжает поиск средств выразительности. Портретный жанр в творчестве американских фотохудожников благодаря их высокому профессиональному и творческому подходу стал образцом мирового фотоискусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства / пер. с англ. Г.Е. Крейгина, ред. В.П. Шестакова. М.: Прометей, 1994. 352 с.

Бажак К. История фотографии. Возникновение изображения / пер. с фр. А. Кавтаскина. М.: Астрель, 2003. 240 с.

Ерохин С.В. Эстетика цифрового изобразительного искусства. СПб: Алтейя, 2010. 538 с.

Жарковский Д. Вглядываясь в фотографии. 100 снимков из коллекции Музея современного искусства в Нью-Йорке. Нью-Йорк: Музей современного искусства, 2003. 216 с.

Изард К. Эмоции человека. М.: Директ-Медиа, 2008. 954 с.

Картье-Брессон А. Воображаемая реальность / пер. с фр. Г. Соловьева. СПб.: Лимбус Пресс, 2008. 128 с.

Новая история фотографии / под ред. М. Фризо. Милан: Machina, 2008. 336 с.

Пондопуло Г.К., Ростокская М.А. Новые искусства и современная культура. Фотография и кино. М.: ВГИК, 1997. 231 с.

REFERENCES

Arnheim, R. Novye ocherki po psikhologii iskusstva [New essays on the psychology of art] (In Russ., translated from English).. Moscow: Prometheus, 1994. 352 p.

Bajac Q. Istoriia fotografii. Voznikovenie izobrazheniia [L'image révélée: L'invention de la Photographie] (In Russ., translated from French). Moscow: Astrel, 2003. 240 p.

Erokhin S. Estetika tsifrovogo izobrazitel'nogo iskusstva [Aesthetics of Digital Visual Arts] (In Russ.). St. Petersburg: Althia, 2010. 538 p.

Szarkowski J. Looking at Photographs. 100 Pictures from the Collection of the Museum of Modern Art in New York. New York: Museum of Modern Art, 2003. 216 p.

Izard C. Emotsii cheloveka [Human emotions] (In Russ., translated from English). Moscow: Direct Media, 2008. 954 p.

Cartier-Bresson H. Voobrazhaemaia real'nost' [L'imaginaire d'apres nature] (In Russ., translated from French). St. Petersburg: Limbus Press, 2008. 128 s.

Novaia istoriia fotografii [Nouvelle histoire de la photographie] (In Russ., translated from French). Ed. by M. Frisot. Milan: Machina, 2008. 336 p.

Pondopulo G.K., Rostotskaya M.A. Novye iskusstva i sovremennaia kul'tura. Fotografiia i kino [New arts and contemporary culture. Photography and cinema] (In Russ.). Moscow: VGIK, 1997. 231 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПЕРЕВЕРЗЕВА Марина Викторовна, доктор искусствоведения, доцент, профессор факультета искусств Российского государственного социального университета. Российская Федерация, Москва, ул. В. Пика, д. 4/1.	Marina V. PEREVERZEVA, Doctor of Arts, associate professor, professor of Arts Department, Russian State Social University. 4/1 Vilgelma Pika st., Moscow, Russian Federation.
---	---

Статья поступила в редакцию / Received 18.04.2022.

Поступила после рецензирования / Revised 28.04.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 29.04.2022.

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ**

Лицензия на право ведения образовательной деятельности

серия 90Л01 № 0009385 от 09.08.2016 г.

Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24.07.2019 г.

Объявляет приём студентов на первый курс (2022/2023 уч. г.) очного (дневного) отделения:

по направлениям **БАКАЛАВРИАТА** (срок обучения – 4 года)

- **«Международные отношения»**, направление подготовки: 41.03.05, профиль «Международная безопасность» **(30 контрактных мест)**
- **«Зарубежное регионоведение»**, направление подготовки: 41.03.01, профиль «США и Канада» **(10 бюджетных мест: 1 место - целевое; 1 место - особое право; 8 мест - общий конкурс; контрактных мест - 30)**

Приём проводится на основе конкурса по результатам ЕГЭ по предметам:

- История России
- Иностранный язык
- Русский язык

по направлению **МАГИСТРАТУРЫ** (срок обучения – 2 года)

- **«Зарубежное регионоведение»**, направление подготовки: 41.04.01, профиль «Американские исследования». **(3 бюджетных места: 1 место - особое право, 2 места - общий конкурс; контрактных мест - 10)**

Приём в магистратуру проводится на основе конкурса по результатам сдачи экзамена по зарубежному регионоведению и итогам собеседования.

Приём документов онлайн с регистрацией на сайте priem.gaugn.ru

- бакалавриат – с 20 июня 2022 г.
- магистратура - с 01 июля 2022 г.

Телефон для справок: 8 (499) 238-04-12; 8 (495) 915-33-82 доб. 103, 404; 8 (962) 927-32-69.

Абитуриенты представляют в приемную комиссию:

документ или копию документа о среднем (полном) образовании,

копию паспорта

4 фотографии 3х4 см,

для льготных категорий – документы, удостоверяющие льготы

медицинскую справку (форма 086/у).

- Сайт ИСКРАН: www.iskran.ru
- Сайт ГАУГН: www.gaugn.ru
- Электронный адрес: worldpolitics@gaugn.ru

Факультет мировой политики (ФМП) ГАУГН основан в 2000 г. на базе **Института США и Канады РАН (ИСКРАН)** – ведущего российского и мирового научного центра в области американских исследований, канадоведения, международных отношений и международной безопасности. Декан факультета – научный руководитель ИСКРАН, академик РАН, профессор, С.М. Рогов. Факультет входит в структуру Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) – высшего учебного заведения, созданного благодаря сотрудничеству Российской академии наук и Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. Президент ГАУГН – академик РАН, профессор, Председатель Общественного совета при Министерстве науки и высшего образования, А.О. Чубарьян, ректор – кандидат исторических наук, доцент Д.В. Фомин-Нилов. В ГАУГН действуют 10 факультетов, каждый из которых базируется в профильном институте РАН.

Учебные планы и программы обучения, составленные в соответствии с ФГОС 3++ по направлениям бакалавриата и магистратуры «Зарубежное регионоведение» и «Международные отношения», предусматривают изучение общих гуманитарных, естественно-научных, профессиональных и специальных дисциплин, предметов по выбору студента, а также факультативных дисциплин.

Специфика ИСКРАН, активно участвующего в процессе формирования внешней политики России, даёт студентам факультета уникальную возможность приобщиться к практике экономического и политического анализа и консультирования, ориентированных на реализацию внешнеполитических интересов России.

Основу профессорско-преподавательского состава ФМП составляют научные сотрудники Института США и Канады РАН. Многие из них имеют многолетний опыт научной и педагогической работы в МГИМО(У) МИД РФ, МГУ, МГЛУ, а также ведущих университетах США и стран Западной Европы.

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
НАУКИ
ИНСТИТУТ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И КАНАДЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

*Лицензия на осуществление образовательной деятельности
№ 0244 от 25.07.2012 г.*

Свидетельство о государственной аккредитации № 2445 от 22.12.2016 г.

**Объявляет приём аспирантов на 2022/2023 учебный год
(форма обучения – очная, срок обучения – 3 года)
по направлениям (научным специальностям):**

- **«Политические науки и регионоведение», направление подготовки 41.06.01:**
 - научная специальность 5.5.2 «Политические процессы, институты и технологии» **(3 места по договору об оказании платных образовательных услуг);**
 - научная специальность 5.5.4 «Международные отношения» **(3 места по договору об оказании платных образовательных услуг).**
- **«Экономика», направление подготовки 38.06.01:**
 - научная специальность 5.2.5 «Мировая экономика» **(1 бюджетное место; 3 места по договору об оказании платных образовательных услуг).**

Сроки приёма документов – с 15 августа по 9 сентября 2022 г.

Документы, необходимые для поступления, представляются поступающим в организацию одним из следующих способов:

- Лично по адресу: г. Москва, Хлебный переулок, д. 2/3;
- Через операторов почтовой связи по адресу: 121069, г. Москва, Хлебный переулок, д. 2/3;
- В электронной форме на информационно-образовательном портале ИСКРАН по ссылке: <http://edu.iskran.ru/aspirantura/priem-dokumentov/>

Поступающие предоставляют в приёмную комиссию: оригинал или копию документа об окончании магистратуры или специалитета; копии паспорта, СНИЛС и ИНН; 2 фотографии 3х4 см; реферат по выбранному направлению подготовки; индивидуальные достижения.

Вступительные испытания: экзамен по специальной дисциплине и собеседование по реферату; экзамен по английскому языку.

Сроки проведения вступительных испытаний: с 12 по 29 сентября 2022 г.

Сайт ИСКРАН: www.iskran.ru

Телефон для справок: 8 (495) 691-11-66; 8 (495) 915-32-27, доб. 406.

Электронный адрес: aspirantura@iskran.ru

Институт США и Канады РАН (ИСКРАН) – ведущий российский и мировой научный центра в области американских исследований, канадоведения, международных отношений и международной безопасности. Директор ИСКРАН – доктор исторических наук, профессор В.Н. Гарбузов. Научный руководитель ИСКРАН – академик РАН, профессор С.М. Рогов. Специфика ИСКРАН, активно участвующего в процессе формирования внешней политики России, даёт аспирантам уникальную возможность приобщиться к практике экономического и политического анализа и консультирования, ориентированных на реализацию внешнеполитических интересов России.

Основу профессорско-преподавательского состава аспирантуры составляют научные сотрудники Института США и Канады РАН. Многие из них имеют многолетний опыт научной и педагогической работы в МГИМО(У) МИД РФ, МГУ, а также ведущих университетах США и стран Западной Европы.

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русс., англ.), аннотация (русс., англ.), ключевые слова (русс., англ.), полная информация об авторе (русс., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик "Размышляя над прочитанным" и "Книжная полка" могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках ("Список литературы" и "References" соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе "Источники", который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах "Источники" и "Список литературы/References" приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе "Источники", [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе "Список литературы".

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.